Годъ 1-й Декабрь. № 3.

Теософическое Обозрѣніе

Путь къ Всемірному Братству

журналъ,
посвященный
Братству человѣчества, теософіи
и изученію
Этики, философіи, наукъ и искусствъ.

Содержаніе № 3.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ
С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 6 линія, д. 5.
1907.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Теософическое Обозрѣніе

съ Октября 1907 г.

Журналъ будетъ выходить по слѣдующей программѣ:

1) Всеобщее братство народовъ, безъ различія національности, вѣроисповѣданія, касты и пола;
2) Сравнительное изученіе религій, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, философіи и наукъ;
3) Изученіе психическихъ силъ человѣка.

Девизъ журнала: „НѢТЪ РЕЛИГІИ ВЫШЕ ИСТИНЫ“.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ теософіи, философіи, сравнительному изученію религій и наукъ, разсказы и легенды, литературныя и научныя замѣтки, обзоръ періодической литературы и отчетъ о теософическомъ движеніи во всѣхъ странахъ.

Съ январьскаго номера вводится **„Дѣтскій отдѣлъ“** и отдѣлъ международнаго **языка „Эсперанто“.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 4 р., на ½ года **2** р. **50** к., за-границу **на годъ 7** р.
Отдѣльный № **50** коп.

Допускается разсрочка:

при подпискѣ 1 р., къ 1 Декабря, 1 Февраля и 1 Апрѣля по 1 р.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи журнала: **С.-Петербургъ, Вас. Остр., 6 лин., д. № 5** и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель *В. Богушевскій.*

Всѣ статьи, корреспонденція и вся переписка съ редакціей адресуются С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Теософическое Обозрѣніе“ В. О., 6 лин. 5.
О всѣхъ новыхъ книгахъ по теософіи, философіи и пр., присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются отзывы.

ТЕОСОФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„Нѣтъ религіи выше истины".

Декабрь 1907 г. *Годъ I-й.* *№ 3.*

* * *

Теософія, какъ Ангелъ небесный, опять возвращается на землю, въ критическій моментъ исторіи, въ переломѣ вѣковъ, гдѣ кипитъ борьба темныхъ и свѣтлыхъ силъ.

Темныя силы берутъ перевѣсъ, потому что человѣчество потеряло надежду. А съ потерей надежды исчезаетъ желаніе жить, работать, совершенствоваться. Вотъ почему пустота и безцѣльность жизни доводятъ многихъ до самоубійства, физическаго и нравственнаго.

Теософія возвращаетъ людямъ надежду.

Теософія,—это Виѳлеемская звѣзда, которая вела трехъ волхвовъ къ колыбели Христа.

Душа—это столбъ пламени, питающійся матерьяломъ человѣческаго тѣла и тѣми отдѣльными проблесками силъ природы, что вспыхиваютъ въ немъ. Верхъ этого столба соприкасается съ Единымъ, Невыразимымъ, Абсолютнымъ, т. е. Божествомъ. Душа—это связь между Всемірной Единицей и ея микроскопической частью на землѣ.

Праздникъ Рождества Христова приближается. Многіе считаютъ его суевѣріемъ, пережиткомъ старины, и равнодушно къ нему относятся. Стыдно, очень стыдно такъ грубо понимать свою вѣру.

Пусть прислушаются: вѣдь Христосъ, обитающій въ сердцѣ, даетъ тоже приказаніе, что и раньше, именно—Міровую, Божественную Любовь. Безъ этой Любви для людей не можетъ быть счастія, надежды, спасенія отъ мрака и печали, охватившей ихъ.

Душа не должна отрываться отъ Единаго, съ которымъ она, какъ пламя, связываетъ свое тѣло. Только тогда можетъ установится связь человѣка со вселенной, а чѣмъ же эта связь можетъ быть для души, если не Любовью?

Но душа, оторвавшаяся отъ Перворожденнаго въ своемъ сердцѣ, превращается въ блуждающій огонекъ.

Зачѣмъ мы живемъ? Неужели затѣмъ, чтобы продолжать существованіе блуждающихъ огоньковъ? зачѣмъ наука такъ старается найти Единый Законъ и Сущность Природы? для комфорта этихъ огоньковъ? Нѣтъ, истинная наука ищетъ того же Единства, что и религія. Правда, Абсолютное непостижимо уму, но потокъ свѣта, льющійся отъ Него наполняетъ все существующее. Свѣтъ связываетъ все во едино. Свѣтъ есть Истина, а блескъ и радость ея,—развѣ это не та же любовь?

Истина безсмертна. Свѣтлые лучи ея, витающіе въ душѣ человѣка,—безсмертны. Душа, которая не оторвалась отъ нихъ, дѣлается сама частью этого безсмертнаго свѣта, дѣлается сама однимъ изъ лучей Безсмертнаго Единаго.

Но душа, оторвавшаяся отъ Единаго, не имѣетъ права на безсмертіе. Какъ одна изъ слѣпыхъ силъ природы, она вращается вмѣстѣ съ вѣками вѣковъ, т. е. циклами и оборотами земли и ея существованія, во мракѣ и первобытномъ огнѣ силъ природы, темная и потерянная въ этомъ хаосѣ, до дня совершенія судебъ земли.

Но и эти души изъ земной юдоли плача и скрежета зубовнаго,—(а развѣ часть нашего общества не представляетъ такой картины),—да, даже изъ этихъ безнадежныхъ глубинъ Христосъ, Перворожденный сердца, зоветъ къ Себѣ,—потому что Онъ приходитъ спасти потерянныхъ и погибшихъ.

Почтимъ же Его въ своемъ сердцѣ, въ своихъ поступкахъ и въ своихъ трудахъ для изстрадавшейся родины.

Безсмертіе Души

Лекція сэра Оливера Лоджа, Ректора Бирмингамскаго Университета.

> Для человѣка, запертаго въ комнатѣ, прозрачность оконъ составляетъ необходимое условіе для того, чтобы онъ могъ видѣть небеса. Но благоразумно ли заключать изъ этого, что если бы онъ вышелъ изъ дома, то онъ больше не могъ бы видѣть небесъ по той причинѣ, что нѣтъ стекла, черезъ которое онъ могъ бы смотрѣть на нихъ. (Макъ Таггартъ: „Some Dogmas of Religion“ стр. 105.).

Слова „безсмертіе Души“ мы должны разсматривать скорѣе какъ текстъ или цитату, чѣмъ какъ точное описаніе предмета этой лекціи, такъ какъ нужно быть слишкомъ самонадѣяннымъ, чтобы попытаться разработать такую обширную тему въ продолженіе одного часа, или даже больше, ибо на это не хватило бы цѣлой жизни.

Однако, въ нѣкоторомъ смыслѣ, такъ случилось, что въ моей жизни я много работалъ надъ отдѣлами физическихъ изслѣдованій, имѣющими связь съ данной задачей. И когда Докторъ Форсайтъ меня просилъ и даже настаивалъ, чтобы я взялся за прочтеніе такой лекціи,—я нашелъ возможнымъ согласиться, послѣ долгихъ колебаній, попробовать что я могу сдѣлать въ исполненіе желанія основателя этого университета, въ надеждѣ, что случайно я могъ бы помочь тѣмъ или другимъ мыслителямъ, которые, какъ и я, останавливались, часто безъ соотвѣтственной философской подготовки, надъ этими чрезвычайно широкими и важными, но пока темными для насъ задачами.

Во-первыхъ, мы должны опредѣлить наши термины и выраженія.

Что я подразумѣваю подъ словомъ „Безсмертіе“? и

Что я подразумѣваю подъ словомъ „Душа“?

Имѣетъ ли человѣкъ душу?

Принимая во-вниманіе, во первыхъ, что профессоръ Макъ Таггартъ въ своей статьѣ, изъ которой я заимствовалъ превосходный прологъ, въ родѣ предисловія къ этой лекціи, упоминаетъ тамъ о нѣкоторыхъ вопросахъ, съ которыми я не могу вполнѣ согласиться, я бы желалъ отвѣтить на нихъ болѣе подробно въ другой разъ, и по иному поводу, но теперь я приведу только нѣкоторые изъ нихъ. Во главѣ „безсмертіе человѣка“ онъ говоритъ, что даже

постановка вопроса: „Имѣетъ ли человѣкъ душу“ абсурдна сама по себѣ. Онъ утверждаетъ, что скорѣе можно спросить, тождественъ ли онъ съ душой, чѣмъ имѣетъ ли онъ душу, потому что если бы онъ *имѣлъ* душу, то чѣмъ же бы онъ былъ самъ? Тѣломъ, что ли, или чѣмъ нибудь умирающимъ съ этимъ тѣломъ, а душа была бы не имъ самимъ, а только находилась бы въ его владѣніи и освобождалась во время смерти?

Но если мы исправимъ это выраженіе и скажемъ, что „человѣкъ *имѣетъ* тѣло“, понятно что мы этимъ выразимъ неопровержимую истину. А касательно вопроса, что такое самъ человѣкъ, я могу сказать, что онъ есть соединеніе души съ тѣломъ, и что если недостаетъ того или другого, то онъ уже не вполнѣ человѣкъ, а можетъ быть, трупъ, можетъ быть, духъ, и можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ. Но такъ какъ обѣ эти составныя части были соединены во время жизни человѣка, то смерть раздѣляетъ ихъ,—и окончательный продуктъ этого раздѣленія, чѣмъ бы онъ ни былъ, однако не можетъ уже быть названъ человѣкомъ такъ, какъ мы это понимаемъ. Поэтому форма вопроса „безсмертны ли люди“, которую предпочитаетъ всякой другой профессоръ Макъ Таггартъ, не кажется мнѣ такъ обоснованной, какъ другая, болѣе популярная форма вопроса „безсмертна ли душа?“ Потому что на такой вопросъ профессора Макъ Таггарта всякій человѣкъ долженъ навѣрно и безъ колебанія отвѣтить: „Не вполнѣ“ или „не всякая составная часть его безсмертна“. Достовѣрно извѣстно, что одна изъ частей, составляющихъ человѣка, смертна.

Съ одной стороны человѣкъ безъ сомнѣнія принадлежитъ къ животному царству и живетъ на этой планетѣ, землѣ, съ помощью частицъ земной матеріи, которую онъ утилизируетъ для этой цѣли. Подъ словомъ душа я подразумѣваю ту часть человѣка, которая отдѣляется отъ тѣла при смерти его—ту часть, которая характеризируетъ живого человѣка отъ трупа, можно сказать, что душа есть сама жизнь—и нѣтъ сомнѣнія, что жизнь составляетъ часть ея, хотя часто можно слышать мнѣнія, что та „жизненная сила“, которая улетучивается послѣ смерти тѣла, есть что-то несуществующее или фикція воображенія, и что говорить о ней, какъ о чемъ то существующемъ, есть то же самое, какъ сказать о часовой силѣ, переживающей часы разбитые молотомъ.

Пусть такъ, вотъ именно это и будетъ предметомъ нашего аргумента; несмотря на то, намъ настолько же безполезно начать нашъ аргументъ съ предположенія, что эта разсѣявшаяся и, можетъ быть, фиктивная часть является самимъ человѣкомъ, насколько безполезно начать аргументъ съ другого предположенія, что видимое и осязаемое тѣло есть самъ человѣкъ. Исчезнувшіе признаки человѣка могутъ оказаться болѣе интимно связанными и болѣе существен-

ными частями настоящей сущности человѣка, чѣмъ тотъ матеріальный инструментъ, который былъ брошенъ, но не исчезъ; можетъ оказаться, что именно онѣ имѣютъ болѣе прочное и поэтому болѣе реальное существованіе, чѣмъ тотъ временный сосудъ, который служилъ орудіемъ проявленія этихъ качествъ и аттрибутовъ въ продолженіе срока человѣческой жизни; можетъ оказаться, что эти исчезнувшія качества именно и были спеціальнымъ мѣстомъ пребыванія его личности и индивидуальности. Но это и составляетъ вопросъ, который мы должны еще доказать, и который не долженъ приниматься a priori.

Тѣло не безсмертно.

Первая простая и наиболѣе важная истина, на которой мы должны настаивать,—есть общепринятый, но часто игнорированный и даже отрицаемый фактъ, что нѣтъ ничего безсмертнаго въ тѣлѣ за исключеніемъ матеріальныхъ атомовъ, составляющихъ его.

Существуетъ мнѣніе, что эти самые атомы когда то въ будущемъ соберутся опять и соединятся съ разсѣянной нематеріальной частью человѣка, такъ что снова получится такой же человѣкъ, какимъ онъ былъ здѣсь на землѣ, и что этотъ человѣкъ будетъ существовать вѣчно,—такое мнѣніе принято или же, по крайней мѣрѣ, распространяется одною изъ великихъ вѣтвей христіанской церкви; и даже тамъ, гдѣ его отрицаютъ на словахъ, оно еще не вполнѣ исчезло и не осталось безъ вліянія на мысль и чувства человѣка. Было бы слишкомъ смѣло надѣяться, что оно могло бы скоро исчезнуть.

Однако ученіе естественныхъ наукъ совпадаетъ съ ученіемъ здраваго смысла по этому вопросу—именно, что тѣло составлено только изъ земныхъ частицъ; оно состоитъ изъ атомовъ матеріи, собранныхъ изъ пищи и расположенныхъ въ извѣстной сложной и характеристической формѣ. Атомы первообразныхъ элементовъ сначала собираются въ сложныя группы, называемыя протоплазмой—которая составляетъ непрочное соединеніе неизвѣстнаго до сихъ поръ химическаго состава, но обладающее свойствомъ быть въ состояніи вѣчной перемѣны, т. е. не твердое, не неподвижное, не постоянное, а безпрерывно разлагающееся на болѣе простыя составныя части съ одной стороны, а съ другой стороны безпрерывно возобновляемое или перестраиваемое,—такъ что оно имѣетъ, въ продолженіе извѣстнаго періода, такъ сказать, особую исторію своей собственной жизни. Во всякомъ данномъ случаѣ этотъ періодъ дѣятельности существуетъ настолько долго, насколько продолжается равновѣсіе между соединеніемъ и разъединеніемъ частицъ. Когда равновѣсіе перевѣшивается въ сторону ассимиляціи, мы имѣемъ періодъ юности и роста; когда же равновѣсіе переходитъ

въ сторону дезинтеграціи, мы имѣемъ періодъ старости и распаденія до тѣхъ поръ, пока въ извѣстной, или лучше сказать въ неизвѣстной стадіи силы распаденія не завладѣютъ тѣломъ,—и ассимиляція вполнѣ, а иногда и внезапно, не остановится. Послѣ этого, если протоплазма не была быстро инкорпорирована въ какое нибудь животное или растеніе, она быстро разлагается на болѣе и болѣе простые составы и, наконецъ, переходитъ въ неорганическую матерію и возвращается къ матери—землѣ, откуда она получила свое начало.

Воскресеніе тѣла.

Что же мы можемъ логично подразумѣвать подъ словами „воскресеніе тѣла"? Не разбирая другихъ формъ этого вѣрованія, мы ясно видимъ, что христіанство старается выдѣлить матеріальную сторону религіи, и это вѣрованіе въ какую нибудь разновидность тѣлеснаго воскресенія основано на идеѣ, что всякое реальное существованіе должно имѣть непремѣнно двѣ стороны,—не одну матеріальную, не одну духовную, а обѣ вмѣстѣ. Поэтому оно дополняетъ переживаніе развоплощеннаго духа, бездомнаго странника или меланхолическаго призрака, теплымъ и комфортабельнымъ одѣяніемъ, которое не подходитъ подъ наименованіе тѣла,—т. е. оно требуетъ такъ сказать сверхчувственнаго воспринимаемаго орудія, или способа проявленія, настолько приспособленнаго для нуждъ существованія въ высшей сферѣ, насколько наши тѣла приспособлены для нуждъ земной жизни; оно постулируетъ эфирное или какое нибудь другое существо, составляющее матеріальную сторону развоплощеннаго человѣка, выполняющаго нѣкоторыя функціи, недоступныя для атомовъ земной матеріи, поэтому, если мы примемъ въ согласіи съ ученіемъ христіанства или какъ даже часть его, доктрину величія и необходимости, какой либо quasi—матеріальной стороны каждаго духовнаго существа,—нашъ долгъ изслѣдовать какая часть этого соединенія существенная и какая случайная и временная. Возьмемъ для примѣра наше теперешнее воплощеніе: мы являемся передъ человѣчествомъ въ одеждѣ, искусственно построенной изъ животныхъ и растительныхъ матеріаловъ, и въ формѣ нѣкотораго матеріальнаго организма, составленнаго съ помощью процессовъ переваривания и ассимиляціи такихъ веществъ, также составленныхъ изъ земныхъ матеріаловъ. Ясно, что эти частицы и химическіе составы не обладаютъ прочностью и важными качествами для существованія. Были-ли они частицами овцы или поросенка, принадлежали-ли они къ дереву или растенію, это безразлично, но все-таки они ассимилируются и располагаются съ помощью нашихъ подсознательныхъ и жизненныхъ процессовъ въ

соотвѣтствующую форму, также какъ и другіе матеріалы уже сознательно выдѣлываются въ ткани и одежды, независимо что было первоначальнымъ источникомъ ихъ происхожденія; тѣмъ болѣе, что наши тѣла изнашиваются также, какъ и наши одежды изнашиваются и требуютъ починки. Итакъ частицы тѣла находятся въ постоянномъ движеніи, и одна безпрестанно замѣняется другой, одна отбрасывается, а другая занимаетъ ея мѣсто. Поэтому для насъ не имѣетъ никакого значенія тождественность нашего настоящаго тѣла какимъ оно есть въ данную минуту съ тѣмъ же тѣломъ въ прошедшемъ и будущемъ; индивидуальность лежитъ глубже и принадлежитъ чему-то такому, что складываетъ эти частицы вмѣстѣ въ опредѣленную форму.

Что же является причиною, что эти самыя частицы въ одномъ случаѣ складываются въ формѣ травы, въ другомъ случаѣ въ видѣ овцы, а въ третьемъ случаѣ въ формѣ человѣка; потомъ переходятъ въ форму безпозвоночныхъ, далѣе можетъ быть въ птицу, а потомъ еще разъ въ растительность—можетъ быть въ дерево?

Что же такое это нѣчто, которое соединяетъ и располагаетъ эти частицы такимъ образомъ, что если онѣ ассимилируются корнями или листьями, то онѣ являются въ формѣ волоконъ дуба, если ихъ схватятъ когти, то онѣ питаютъ мускулы орла, и если ихъ употребятъ въ кушаньѣ, то они войдутъ въ нервы и мозгъ человѣка? Какое же это контролирующее существо, заставляющее ихъ въ каждомъ изъ этихъ примѣровъ принимать ту или другую форму и сохраняетъ постоянство этой формы, несмотря на невѣроятнѣйшее разнообразіе частицъ?

Мы называемъ это жизнью, мы называемъ это душой, мы называемъ это разными именами, и мы не знаемъ, что это такое. Но здравый разсудокъ возмущается при попыткѣ назвать его *ничѣмъ*. И никогда еще настоящая наука не объявляла, что это только фикція воображенія.

Попробуемъ поэтому опредѣлить, что мы подразумѣваемъ подъ словомъ душа, хотя при нашемъ относительномъ невѣдѣніи въ подобныхъ вопросахъ задача будетъ не легкая.

Опредѣленіе слова „душа".

Слѣдующее опредѣленіе можетъ достаточно выразить мое мнѣніе:—Душа есть тотъ контролирующій и руководящій принципъ, который отвѣтственъ за наше сознаніе и волю, какъ и за личное выраженіе ихъ, и за конструкцію тѣла въ предѣлахъ физической возможности и вліянія наслѣдственности. Душа есть сѣдалище разума, эмоцій и воли, а также хранилище всего того, что мы испы-

тали. Тѣло—это ея орудiе или органъ для полученiя и передачи чувственныхъ впечатлѣнiй, а также, чтобы воздѣйствовать и получать воздѣйствiе отъ матерiи и энергiи.

Что подразумѣвается подъ словомъ „безсмертiе".

Итакъ разсмотримъ вопросъ о безсмертiи. Есть ли на свѣтѣ что нибудь такое, что не подвержено смерти и уничтоженiю? Можемъ ли мы что либо назвать безсмертнымъ? Всѣ предметы подвержены измѣненiю,—но все ли подвержено смерти? Безъ перемѣны не было бы никакой дѣятельности, и вселенная была бы въ застоѣ; но мы не можемъ сказать съ такою же ясностью, что прогрессъ былъ бы задержанъ, если бы не было смерти—за исключенiемъ того случая, гдѣ смерть признается за одно изъ видоизмѣненiй перемѣны.

Но развѣ смерть не есть одно изъ видоизмѣненiй перемѣны? Разсмотримъ нѣкоторые примѣры: когда сожигаютъ и видимо уничтожаютъ кусокъ угля, эти частицы давно окаменѣвшаго дерева не пропадаютъ: онѣ входятъ въ атмосферу, какъ газы, и скопленная солнечная энергiя ихъ освобождается изъ своей потенцiальной формы и опять появляется въ видѣ свѣта и теплоты. Горѣнiе угля—это родъ воскресенiя; и въ то же время это есть родъ смерти, такъ какъ для поверхностнаго взгляда ничего не остается, кромѣ золы.

Разсмотримъ далѣе разрушенiе картины или статуи. Положимъ, что она разорвана на куски или разбита въ прахъ. Здѣсь нѣтъ ничего такого, что бы намъ подало мысль о воскресенiи,—такъ какъ идея или прекрасная форма, воплощенная въ матерьялѣ, исчезла.

Это болѣе серьезный примѣръ, и онъ могъ произойти по причинѣ злонамѣреннаго поступка. Въ самомъ дѣлѣ, ничто матерiальное здѣсь не уничтожено—частицы вѣсятъ столько же, какъ и раньше. Однако красота исчезла, форма обезображена; и можетъ быть даже, что идея потеряна.

Но, въ дѣйствительности, идея никогда не была въ мраморѣ или въ краскахъ; она была, казалась вложенной или воплощенной въ нихъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, но она никогда не была тамъ въ дѣйствительности. Она жила въ умѣ художника, который работалъ надъ воплощенiемъ ея,—и она жила въ умахъ зрителей, созерцающихъ ее—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ умахъ, которые могли воспрiять ее—но она никогда не жила въ камнѣ.

Инертный матерiалъ, получившiй отъ ума отпечатокъ его, былъ въ состоянiи вызвать и освободить въ родственномъ умѣ нѣкоторыя изъ подлинныхъ мыслей и чувствъ, которыя придали ей форму. Безъ воспрiятiя, безъ сочувствующаго ума зрителя, мате-

ріалъ былъ бы безсиленъ оказать воздѣйствіе. Предметъ искусства, поставленный и посланный въ міръ, обитаемый только низшими животными, не могъ бы передать имъ ни малѣйшаго познанія—онъ бы для нихъ не имѣлъ абсолютно никакого значенія, также какъ и рукопись не имѣла бы значенія въ такомъ мірѣ, будь она самой божественной поэмой, когда либо написанной.

Однако предположеннымъ актомъ вандализма уничтожена возможность передачи извѣстнаго воплощенія красоты будущимъ поколѣніямъ на этой планетѣ,—и чтобы идея не была бы потеряна дла міра,—необходимо построить что нибудь другое для замѣны. Но сама идея не уничтожена для вселенной: она остается во владѣніи художника и тѣхъ привиллегированныхъ лицъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ хранятъ ее внутри себя. Рукопись, напримѣръ, была сожжена, но музыка остается въ душѣ композитора.

Исчезновеніе жизни.

Возьмемъ для примѣра разрушеніе дерева или животнаго. Здѣсь опять осталось столько же частицъ, сколько и было раньше; только расположеніе этихъ частицъ измѣнилось. Матерія сохранена, но измѣнила свой видъ. Количество энергіи осталось постояннымъ, но измѣнило свою форму. Что же исчезло? То, что исчезло, есть жизнь—та жизнь, которая казалась заключенной въ деревѣ или животномъ, та жизнь, которая создала ихъ съ помощью солнечнаго свѣта и атмосферы, и сама проявилась въ нихъ. Форма ея воплощенія теперь исчезла; никогда уже эта жизнь не появится среди своей прежней обстановки. Она сошла съ нашего поля зрѣнія; повидимому, она покинула нашу планету. Но вышла ли она совсѣмъ изъ сферы существованія?

Если, при своемъ возникновеніи, она была сотворена заново, создана изъ ничего, мы имѣемъ право полагать, что во время смерти она опять возвращается въ небытіе, изъ котораго она изошла.

Но что такое небытіе? Что мы знаемъ о небытіи? Разумна ли, или доступна пониманію эта идея?

Что какое нибудь существо, какая нибудь тѣлесная представляемая нами форма могла быть вызвана изъ скрытаго, невоспринимаемаго или потенціальнаго существованія, и могла сдѣлаться дѣйствительной и воспріемлемой, и такъ сказать реальной,—это достаточно понятно. Примѣры такого рода встрѣчаются постоянно. Это случается, когда композиторъ создаетъ музыкальную пьесу; это случается, когда мастеръ воспроизводитъ какую нибудь мебель; это случается, когда вѣтеръ вѣетъ на воду и производитъ волны.

Но какимъ примѣромъ мы можемъ подтвердить, что какое нибудь существо создается изъ небытія, что ничто превращается во что-то? Мы можемъ привести множество примѣровъ перемѣны, организаціи, появленія чего то повидимому сложнаго и высоко развитаго изъ зародыша, повидимому простого. Но въ этомъ случаѣ всегда должно быть, по крайней мѣрѣ, сѣмя, — безъ котораго ничего не можетъ возникнуть; ничто не можетъ произойти изъ ничего; что-нибудь должно всегда возникнуть изъ чего нибудь.

Что-нибудь не можетъ возникнуть изъ ничего.

Атомъ радія есть элементъ, содержащій въ себѣ сѣмена своего собственнаго разрушенія. Въ каждый очень маленькій промежутокъ времени онъ взрываетъ и выбрасываетъ частицу самого себя. Это можетъ повториться очень много разъ, и наконецъ онъ, какъ кажется, превращается въ инертную массу и перестаетъ быть радіемъ, или чѣмъ нибудь похожимъ на радій. Нѣкоторые думаютъ, что онъ превратится въ свинецъ, въ то время какъ изверженныя частицы сдѣлаются геліемъ,—или случайно неономъ, — или же иногда аргономъ. Положимъ, что это такъ. Мы не можемъ здѣсь остановиться; мы должны идти дальше и спросить, какое же происхожденіе самого радія. Если онъ разрушаетъ себя этими взрывами впродолженіи нѣсколько тысячъ лѣтъ, то почему радій еще существуетъ на землѣ? Какъ онъ рождается? Появляется ли онъ изъ ничего, или имѣетъ родителя? А если онъ имѣетъ родителя, то какое же происхожденіе этого родителя, и т. д.

Никогда въ физическихъ наукахъ мы не можемъ ни на одну минуту предположить, что что-нибудь внезапно вступило въ бытіе изъ предыдущаго небытія. Все, что мы воспринимаемъ, можно объяснить перемѣною расположенія путемъ соединеній и разсѣянія частицъ. Мы можемъ прослѣдить исторію матеріальныхъ аггрегатовъ, такъ же, какъ и исторію континентовъ и острововъ, солнцъ и планетъ и звѣздъ. Мы можемъ объяснить, или пытаться объяснить, откуда они возникли, и чѣмъ они будутъ, но никогда мы не говоримъ, что они исчезнутъ въ небытіи, — и никогда мы не предполагаемъ, что они возникли изъ ничего.

Правда, что въ религіи мы стараемся прослѣдить явленія еще глубже во мракѣ временъ и въ концѣ концовъ сказать, что все возникло отъ Бога, и тамъ мы принуждены остановиться въ нашемъ взглядѣ на цѣпь существованія и на звенья причинъ и слѣдствій. Но дозволить, чтобы это утвержденіе служило убѣжищемъ для остановки нашего разсудка—значитъ сознаться въ человѣческой слабости. Дѣйствительно все возникло отъ Бога; но это утвержденіе

не даетъ намъ ничего новаго, потому что все находится въ Богѣ и теперь, и все будетъ продолжать получать свою жизнь и поддержку отъ Бога въ продолженіе всей вѣчности. Не законно ограничивать идею Бога соприкосновеніемъ ея только съ прошедшимъ; эта идея также должна быть примѣнима и къ настоящему и къ будущему.

Ничто не пропадаетъ.

Я желаю здѣсь высказать ясное утвержденіе, что никакая дѣйствительно существующая вещь не пропадаетъ, но только мѣняетъ свою форму.

Физическія науки учатъ насъ этому достаточно ясно въ отношеніи матеріи и энергіи, т. е. двухъ великихъ сущностей, съ которыми онѣ имѣютъ дѣло. И нѣтъ никакого вѣроятія, что послѣдуетъ какое либо измѣненіе въ этомъ ученіи. Можетъ быть придется, послѣ этого періода времени, измѣнить форму этого утвержденія и приписать сохраненіе и реальную сущность въ бо́льшей степени эфиру и движенію, чѣмъ матеріи и энергіи. Это вполнѣ возможно; но кажущееся измѣненіе этого утвержденія будетъ только варіантомъ его формы; его смыслъ и значеніе останутся тѣ же, за исключеніемъ того, что оно тогда будетъ имѣть болѣе общій характеръ и будетъ допускать, что даже матеріальные атомы сами будутъ имѣть свой срокъ и конецъ—разрѣшаясь, можетъ быть, въ электричество, которое въ свою очередь перейдетъ въ какой нибудь до сихъ поръ неизвѣстный нашему воображенію родъ движенія эфира. Но все это далеко отъ принятія наукой въ настоящее время, и намъ нѣтъ необходимости распространяться теперь. Намъ ясно различіе между тѣмъ, что временно, и тѣмъ, что постоянно. Намъ надо принять, что всякая „система", аггрегатъ или группа—преходящи. Толпа собирается, а потомъ она расходится. Облако образуется на небѣ, и какъ только небо становится лазурнымъ,—облако умираетъ. Роса образуется на листѣ; еще минута,—и она исчезла, повидимому обратилась въ ничто, какъ и облако. Но мы знаемъ лучше объ этомъ. Она была въ формѣ, доступной нашему воспріятію, и перешла въ другую форму, недоступную воспріятію; но въ это время вотъ сіяетъ росинка на солнцѣ, отражая всѣ движенія окружающаго міра и присоединяя свою малую долю красоты къ красотѣ и цѣлесообразности творенія.

Ея воспринимаемое или воплощенное существованіе временно. Росинкой она была рождена, и росинкой она умретъ; но, какъ водянной паръ, она существуетъ постоянно—въ глубинѣ своей сущности нетлѣнная субстанція природы. Поэтому даже она имѣетъ въ себѣ аттрибутъ безсмертія.

Жизнь должна быть вѣчной.

Итакъ, что же мы скажемъ о жизни? Можетъ ли она быть небытіемъ, собравшимъ частицы углерода, водорода, кислорода и азота въ форму дуба, или орла, или человѣка? Есть ли она что то, что въ самомъ дѣлѣ ничто, и скоро видимо превратится въ это ничто, согласно предположенію невѣжественныхъ и слѣпыхъ созданій, которыя такъ о ней думаютъ?

Нѣтъ; не можетъ этого быть ни съ умомъ, ни съ сознаніемъ, ни съ волею, ни съ памятью, ни съ любовью, ни съ обожаніемъ, ни со всѣми многочисленными дѣятельностями, которыя такъ удивительно переплетаются съ матеріей и говорятъ нашимъ тѣлеснымъ чувствамъ и земному знанію. Онѣ не ничто; и никогда онѣ не исчезнутъ въ небытіи, никогда не перестанутъ существовать. Онѣ не возникли вмѣстѣ съ нами; онѣ никогда не переходили въ существованіе изъ ничего. Онѣ также вѣчны, какъ само Божество, и въ вѣчномъ Существѣ онѣ будутъ пребывать во вѣки вѣковъ.

Потому что, послѣ всего, видно единство, пронизывающее вселенную,—и родство между человѣческимъ и Божественнымъ. „Всѣ предзнаменованія,—говоритъ Майерсъ,—указываютъ на постоянное продолженіе всѣхъ трудовъ, которымъ мы уже начали учиться. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, въ этой сложности взаимно проникающихъ духовъ наши собственныя усилія не составляютъ ничего индивидуальнаго или преходящаго. То, что лежитъ въ корнѣ всякаго изъ насъ, лежитъ также въ корнѣ Космоса. Наша борьба есть борьба всей вселенной; и само Божество находитъ исполненіе своихъ плановъ въ душахъ вверхъ стремящихся людей“.

Комета.

(Фантазія).

Вселенная...

Безконечное пространство: ни верха, ни низа, ни начала, ни конца...

Холодъ:—минусъ 273°, и темнота.

Общій фонъ перспективы зловѣще-черный.

Ни звука, ни свѣта...

Гдѣ-то далеко, далеко разбросанно мерцаютъ группы-семейки звѣздъ слабыми голубыми, оранжевыми, розовыми, желтыми, зелеными, мигающими лучами; будто точеныя, античныя руки, тянутся молочно- бѣлыя туманности...

Мрачное, безвольное, торжественно-спокойное въ своемъ могуществѣ и вѣчной красотѣ, величіе природы...

Ни времени, ни пространства...

Безконечность!...

Тишина и видимое спокойствіе, спокойствіе колоссальной, сложной вселенной...

Однако, цѣлые рои небесныхъ свѣтилъ не заснули, не умерли; они медленно и плавно, въ гармоническомъ сочетаніи, безпрерывно движутся въ глубь и края безконечной вселенной...

Всѣ эти миніатюрные, разноцвѣтные шарики—колоссальныя небесныя тѣла, ведущія за собою блестящія свиты—системы своихъ вѣчныхъ спутниковъ и лунъ. Движенія ихъ слѣдуютъ чудеснымъ, полнымъ таинственной прелести, невѣдомымъ простымъ смертнымъ, законамъ небесной механики, законамъ, установленнымъ самимъ Премудрымъ и Вѣчнымъ Творцомъ вселенной.

Но вотъ въ торжественномъ величіи и спокойствіи вселенной появляются кое-какія волненія и пертурбаціи.

Изъ-за многочисленной, разноцвѣтной, блестящей небесной свиты ярко-изумруднаго солнца вдругъ сразу вынырнула вѣстница этихъ молчаливыхъ, безконечныхъ пространствъ—безпринципная и безпорядочная бродяга—комета, ослѣпительно-яркою молніею сверкнула на общемъ черномъ фонѣ и, круто повернувъ, стремительно помчалась къ другой небесной семьѣ...

Бѣдная комета!... Бѣдный «вѣчный жидъ» небесъ!.... Куда ты мчишься?... Остановись!...

Хвостъ кометы вѣеромъ, все большимъ и большимъ, раскидывается въ безстрастномъ небесномъ пространствѣ, и она летитъ, какъ миѳологическій драконъ, къ нашей солнечной системѣ.

Вотъ мерцаетъ оранжево-бѣлымъ свѣтомъ наше родное солнце. Какъ оно увеличивается! Теперь уже можно разобрать и солнечныя пятна, и грозные, пылающіе протуберанцы.

Вотъ въ золотыхъ лучахъ солнца купаются Меркурій и Венера...

Вотъ и Земля!... Какая она маленькая!...

Комета мчится все дальше и дальше.

Сѣро-желтая земля все увеличивается и увеличивается въ своихъ размѣрахъ; вотъ ужъ плотный, сжатый у полюсовъ шаръ съ неменьшею, чѣмъ комета, скоростью, мчится ей навстрѣчу, вращаясь въ то же время вокругъ самого себя.

Вотъ и луна въ видѣ голубенькаго, зазубреннаго серпика...

Небесныя свѣтила все сближаются и сближаются.

Сейчасъ произойдетъ столкновеніе...

Но комета вдругъ рѣзко поворачиваетъ, повинуясь мощному зову солнца, и, обогнувъ его, замедленнымъ ходомъ удаляется въ нѣдра вселенной, долго еще сверкая своимъ блестящимъ вѣеровиднымъ хвостомъ...

. . . .

А въ это время землю осіялъ еще невиданный свѣтъ и прошелъ-прокатился по всѣмъ ея народамъ.

Кончался старый, языческій вѣкъ, и вмѣстѣ со свѣтомъ надвигающейся кометы загоралась заря новаго вѣка единенія и братской любви.

Въ едва примѣтной странѣ Палестинской, въ древнемъ городѣ Виѳлеемѣ родился Христосъ, Спаситель міра...

. . . .

Вѣчна вселенная!... Вѣчны и нерушимы ея законы!...

Девятнадцать вѣковъ—девятнадцать дней...

Недолго бродила комета въ безконечныхъ пространствахъ, капризно перебѣгая отъ одной небесной семьи къ другой,—потянуло ее посмотрѣть на ту маленькую планетку, съ которой она не такъ давно чуть не столкнулась...

Девятнадцать дней —девятнадцать вѣковъ...

Вновь мчится комета къ нашей солнечной системѣ, вновь повинуется могущественному голосу солнца, только не та ужъ она. Хвостъ поистрепался, уменьшился, ядро скорчилось, смялось...

Вотъ и золотой дискъ солнца, вотъ и маленькіе, вертлявые Меркурій съ Венерой; вотъ окутанная флеромъ тумана земля...

Девятнадцать вѣковъ...

Гдѣ же братское единеніе, гдѣ же любовь и состраданіе къ ближнему?...

Комета мчится все быстрѣе и быстрѣе...

Туманъ расходится, открывается земля, которая также летитъ на встрѣчу къ кометѣ...

Девятнадцать дней тому назадъ раздался Божественный призывъ къ любви, правдѣ и милосердію...

Девятнадцать дней—девятнадцать вѣковъ...

Гдѣ они, любовь, правда, милосердіе?...

Свѣтила сближаются все болѣе и болѣе...

Земля, громадная теперь въ сравненіи со смиренной, истрепанной жизнью кометой, такъ и готова разбить-разнести ее, бѣдную небесную странницу...

Вотъ земля влетѣла въ разрѣженный хвостъ кометы и окуталась свѣтло-розовымъ газовымъ туманомъ...

Текутъ мгновенія, часы: часы—тѣ же годы и вѣка

Еще одинъ оборотъ... другой... и комета опять и уже навсегда уходитъ въ безконечность...

. . . .

Будь кометою, человѣкъ: то касайся родной матери-земли, то удаляйся отъ нея въ родную безконечность!...

Леонидъ Мищенко.

Зачѣмъ мы живемъ?

Не у всѣхъ людей найдется достаточно силы и смѣлости, чтобы предложить себѣ этотъ вопросъ,—однако какъ часто въ жизни человѣка этотъ вопросъ настойчиво приходитъ на умъ. До тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ на него отвѣтъ, мы остаемся рабами смерти. Если же мы можемъ рѣшить его, то мы уже переступаемъ, даже при жизни, за предѣлы смерти. Попробуемъ, нельзя ли намъ предложить этотъ вопросъ себѣ теперь же—что заставляетъ насъ жить и поддерживаетъ въ насъ это желаніе? и посмотримъ, нельзя ли найти какого-нибудь отвѣта на этотъ вопросъ. Нѣтъ дружбы на свѣтѣ болѣе глубокой, чѣмъ та, которая развивается между людьми, вопрошающими самихъ себя—а не другихъ—относительно тайны жизни.

Для этого много словъ не нужно; каждый можетъ погрузиться мысленно въ глубину своей души, и чѣмъ ближе онъ подходитъ къ истинѣ, тѣмъ болѣе онъ удаляется отъ всего такого, что можно выразить словами.

Слова не могутъ дать отвѣта на болѣе глубокіе вопросы жизни. Есть такія слова, которыя будто бы даютъ отвѣтъ на нашъ вопросъ,—напр. воля Божія, цѣль, скрытая подъ покровомъ эволюціи, и пр.—но что же мы можемъ почерпнуть изъ нихъ? Въ этомъ дѣлѣ каждый долженъ самъ сказать себѣ что нибудь, а не судить о томъ лишь по слуху. Но пусть и слова помогутъ намъ, насколько это возможно. Каждый долженъ идти одинъ, ведомый своимъ собственнымъ чувствомъ, пока онъ не углубится больше и больше внутрь себя и не соприкоснется наконецъ со своей собственной душою. Мысль, размышленіе, *) опытъ и страданіе разрушаютъ, наконецъ, цѣпкія узы личнаго сознанія, и человѣкъ слышитъ вѣчный основной аккордъ жизни. Этотъ аккордъ не можетъ замолкнуть; и мы поймемъ, что мы не можемъ быть убитыми или убить кого нибудь, какъ выражается „Божественная пѣснь", Индійская поэма (Багаватъ Гита). Каждую весну дерево выпускаетъ свои листья, и каждую осень они умираютъ; но дерево живетъ, и въ немъ сокрыта жизнь. И вы можете отрубить вѣтви, а дерево все-

*) То, что называется духовнымъ дѣланіемъ у св. отцовъ церкви.

таки будетъ жить, потому что не въ нихъ обитаетъ настоящій центръ жизни.

И мы также, на нашемъ жизненномъ пути, выпускаемъ листья дѣтства и юности, зрѣлаго возраста и старости; эти листья исчезаютъ, потому что не въ нихъ жизнь. Желанія и мысли ребенка и юноши выпускаются изъ его жизни, какъ листья; и, какъ листья, они отпадаютъ, уступая свое мѣсто другимъ; потому что они не составляютъ жизни. Гдѣ же во всемъ этомъ самъ человѣкъ? Кто вполнѣ сознаетъ, что значитъ „я“, когда онъ говоритъ „я есмь“?

Мы живемъ потому, что мы любимъ жизнь; а жизнь—это дѣятельность и радость дѣятельности. Сразу это утвержденіе не покажется намъ истиннымъ, но послѣ нѣкотораго размышленія оно можетъ проясниться.

Мы любимъ дѣятельность, интенсивную дѣятельность,—и это есть жизнь; и душа—это центръ жизни,—а потому пламенное мѣсто интенсивной и никогда не останавливающейся дѣятельности. Это—центральный огонь въ сердцѣ. И вибрація волнъ этого свѣта, жизни, огненной энергіи стремится извнутри сердца къ уму, и къ внѣшней сферѣ эмоцій, и къ самой поверхности чувствъ; а эти послѣднія, управляя самостоятельно, дѣлаются двигателями панорамы сонной (т. е. подсознательной) сферы жизни. Во всѣхъ этихъ сферахъ, окружающихъ центральную душу, есть жизнь, и эта жизнь исходитъ теперь, или исходила. Если жизнь слаба въ одной части нашего существа, она горитъ ярко въ другой; если она погасаетъ въ одной, она достигаетъ наивысшей степени яркости въ другой. Если умъ еще спитъ,—и высшія эмоціи застыли, тогда низшія чувства захватываютъ жизнь, и низкій, но яркій міръ сна и иллюзій жизни пробуждается. Еще ниже, еще ближе къ смерти,—и обыкновенная жизнь перестаетъ быть цѣльной единицей и разрываетъ связь съ человѣкомъ и душой. Ибо смерть—есть не прекращеніе жизни, а разрывъ жизни на отдѣльныя части. То, что мы называемъ человѣкомъ,—есть связанная вмѣстѣ сумма души, ума, эмоцій, чувствъ и тѣлесныхъ впечатлѣній. Ту часть, въ которой жизнь горитъ ярче, человѣкъ называетъ своимъ „я“. Большая часть изъ насъ называютъ наши внѣшнія чувства и органы—кожу, языкъ и пр. своимъ „я“; другіе отожествляютъ себя съ умомъ; и очень немногіе сознаютъ себя, какъ душу. И если человѣкъ считаетъ себя состоящимъ изъ массы тѣлесныхъ ощущеній, понятно, что онъ, сознавая неизбѣжность смерти для этой массы, самъ долженъ сдѣлать слѣдующій выводъ: „я умру, я буду погребенъ и сдѣлаюсь одно съ землею и червями“.

Ошибочно мнѣніе, что всѣ мы любимъ дѣятельность, тогда какъ одно изъ главныхъ наслажденій многихъ сибаритовъ состоитъ въ нѣгѣ отдыха. Но всетаки, это утвержденіе правильно: Это чув-

ство нѣги и отдыха не означаетъ отливъ жизни, но только бунтъ и дикую свободу ощущеній. Когда командиръ полка уходитъ съ парада, то-есть та сила, которая удерживала солдатъ вмѣстѣ и давала имъ одну волю,—тогда они расходятся съ радостью, каждый куда хочетъ. Единица дезинтегрировалась. Такимъ же образомъ, во время погруженія въ сонъ, не бываетъ никакого прекращенія жизни, а только дезинтеграція ощущеній; и эта дезинтеграція, вмѣстѣ съ отдѣльными независимыми и ярко вспыхивающими проблесками ощущеній, даетъ намъ чувство нѣги. Если бы жизнь въ самомъ дѣлѣ гдѣ нибудь умерла, мы чувствовали бы боль или страданіе.

Мы живемъ потому, что мы любимъ жизнь, и мы умираемъ потому, что въ нашихъ поискахъ болѣе интенсивной жизни мы идемъ ложною дорогой. Приливъ жизни въ какую нибудь часть нашей природы доставляетъ намъ радость; отливъ ея можетъ доставлять страданіе. Жизнь—это сознаніе жизни, и обѣ заключаются въ дѣятельности. Разгулъ обозначаетъ разсѣяніе, и разгульный человѣкъ разбрасываетъ свою жизнь. Но сначала онъ получаетъ радость въ той части своей природы, которая принимаетъ участіе въ этомъ разгулѣ. Онъ черпаетъ жизнь изъ своего ума и высшихъ чувствъ и передаетъ ее низшей сферѣ ощущеній; въ этихъ низшихъ сферахъ вспыхиваютъ огни ощущеній; и тамъ человѣкъ испытываетъ удовольствіе, такъ какъ избралъ себѣ самъ это мѣсто, какъ убѣжище радости. Но онъ это дѣлаетъ насчетъ высшихъ сферъ, которыя онъ этимъ опустошаетъ. И онѣ не пополняются опять жизнью, такъ какъ человѣкъ уничтожилъ всякое соотношеніе между собою и своей душой, этимъ блестящимъ центромъ и корнемъ жизни. Такимъ образомъ запасъ жизни расходуется; больше его не поступаетъ уже, ибо вспышки ощущеній въ низшей природѣ человѣка являются сами признаками, что его жизнь уходитъ во внѣшнюю сферу, въ міръ матеріи. Для такого человѣка онѣ теряются безвозвратно, переходя въ общій запасъ внѣшней міровой энергіи. Его утомленное и исчерпанное тѣло тоже находится на дорогѣ къ разрушенію. И онъ не можетъ замѣнить эту жизнь пищею, или чѣмъ нибудь внѣшнимъ. Ибо тотъ видъ жизни, о которомъ мы говоримъ теперь, долженъ присутствовать раньше, чѣмъ можно сдѣлать какое либо употребленіе изъ низшаго вида, добываемаго изъ пищи.

Каждая дѣятельность, каждый актъ разсѣиваетъ жизнь; но нѣтъ необходимости, чтобы это вело къ смерти. Ибо если дѣятельность происходитъ въ свѣтѣ души и съ одобренія души, душа даетъ часть своей неизсякаемой жизни на мѣсто израсходованной. Мы не должны бояться сдѣлать окончательный логическій выводъ и не должны сомнѣваться, что когда люди научатся жить согласно закону совершенства въ своей дѣятельности, они получатъ возможность жить въ совершенныхъ тѣлахъ такъ долго, какъ долго ма-

терія этой солнечной системы будетъ сохранять свою форму и энергію. А потомъ передъ ними откроются новые пути жизни съ неизсякаемымъ запасомъ сознанія и энергіи.

Можно получить такое счастье отъ жизни, которое не поведетъ непремѣнно къ смерти, потому что запасъ будетъ пополняться. Когда жизнь расходуется на поднятіе своей божественной силой всѣхъ живыхъ существъ вокругъ, тогда она пополняется изъ запасовъ души. Разгульный человѣкъ умираетъ отъ истощенія своей высшей природы; ея жизнь была украдена низшей сферой грубыхъ ощущеній. Смерть безсильна поддержать его или сдѣлать его божественнымъ. Душа не даетъ ничего взамѣнъ жизни, истраченной такимъ образомъ.

Но если человѣкъ отдаетъ свою энергію и жизнь на добрыя дѣла и служеніе человѣчеству, этою работой онъ питаетъ свою высшую природу, ибо онъ дѣйствуетъ по ея внушенію. Вотъ откуда его трудовыя тѣлесныя силы черпаютъ свою жизнь, въ истинномъ значеніи этого слова. И его высшая природа, изливающая свою энергію на низшую, сама не изсякаетъ; ибо она находится въ полномъ соотношеніи съ душою, при одобреніи души, въ полномъ свѣтѣ души. И если бы онъ даже износилъ свое тѣло до самой смерти въ такой работѣ, онъ пройдетъ черезъ смерть вмѣстѣ со своею высшей природой въ полномъ свѣтѣ своей неуменьшенной жизни и сознанія. Разгульный человѣкъ умираетъ уже умершимъ; а этотъ человѣкъ умираетъ въ болѣе полную и болѣе бодрую жизнь. Ибо нѣкоторые люди проходятъ черезъ смерть живыми,—а нѣкоторые еще при жизни мертвы.

Одобреніе души пришло потому, что расходуя жизнь, этотъ человѣкъ истратилъ ее на поднятіе жизни другихъ. Ухаживалъ ли онъ за больными, или помогалъ какому нибудь высокому движенію, или освобождалъ свой народъ,—онъ обогатилъ и возвысилъ жизнь міра своей богатой жизненной работой. Онъ бралъ живую воду своей собственной души и раздавалъ ее даромъ, и по этой причинѣ его собственная душа поступала такимъ же образомъ по отношенію къ нему. Не должно ли поэтому будущее показать намъ, что когда совершенная жизнь возникнетъ на землѣ, люди научатся возмѣщать въ своихъ тѣлахъ клѣточку за клѣточкой, по мѣрѣ ихъ изнашиванія, такъ, чтобы на каждомъ пунктѣ встрѣтить смерть тѣла и на каждомъ пунктѣ побѣдить ее? Уже теперь, хотя мы не знаемъ ничего больше объ этомъ, но мы знаемъ однако, что радость благопріятствуетъ жизни, а печаль смерти.

Жизнь есть дѣятельность,— а слѣдовательно она радость; но, какъ говоритъ одна индійская книга, мы не знаемъ, что такое дѣятельность и что такое бездѣятельность. Сѣмя лежитъ во влаж-

ной почвѣ, повидимому въ бездѣятельности, но намъ извѣстно, что въ этомъ крошечномъ своеобразномъ мірѣ идетъ самая интенсивная дѣятельность; это будущее дерево простираетъ свои вѣтви въ царствѣ сна. Когда мы стоимъ подъ звѣзднымъ небомъ у плещущихъ волнъ моря, наши желанія разбѣгаются въ стороны, но умъ успокаиваетъ это безпокойное движеніе, называемое нами мыслью; эмоціи засыпаютъ. Въ безмолвіи природы чувствуется дыханіе души, и ея присутствіе даетъ себя знать въ сердцѣ. При всемъ этомъ кажущемся спокойствіи въ душѣ возникаетъ состояніе, очень похожее на состояніе сѣмени передъ тѣмъ, какъ оно пуститъ зеленый ростокъ. Ибо въ дѣйствительности силы ума не погружаются здѣсь въ сонъ или слабость, но онѣ балансируются, пріобрѣтаютъ равновѣсіе; сознаніе дѣлается богаче, полнѣе реальной мыслью; пробуждаются сѣмена болѣе благородныхъ дѣйствій въ будущемъ. Это состояніе только потому пріятно, что оно есть состояніе дѣятельности.

То же самое можно сказать о творческихъ, но повидимому бездѣятельныхъ минутахъ раздумья у композитора, художника, мыслителя. За внѣшнимъ спокойствіемъ скрываются минуты интенсивной дѣятельности, и поэтому интенсивнаго счастія—самой интенсивной радости, какую можетъ дать жизнь. Умъ и сфера высшихъ чувствъ привела себя въ созвучіе съ душою и вибрируетъ въ нѣкоторой степени въ унисонъ съ ея жизнью.

Въ настоящее время не всѣ мы композиторы, художники, духовные творцы жизни, даже не настоящіе мыслители; и поэтому мы не можемъ испытывать этихъ моментовъ восторженнаго бытія, почти абсолютной дѣятельности. Не сейчасъ, но когда-нибудь мы будемъ въ состояніи испытывать это. Ихъ можно постепенно достигнуть съ помощью безпрерывнаго исполненія своихъ обязанностей въ свѣтѣ души. Напримѣръ, очистка улицъ кажется достаточно жалкимъ занятіемъ для того, чтобы она могла удручать всякую жизнь и погасить поэзію во всякомъ человѣкѣ. Но нѣтъ необходимости, чтобы она всегда дѣйствовала такимъ образомъ. Предположимъ, что она исполняется человѣкомъ ради устройства какого нибудь великолѣпнаго торжества, напр. тріумфа какого нибудь народнаго героя, котораго этотъ человѣкъ понялъ, и котораго онъ почитаетъ и любитъ всѣмъ сердцемъ. Каждый взмахъ метлы будетъ для него торжествомъ. Вотъ въ этомъ смыслѣ и мы должны пробовать понимать и исполнять нашу обязанность. Душа выступаетъ въ сферу сознанія, когда человѣкъ на вершинѣ своего призванія, когда онъ почти сверхчеловѣкъ. Въ патріотѣ, когда судьба его родины рѣшается исходомъ послѣдняго сраженія, и рокъ, созданный имъ же самимъ, звучитъ въ словахъ его приказанія; во всякомъ человѣкѣ, котораго опасность заставляетъ подняться до величайшихъ высотъ

героизма; въ ораторѣ, слова котораго достигаютъ принудительной силы вслѣдствіе необычайной важности того дѣла, о которомъ онъ говоритъ; во всѣхъ людяхъ во время ихъ благороднѣйшихъ подъемовъ духа,—видно, что эта душа выступила впередъ и залила все ихъ существо жизнью, силой и радостью. Вотъ какое это торжество, въ ожиданіи и даже въ присутствіи котораго мы можемъ выметать улицы нашей души. Если мы культивируемъ самую высшую радость во время исполненія каждой обязанности,—мы культивируемъ жизнь, мы захватываемъ жизнь въ наше естество.

Мы живемъ потому, что жизнь есть радость; и мы постоянно жаждемъ больше жизни, больше счастія. Вотъ эта жажда и привязываетъ насъ къ жизни. Но мы ищемъ въ ложномъ направленіи. Мы эксплуатируемъ нашу низшую природу, разсѣиваемъ нашу жизнь черезъ нее, и тогда, когда уже жизнь и радость ума ликвидируются, мы жалуемся, что существованіе наше монотонно и обязанность наша безцѣльна и безполезна,—или же, какъ нищіе, молимъ о „спасеніи", для заслуги котораго мы не сдѣлали ровно ничего.

Но есть другой способъ, кромѣ „разгула", благодаря которому мы можемъ разсѣивать нашу жизнь. Люди ходятъ по свѣту, создавая въ своемъ умѣ изображенія самихъ себя; нѣтъ почти ни одного человѣка, въ которомъ бы не проглядывало такое изображеніе, иногда блѣдное, а иногда и яркое. Это есть чувство собственной важности, и эти силы тщеславія и гордости постепенно и строятъ изъ чувствъ человѣка изображеніе его самого,—и онъ живетъ въ этомъ изображеніи, а чувство такое никогда его не покидаетъ. Онъ наполняетъ имъ свою жизнь, питая его своей мыслью. По самой походкѣ политика, дѣльца, чиновника, проповѣдника или священника можно угадать присутствіе такого изображенія въ его умѣ. И оно питается, то есть беретъ жизнь еще у всѣхъ тѣхъ, кто смотрятъ на такого человѣка и принимаютъ его изображеніе за дѣйствительное. Но неподкупный Законъ справедливости видитъ это; придетъ день, когда колесо судьбы перевернется. Репутація пропадаетъ; люди тогда отказываются отъ изображенія,созданнаго ими; мыльный пузырь лопается; человѣка видятъ такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ онъ воображалъ себя. Изображеніе, которому человѣкъ столько лѣтъ платилъ дань жизненной эссенціи своего мышленія, исчезаетъ; онъ стоитъ лицомъ къ лицу передъ неумолимымъ фактомъ; холодный и обезкураженный, разгаданный уже самимъ собою, онъ знаетъ хорошо, что онъ упустилъ случай простой, благородной, нелицемѣрной жизни. Вы можете увидѣть его на улицѣ, печальнаго, безжизненнаго. Вмѣсто того, чтобы культивировать годами то соприкосновеніе со своей душою, которое могло бы ему дать струю богатѣйшей жизни, онъ отвернулся

отъ своей собственной души и обогатилъ своимъ ограниченнымъ запасомъ тотъ неуловимый хрупкій фантомъ, за котораго онъ принимаетъ самого себя. Однако это для него урокъ; и нѣкоторые люди изучаютъ его, возвращаются на настоящій путь и живутъ лучшею жизнью съ этого дня. Другіе же погружаются въ отчаяніе и скоро умираютъ отъ него, или же растрачиваютъ въ низкомъ разгулѣ остатокъ дней своихъ. Не видимъ ли мы, что нѣкоторые уже рождаются съ гнетомъ жизни надъ собою, и для которыхъ само существованіе только тягость. Гдѣ и когда они заслужили это? Законъ справедливъ, „гдѣ“ и „когда“ могли тянуться безпрерывною цѣпью, хотя мы видимъ только одно звено, и можетъ быть гдѣ-то, въ какой то новой жизни, эти люди въ своемъ отчаяніи обратятся въ надлежащую сторону и будутъ отыскивать настоящую жизнь сквозь мракъ и тѣни.

И наоборотъ, тѣ, у которыхъ было желаніе, хотя бы небольшое, найти душу,—установили этимъ связь или каналъ, черезъ который жизненный свѣтъ можетъ литься живой струей въ ихъ личную жизнь. Они рождаются жизнерадостными, доброжелательными, со свѣтлымъ расположеніемъ духа, и ихъ не останавливаетъ мысль: „Я—то, или я—другое“; а они довольствуются тѣмъ, что растутъ безъ всякой мысли о себѣ, какъ растеніе, ибо они ищутъ и находятъ свѣтъ своего внутренняго солнца.

Далѣе существуютъ такіе люди, которые носятъ на себѣ ясную печать души. Они желаютъ давать и вызывать жизнь въ другихъ, поднимать на высоту все то, къ чему они соприкасаются, будь это люди или вещи. Въ нѣкоторыхъ это принимаетъ спеціальную и ограниченную форму; они становятся работниками на довольно ограниченномъ полѣ жизни. Къ числу ихъ принадлежатъ горячіе патріоты своей родины. Такимъ тоже былъ Вагнеръ, который далъ новый и болѣе широкій смыслъ музыкѣ: и Уитманъ, посѣявшій сѣмена новой поэзіи. Эти люди родились, одухотворенные божественнымъ желаніемъ поднять жизнь человѣчества, дать ей новое величіе, или засѣять какое нибудь одно мѣсто на широкомъ полѣ земли, освободить какую нибудь страну, одухотворить какое нибудь благородное искусство. Это можно назвать хорошимъ дѣломъ, даже божественнымъ; но ихъ работа была ограничена; она прогрессировала настолько, насколько могло расшириться ихъ пониманіе, и насколько ихъ умъ могъ провидѣть. Но подъ этимъ стремленіемъ сѣять добро билось вѣчное, широкое, какъ сама жизнь, сердце. Они сдѣлали себя десницей своей души, и душа избрала ихъ для своей работы, потому что душа каждаго человѣка, если бы онъ былъ достаточно великъ, чтобы позволить ей это, съ радостью бы опять начала пересоздавать этотъ міръ,—передѣлывать людей въ

боговъ, и приспособила бы насъ самихъ на работниковъ для этого дѣла.

За ними идутъ тѣ, которые могутъ обнять своею дѣятельностью всю жизнь и всѣ ея проявленія. Они—вѣстники всей программы души, и они создаютъ одинъ отдѣлъ за другимъ.

Такъ или иначе, вслѣдствіе кульминаціи цѣлыхъ вѣковъ страданія, вслѣдствіе завершенія работы Великихъ Учителей міра, вслѣдствіе рѣшимости немногихъ быть вѣрными и распространять свѣтъ правильно и безъ искаженій такъ, какъ они получили его, вслѣдствіе критическаго перелома въ циклахъ исторіи, пришло время, когда старыя понятія рушатся и новыя возникаютъ. Но нѣкоторые люди не имѣютъ глазъ, чтобы видѣть, ни ушей, чтобы слышать, ни умовъ, чтобы уразумѣть; но они имѣютъ сердца, чтобы чувствовать лучи свѣта черезъ густыя тучи.

Пусть тѣ, которые желаютъ помочь человѣчеству, возстанутъ въ новой радости во всѣ дни своей жизни, подвизаясь въ этой радости, пока она не будетъ приходить безъ всякаго усилія, какъ дыханіе,—пусть они сжигаютъ этой радостью всѣ преграды, окружающія ихъ душу, пусть они сами будутъ живымъ протестомъ противъ всякаго зла, заблужденія и страха. Мудрость снизойдетъ на нихъ; они будутъ въ состояніи отличать друзей отъ враговъ человѣчества. Интенсивность ихъ жизни будетъ одухотворять ихъ слова, и превратитъ ихъ самыя скромныя дѣла въ огонь, сіяющій далеко вдоль ихъ пути на счастіе всѣхъ племенъ и народовъ.

Фальксъ.

Душа и природа.

Природа—моя мать. Ея огни горятъ
На тѣлѣ и душѣ. Одинъ огонь сверкаетъ
Изъ темноты ночной. Другой небесный братъ,
Огонь души—собой не жжетъ, а оживляетъ.

* *
*

Взаимной ихъ борьбой весь міръ теперь объятъ.
Надъ демономъ земли мечъ Ангела летаетъ.
Природа—моя мать: какъ новая луна,
Серпомъ двурогимъ вдругъ въ лазури заблестѣла,

* *
*

Со стороны одной угрюма и темна,
Съ другой изъ звѣзднаго вся сотканная тѣла.
Природа—моя мать на небеса взошла,
А на землѣ внизу вся дымомъ почернѣла.

* *
*

О къ солнцу обратись, серпъ мѣсяца златого,
И полнолуніемъ блесни на радость намъ.
Скажи ты мнѣ секретъ таинственнаго слова,
По золотымъ меня веди туда волнамъ,

* *
*

Гдѣ смерти нѣтъ и тьмы, гдѣ жизнь вернется снова,
Надежды разцвѣтутъ, конецъ придетъ слезамъ.
Молчитъ природа мать,—но яркая зарница
Блеснула въ небесахъ. О, это мысль моя

* *
*

На крыльяхъ радужныхъ вспорхнула словно птица,
И радости отъ ней во тьмѣ зажглась заря,
И зарумянилась, что красная дѣвица,
А блескъ ея летѣлъ на земли и моря.

* *
*

И я нашелъ секретъ,—во мнѣ онъ скрытъ глубоко,
Какъ яркая звѣзда надежды и любви.
Изъ неба та звѣзда, какъ Божье свѣтитъ Око,
Изъ неба своего и изъ моей души.
Какъ солнце, разгорись, моя звѣзда, высоко,
Какъ день лазурный, мать природу обними.

* *
*

Славянинъ.

Божественная Дисциплина.

Когда наступаетъ весна, подсознательная жизнь въ травѣ, и деревѣ, и цвѣткѣ ищетъ способа выразить себя въ языкѣ растительнаго царства. Земля доставляетъ питаніе снизу, а воздухъ, свѣтъ, теплота и дождь окружаютъ условіями, благопріятствующими росту. Каждый свернутый листикъ и цвѣтокъ выходитъ изъ почки, какъ сжатая рука, выносящая наружу вѣчный секретъ жизни. Своими нѣжными ласками въ видѣ дождя и солнечнаго сіянія Природа направляетъ и даетъ смѣлость своимъ дѣтямъ, чтобы они рѣшились разсказать свою исторію; и вотъ, блестя разными оттѣнками, перевитые разными жилками, пальцы лиственнаго міра отвѣчаютъ ей и открываются въ своей простой, естественной, радостной жизни и въ богатомъ развитіи. Не ограниченные вѣрованіями, не сдавленные земной наукой, каждый цвѣтокъ и листъ, работая вмѣстѣ съ Закономъ, расширяется въ симметрической полнотѣ. Природа не намѣрена производить одностороннихъ чудищъ роста, но старается каждую индивидуальную форму сдѣлать чудомъ совершенства въ своемъ родѣ. Жизнь радостна, хотя ея стопы находятся въ глинѣ; и растеніе устремляется вверхъ, къ солнцу, вопреки закону тяготѣнія.

Мать Природа выводитъ своихъ дѣтей по правиламъ царственнаго Единенія. Можемъ ли мы сомнѣваться въ ея успѣхѣ?

Почки человѣчества,—нѣжныя, деликатно окрашенныя, свернутыя и скрытыя въ своихъ обѣтахъ цвѣтки человѣческой расы—привѣтствуютъ весну новой, опять вернувшейся земной жизни плачемъ,—смущенныя, можетъ быть, памятью своихъ прежнихъ жизней. Садовникъ сейчасъ бы старался разузнать свойства и нужды какого нибудь рѣдкаго растенія, отданнаго на его попеченіе. Но человѣческія матери—обладающія привиллегіей устроить обстановку такъ, чтобы она была благопріятна для развитія юной души,—доказали ли онѣ на дѣлѣ свое пониманіе этой священной обязанности? А современные воспитатели, со своею увѣренною дѣятель-

ностью набиванія головъ,—чѣмъ же они демонстрировали мудрость процесса Природы, развивающей скрытыя способности въ каждомъ центрѣ сознанія? Не смѣшиваютъ ли онѣ инволюцію съ эволюціей? Если бы они могли прочесть глубокій смыслъ въ серьезныхъ очахъ ребенка, они бы остановились, какъ Мать Природа, въ почтительномъ молчаніи, дабы дать смѣлость этимъ новымъ гостямъ земли разсказать свою исторію. Если бы дѣти были лучше поняты, то воспитатели старались бы не наполнять ихъ головъ, какъ нѣкогда наполняли насъ, старыхъ дѣтей,—избыткомъ несвязанныхъ фактовъ и фикцій,—но помочь имъ выразить свою божественность, откуда они произошли, и реальное ощущеніе котораго еще вѣетъ въ ихъ душахъ.

Каждые тридцать лѣтъ рождается новое поколѣніе. Если бы методы воспитанія были сколько нибудь успѣшны, то было бы возможно получить новое и счастливое человѣчество въ продолженіе ста лѣтъ или даже меньше. Но вмѣсто этого, въ теченіе многихъ послѣдовательныхъ поколѣній пластическій умъ ребенка формировали такъ, чтобы продолжить тѣ же самыя заблужденія эгоизма вмѣстѣ съ неизбѣжнымъ страданіемъ, проистекающимъ изъ него.

Было ли это виною родителей? Навѣрно можно сказать, что не было недостатка въ преданности съ ихъ стороны. Любовь матери вошла въ пословицу, древнюю, какъ міръ: о ней правильно говорятъ, что она готова для своего ребенка пожертвовать собою и всякимъ другимъ человѣкомъ. Но еще до-историческое чувство раздѣльности людей другъ отъ друга переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію; потому что ограниченность материнской жизни съузила то широкое качество, присущее человѣку съ божественной искрой, качество любви витающей надъ всякою беззащитностью,—она съузила это въ узкую преданность „моему ребенку" „моему дому". И поэтому материнская любовь сдѣлалась слишкомъ узкою для того, чтобы понять справедливость. Слѣпая преданность матери, собранная въ одномъ фокусѣ на формирующей природѣ ребенка, исказила ее въ сторону слишкомъ сильной чувствительности по отношенію къ самому себѣ и слишкомъ большого равнодушія къ другимъ. И такимъ образомъ цѣлыя поколѣнія несимметрическихъ характеровъ продолжали развивать соціальную несправедливость, ту самую несправедливость, которую они такъ сильно критиковали, когда она затрагивала ихъ самихъ. Смыслъ воспитанія дѣтей, даже хотя бы и безсознательно, заключался въ томъ, какъ лучше воспользоваться въ борьбѣ съ этимъ эгоистическимъ міромъ, а не въ томъ, какъ исправить его.

Эта узкая, личная материнская любовь принесла бы много

вреда, если бы ея послѣдствія распространялись на одно только поколѣніе. Но вѣдь каждый актъ эгоизма, которому она учила его или пропускала въ немъ, посѣялъ жатву для будущихъ поколѣній. И такимъ образомъ этотъ злой кругъ посѣва и жатвы несчастій катился изъ вѣка въ вѣкъ и заставилъ людей забыть тотъ фактъ, что „*жизнь есть радость*".

Но теперь теософическая философія бросаетъ цѣлый потокъ свѣта на задачу старую, какъ міръ,—именно, какимъ образомъ выразить нашу любовь къ ребенку. Вѣдь въ ихъ маленькихъ ручкахъ находится будущее. Наша философія ясно показываетъ, что самое лучшее выраженіе родительской любви состоитъ въ томъ, чтобы учить ребенка работать вмѣстѣ съ закономъ, какъ этому учитъ Мать Природа. Мы были такъ узки, личны и эгоистичны въ нашихъ заботахъ о тѣлѣ и умѣ нашихъ любимцевъ, что мы забыли настоящее дитя судьбы—душу—въ ея эволюціонномъ странствованіи. Мы пытались осчастливить дѣтей, потворствуя ихъ желаніямъ и капризамъ. „Я не могу ничего ему отказать", говоритъ любящій родитель. Но, удовлетворяя личныя желанія ребенка, мы дѣлаемъ печальную ошибку, отказывая желаніямъ его „Высшаго Я" (Божественной Искры). Каждый новорожденный ребенокъ есть инструментъ души, которая ищетъ опытности на землѣ, путемъ соприкосновенія съ матеріей.

Жизнь—это школа,—и всѣ уроки ея должны быть изучены каждымъ ученикомъ безпристрастно. Душа знаетъ, чего она хочетъ, и желаетъ уплатить извѣстную плату за свое воплощеніе на землѣ. Развѣ не прискорбно подумать, какъ долго наша ошибочная, жестокая любовь собирала ростовщическіе проценты съ тѣхъ, которыхъ мы такъ сильно любили, задерживая въ нихъ познаніе уроковъ, которымъ ихъ училъ Законъ.

Если бы было возможно научить насъ только любовью, развѣ бы сострадательныя сердца Великихъ Друзей человѣчества (какъ Христосъ и другіе) не дали бы до сихъ поръ слѣпому, страждущему человѣчеству наслѣдіе мира? Но законъ требуетъ, чтобы каждый вырабатывалъ свое собственное спасеніе, чтобы каждый самъ искалъ въ своемъ собственномъ сердцѣ убѣжища Покоя. Напрасно мать скрываетъ свою собственную боль отъ эгоистическаго ребенка. Напрасно она надѣется своею близорукою преданностью и своимъ охотнымъ прощеніемъ снять съ ребенка вину нелюбезности или неблагодарности. Этотъ невыплоченный долгъ скрытой боли сердца войдетъ въ счетъ судьбы противъ виновника. И этимъ временнымъ счастіемъ, которое родитель доставляетъ своему любимцу, онъ отказываетъ ему въ возможности скоро найти болѣе продолжительное счастіе, заслуженное имъ же самимъ. Неиз-

мѣримо лучше научить чувствительное дитя слѣдовать по опасному и трудному пути прогресса, поддерживая его сильными и нѣжными руками и освѣщая его любовнымъ свѣтомъ домашняго очага, чѣмъ сразу выбросить его на медленное изученіе строгаго Закона, такъ чтобы онъ во тьмѣ и невѣжествѣ собственнымъ заслуженнымъ страданіемъ отыскивалъ путь. Никто не можетъ научиться этимъ урокамъ вмѣсто другого;—но болѣе разумная любовь можетъ направлять стопы тѣхъ, которыхъ мы любимъ, на болѣе легкій путь къ высшему сознанію.

Эгоизмъ разрушаетъ свою собственную почву; и узкая любовь, которая всегда занята „своимъ ребенкомъ" и желаетъ умноженія имуществъ для него, теряетъ свою цѣль упрочить счастіе ему. Воплощенная душа, влекомая старыми узами дружбы, выбираетъ себѣ среду, которая могла бы доставить ему условія, благопріятныя для его развитія. Но какъ эгоизмъ обозначаетъ раздѣльность, такъ и неразумная любовь работаетъ, со временемъ, для этой раздѣльности. Если родители и дитя не съумѣютъ вмѣстѣ найти болѣе широкое значеніе единства, то безошибочный Законъ потребуетъ, чтобы они учились этому въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ и разстались. Какъ бы низкій умъ и тѣло не протестовали противъ этой Божественной Дисциплины,—однако сердце человѣка, гдѣ обитаетъ духъ его, требуетъ этой привиллегіи для достиженія высшей истины. Самая высшая обязанность не касается личности ребенка, а его „Высшаго Я".

Не одна любовь, а мудрость любви—Божественная Дисциплина—спасетъ дѣтей, которыхъ мы такъ любимъ. Если мы страдаемъ и молчимъ, въ то время какъ они дѣлаются упрямыми и неблагодарными,—то это можетъ устранить отъ нихъ нѣкоторое умственное и тѣлесное неудобство. Но всю ту сердечную боль, которую они посѣяли такъ легкомысленно, они будутъ принуждены когда нибудь пожинать въ горькой печали. Любовь можетъ на время предохранить дитя отъ безпокойствія отвѣтственности, и даже на долгое время его жизни доставить ему комфортъ, который онъ не заслужилъ. Но полный анализъ покажетъ, что мы не можемъ спасти его отъ самого себя,—и никакая внѣшняя доброта не въ состояніи удалить отъ него Карму, созданную имъ же самимъ.

Тому, кто стоитъ одинъ передъ своимъ урокомъ,—всегда этотъ урокъ смотритъ въ глаза. Никакая ласка не можетъ занять мѣста храбрости, никакая протекція не можетъ замѣнить крѣпости, необходимой для борьбы со своимъ „низшимъ я". Любовь и защита должна быть для любимаго подобна бронѣ воина; но какъ часто она окружаетъ его на подобіе теплой, долгой, разстраивающей нервы бани,—можетъ быть пріятной для ощущенія на столько же,

на сколько она ослабляетъ его для того, чтобы онъ могъ выдержать холодную, острую атмосферу борьбы на планахъ нашей двойственной натуры.

Быть вѣрнымъ вѣчной истинѣ, поскольку намъ дано ее понять,— вотъ наивысшая вѣрность всѣхъ нашихъ земныхъ узъ; отбрасывать всякій компромиссъ съ общепринятыми или осторожными правилами; не угождать чувствительному эгоизму нашихъ любимцевъ, но считать ихъ отвѣтственными передъ своимъ «Высшимъ Я»,— вотъ основныя начала непреходящаго единенія и настоящей лояльности любви.

Лидія Россъ.

Два года въ Городѣ Счастья.

(Продолженіе).

Изъ Калифорніи въ Нью-Іоркъ доходили слухи о дѣятельности Екатерины Тингли. Говорили, что она купила землю на берегу Тихаго Океана, въ мѣстности съ удивительнымъ климатомъ и невѣроятно красивымъ видомъ вокругъ. Говорили, что тамъ съѣхалось много членовъ Всемірнаго Братства, по приглашенію ея, что тамъ работа кипитъ ключемъ, что жизнь тамъ многообразна и т. д. Это мѣсто было выбрано уже давно Еленой Петровной Блаватской для будущаго практическаго развитія Теософіи, и теперь только Екатерина Тингли, которая была ея ученицей, но скромно держалась въ сторонѣ, наконецъ въ состояніи исполнить ея желаніе.

Членамъ Всемірнаго Братства было сказано, что эта Школа для Возобновленія Потерянныхъ Мистерій Древности будетъ храмомъ живого свѣта, который озаритъ самыя темныя мѣста міра; что въ этой школѣ и ея вѣтвяхъ дѣтей земли будутъ учить законамъ физической жизни и законамъ физическаго, моральнаго и умственнаго здоровья и духовнаго развитія. Они будутъ учиться, какъ жить въ гармоніи съ природой. Они научатся страстно любить все, что живетъ и дышетъ. Они будутъ дѣлаться сильными въ самопознаніи и, по мѣрѣ увеличенія ихъ силы, они будутъ учиться употреблять ее для добра всего міра.

Каждый изъ насъ мечталъ рано или поздно попасть туда. Развѣ не въ этомъ именно мы всѣ нуждались? Сердце наболѣло жить среди шумной и матерьяльной цивилизаціи Нью-Іорка. Она не удовлетворяла насъ. Она истомила наши нервы. А тамъ гдѣ то на Дальномъ Западѣ возникаетъ Гавань Міра, надежда новой цивилизаціи. Теперь можно ликвидировать старую цивилизацію, подумалъ я. Мое сердце отшатнулось отъ нея. Мое сердце желало любить и видѣть блескъ Божества въ любимыхъ лицахъ. Вѣдь говорятъ, что Божество есть любовь. Неужели мечта Всемірнаго Братства осуществится хотя бы въ одномъ мѣстѣ земного шара? Неужели нормальная жизнь снова вернется на землю?

Ахъ! какъ я усталъ въ этомъ Нью-Іоркѣ. Помню, собиралъ какую-то компанію въ милліонъ долларовъ для одного предпріятія. Все это было такъ прозаично; та же безконечная толчея, и я не выпус-

калъ изъ виду сверкающую Звѣзду Надежды съ запада. Издали я мечталъ о ней, надѣясь когда нибудь въ далекомъ будущемъ заслужить попасть туда.

И вдругъ получаю приглашеніе отъ Екатерины Тингли пріѣхать въ это священное для меня мѣсто.

Я моментально бросилъ всѣ свои дѣла, свою компанію, сложилъ вещи и сѣлъ на поѣздъ, отходящій въ Чикаго.

Въ вагонѣ только я почувствовалъ облегченіе. Это приглашеніе было въ пору. Еще недѣлю и я бы въ Нью-Іоркѣ опасно заболѣлъ. Это было моимъ спасеніемъ.

Въ Чикаго я пересѣлъ на поѣздъ, идущій въ Калифорнію. Къ слѣдующему утру я уже ѣхалъ среди степей Канзаса. Воздухъ становился суше, небо голубѣе, кругозоръ шире. Я ѣхалъ въ невѣдомую даль и въ невѣдомое будущее. Прошлаго, оставленнаго позади, я не жалѣлъ. Мнѣ становилось свѣтлѣе на душѣ, будто наступала заря, будто разсвѣтъ. Такую надежду сумѣла въ насъ вселить Екатерина Тингли, эта царственная женщина по духу, благородству, уму и энергіи. Мнѣ вспомнился мой сонъ во Флоридѣ о моемъ полетѣ на Западъ и встрѣчѣ съ нею, сонъ, описанный въ предыдущей главѣ. Чувства мои такія же, какъ во снѣ, подумалъ я; мой сонъ сбывается.

Вечеромъ нашъ поѣздъ вскарабкался на Кордильерское плато, двѣ версты вышиною, и мчался такъ же, какъ по плоскости. Ночью засіяли звѣзды, но какія! Никогда не видѣлъ я столько звѣздъ, никогда не дышалъ такъ свободно. Цивилизація оставлена не только вдали, но и внизу. Душа на высотѣ отдыхала...

Еще два дня мы мчались по этому плоскогорью. Мы прошли мимо горы св. Франциска, со знаменитой обсерваторіей, гдѣ проф. Лоуэль сдѣлалъ такіе великолѣпные снимки съ Марса и неопровержимо доказалъ присутствіе на немъ множества какихъ-то длинныхъ правильныхъ полосъ,—по всей вѣроятности каналовъ съ растительностью. Какая тишина, какая благодать! А кругомъ пустыня, —золотоносный песокъ, покрытый кустарниковымъ шалвеемъ. По ночамъ вой шакаловъ доносится издали,—и крикъ пумы пронизываетъ звѣздную тьму.

По пути я отъѣхалъ немного въ сторону осмотрѣть каньонъ рѣки Колорадо. Вообразите что-то на подобіе нашей южно-русской балки,—въ версту глубиною, прорытой быстрой рѣкой среди плоскогорія, ровнаго, какъ поверхность стола. Куда не кинешь взглядъ, всѣ берега этой балки состоятъ изъ совершенно горизонтальныхъ геологическихъ пластовъ всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Вотъ гдѣ земля представляется въ видѣ радуги! Такъ какъ пласты имѣютъ различную плотность,—то одни смывались скорѣе другихъ. Поэтому формы размытыхъ породъ напоминали всевозможныя архи-

тектурныя постройки,—но какія! Самая дикая фантазія должна признать себя побѣжденной передъ этой дѣйствительностью. Солнце движется,—и формы, цвѣта, оттѣнки переливаются... Я смотрю будто во снѣ. Храмы, дворцы, крѣпости, пирамиды встаютъ предо мною. Вотъ буддійскій храмъ Боро-Будоръ съ острова Явы. Вотъ куполъ собора Св. Петра въ Римѣ. Вотъ дворцы какого-то индѣйскаго Магараджи Джейпура. А далѣе постройки невѣдомыхъ временъ, какъ будто съ другой планеты. И все это въ краскахъ, въ оттѣнкахъ, въ свѣто-тѣни, будто живое. А кругомъ такая чудная, можно сказать музыкальная тишина, ибо музыка выражается свѣтомъ и формами. Не люди, а духи должны здѣсь обитать,—безтѣлесные, нетлѣнные, которымъ не надо пищи, которые живутъ и питаются одной красотою. Такъ и ждешь полета какого нибудь Ангела, какъ на рисункахъ Густава Дорэ. Но даже и фантазія Дорэ до такой красоты не могла подняться...

Тутъ уже я не жалѣлъ нисколько узкаго блѣднаго горизонта и затхлаго воздуха городовъ. Не дали въ Нью-Іоркѣ развернуться теософіи,—не дали полюбить всѣ красоты земного шара, всѣ народы, всѣ идеалы, какъ храмы, воздвигающіеся въ ихъ душѣ,—ихъ пѣсни, ихъ мечтанія, ихъ надежды. Нью-Іоркъ—толкучка, рынокъ. А здѣсь среди чудесъ и свѣжаго воздуха пустыни испуганное сердце опять отдохнуло, какъ солнышко вышло изъ облака и коснулось любовью всего земного шара. Мой сонъ сбывается...

День и ночь опять мчится поѣздъ. Онъ уже спустился съ горъ, и я, уже близко отъ Лосъ-Анджелесъ, пробуждаюсь среди садовъ южной Калифорніи. Здѣсь тоже пустыня,—но здѣсь проведена вода,—и вода превратила въ рай это мѣсто неслыханной красоты. Вотъ кустъ розы вскарабкался на домъ и покрылъ своими дивными цвѣтами всю крышу. Какіе гигантскіе олеандры, магноліи! Благоуханіе апельсиновыхъ рощъ наполняетъ воздухъ...

Мы уже проѣхали Лосъ Анджелесъ;—становится жарко,—но вдругъ въ окно повѣяла прохлада. Я удивленно оглядываюсь и вижу Тихій Океанъ. Серебристый, совершенно прозрачный туманъ мчится съ моря. Такого тумана я еще никогда не видалъ. Все иное здѣсь, воздухъ, земля, вода, все свѣтозарно, спокойно и мирно. О въ этомъ воздухѣ цивилизація навѣрно будетъ иная. Она заставитъ піонеровъ идти по новому пути.

Наконецъ я пріѣхалъ въ Санъ Діэго, гдѣ меня уже ждали лошади. Еще двѣнадцать верстъ, и я уже на полуостровѣ Пойнтъ-Лома. Тамъ секретарь Екатерины Тингли помѣстилъ меня въ Международной Колоніи, три четверти версты отъ главнаго дома ея новаго имѣнія. Раньше чѣмъ я увидѣлъ ее, я оставался тамъ три дня, для того, чтобы оправиться и отдохнуть съ дороги.

Было поздно. На слѣдующій день утромъ я пошелъ на про-

гулку. Меня удивила совершенно сухая земля. Оказывается, что восемь мѣсяцевъ въ году здѣсь не бываетъ дождя. А между тѣмъ сады такъ свѣжи, такъ зелены, какъ весною. Я пошелъ въ садъ и узналъ причину. Оказывается, вездѣ проведены желѣзныя трубы, и каждое дерево разъ въ мѣсяцъ получаетъ обильное количество воды,—послѣ чего черезъ два дня почва разрыхляется спеціальными инструментами,—поверхность разрыхленной почвы высыхаетъ и больше не проводитъ влагу наружу и не теряетъ ее испареніемъ.

Я нашелъ въ колоніи массу цвѣтниковъ, бассейнъ, наполненный водою, съ цвѣтущими въ ней розовыми лотосами, какъ въ Индіи или Египтѣ, ароматныя евкалиптовыя аллеи, фруктовый садъ, гдѣ яблоки росли на ряду съ гуавами, персики съ черимойями.

Со мной очень мало разговаривали члены колоніи. Каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ и отвѣчалъ однимъ—двумя словами. Мнѣ хотѣлось съ ними поговорить, но я не могъ удовлетворить этого славянскаго недостатка,—любопытства и болтливости. Но почему то я ихъ очень за это уважалъ. Ихъ спокойствіе и достоинство говорили яснѣе всякаго краснорѣчія. Въ концѣ концовъ я былъ имъ очень благодаренъ. Они мнѣ не мѣшали наблюдать. Все увижу самъ, подумалъ я. Можетъ быть слова не могутъ выразить того, что здѣсь происходитъ. Вѣдь многословіе часто отнимаетъ ясность у вопроса.

Моя мысль начала успокаиваться, и на третій девь я уже былъ готовъ видѣть лидера. Такъ здѣсь называли Екатерину Тингли.

И дѣйствительно на третій день меня позвали къ ней на холмъ. Ея домъ стоялъ на холмѣ 500 футовъ надъ поверхностью моря..

Тамъ она встрѣтила меня, на вершинѣ холма, и повела меня по дорожкѣ на западъ мимо дома и цвѣтниковъ. Еще нѣсколько шаговъ, и я увидѣлъ съ этого холма такую грандіозную картину, какую нигдѣ ни раньше, ни послѣ не видалъ. Не знаю, ея ли присутствіе вдохновляло меня,—или я самъ былъ въ восторженномъ состояніи, увидѣвши ту, которую всѣ люди съ радостью могли бы назвать Матерью и Царицей,—такъ она всѣхъ любитъ и такъ всѣмъ жертвуетъ для нихъ, трудясь отъ ранняго утра до поздней ночи и никогда никого не забывая,—но мои чувства были экзальтированы. Я увидѣлъ передъ собою тамъ далеко внизу безконечную очень ярко-освѣщенную солнцемъ свѣтло-лазурную ширь океана, мѣрными и плавными рядами катящаго свои волны, или скорѣе зыбь, всю покрытую серебристыми блестками. Воздухъ тоже отливалъ свѣтлою лазурью, и въ немъ не туманъ, даже не легкая мгла,—а тоже какое-то изобиліе серебристыхъ блестокъ, такъ что воздухъ казался видимымъ. Эта картина такъ дѣйствовала на меня, что я чуть могъ держаться на ногахъ. Я оглядывался во всѣ стороны: на сѣверѣ берегъ уходилъ вдаль и, покрытый сере-

бристой дымкой, я видѣлъ островъ Санъ-Каталина. На сѣверо-востокъ начиналась гряда уходящихъ въ высь горъ!.. Вотъ черезъ ущелье я вижу снѣжныя вершины Санъ-Бернардино 11,000 футовъ вышиною,—на западъ опять море, т. е. заливъ и городъ Санъ-Діэго; заливъ и городъ кажутся у ногъ нашихъ; а за городомъ 50 верстъ холмистыхъ полей и садовъ, потомъ холмы дѣлаются все выше и выше, амфитеатромъ, достигая высоты Везувія, и еще выше можетъ быть... Только тутъ не одинъ Везувій, а нѣсколько десятковъ ихъ. Смотрю на югъ, на заливъ, до 30 верстъ длиною. Заливъ отдѣляется отъ океана узкой блестящей полосой песка,—косой, называемой Коронадо, и амфитеатръ горъ доходитъ до конца этого залива на самомъ югѣ, гдѣ должна быть граница Мексики. А потомъ опять океанъ, занимающій полъ горизонта...

Мы прошли дальше. На нѣкоторыхъ мѣстахъ были уже заложены постройки новаго города. Въ одномъ мѣстѣ Екатерина Тингли показала мнѣ полукруглое ущелье. „Здѣсь будетъ амфитеатръ“,—замѣтила она. И дѣйствительно, оставалось только вдѣлать каменныя скамьи въ отлогости этой подковообразной долины. Далѣе она мнѣ разсказывала, что въ очень давнія доисторическія времена, когда эта часть Америки первая вышла изъ моря и соединилась длиннымъ подковообразнымъ континентомъ съ Австраліей, Южной Африкой, и черезъ Атлантическій Океанъ съ Англіей и Скандинавіей,—на этомъ же самомъ мѣстѣ жила свѣтлая и чистая раса людей, которыхъ скорѣй можно было назвать полу-богами, и здѣсь же стоялъ ихъ храмъ, гдѣ они почитали Небеснаго Отца и были Его вѣрными дѣтьми, нося Любовь въ своемъ сердцѣ и не причиняя никакой скорби ближнему. Такихъ людей уже почти нѣтъ на землѣ, но сама почва какъ-бы пропитана здѣсь ихъ эманаціями. Она сказала, что здѣсь опять будетъ храмъ, если мы заслужимъ это.

И вспомнилось мнѣ мѣсто изъ одной книги проф. Стэнли Джевонса, гдѣ онъ разбираетъ логику; онъ говоритъ тамъ, что на каждомъ атомѣ, находящемся вблизи насъ, отпечатываются какъ бы фотографіи всѣхъ нашихъ дѣлъ. Кто знаетъ, можетъ быть и нашихъ мыслей, подумалъ я. Вѣдь мысли тоже производятъ волны въ эфирѣ, отчего-же эти волны не могли бы давать отпечатковъ? Вѣдь психометры стараются даже читать ихъ. Не судя объ ихъ успѣшности, хотя чтенія ихъ были иногда удивительны, я подумалъ:—„Вотъ все время на этомъ холмѣ я чувствую себя какъ то особенно свѣтло. Должна же этому быть какая-нибудь причина!“

Не тотъ же ли смыслъ заключался въ голосѣ, говорившемъ нѣкогда Моисею: „Сними свою обувь, потому что мѣсто, на которомъ ты стоишь, священно“.

Уже смеркалось; я простился съ нею и вернулся обратно въ

колонію. Тамъ я жилъ два года, изрѣдка только посѣщая, по приглашенію лидера, вершину холма.

Видя, что всѣ работаютъ, я тоже хотѣлъ приложить свою руку къ постройкѣ этого чуднаго города. Мнѣ вспомнилась Флорида и моя любовь къ садоводству, и я написалъ лидеру письмо о своихъ занятіяхъ во Флоридѣ. Однажды она посѣтила колонію и предоставила въ мое распоряженіе часть цвѣточныхъ клумбъ, а также фруктовый садъ и огородъ при колоніи.

Въ саду я былъ одинъ; разговоровъ всѣ избѣгали, кромѣ самыхъ необходимыхъ. Вѣдь, Пиѳагоръ нѣкогда требовалъ отъ своихъ учениковъ пятилѣтняго обѣта полнаго молчанія. Но мы и безъ обѣта, насколько могли, исполняли это необходимое условіе духовнаго прогресса; опытъ Флориды научилъ меня уже давно цѣнности этого рѣдкаго качества человѣка.

Опять повтореніе жизни во Флоридѣ: только я не одинъ, а насъ много, связанныхъ идеей Всемірнаго Братства. Мысли опять начали разцвѣтать. За то въ Воскресенье намъ была дана возможность на митингѣ выражать лучшія мысли, накопившіяся за недѣлю. Нѣкоторые записывали свои мысли и читали ихъ. Я видѣлъ, какъ одна пятнадцатилѣтняя дѣвочка что-то усердно писала. Когда она прочла это въ общемъ собраніи,—она оказалась философкой, разумной не по своимъ годамъ. Какъ мы всѣ сочувствовали этому ребенку!...

Кипучая дѣятельность захватывала всѣхъ. Трудясь въ саду, я снималъ обувь, такъ какъ я вѣрилъ методѣ Кнейпа, этого здравомыслящаго германскаго католическаго священника. И я убѣдился, что онъ дѣйствительно хорошо зналъ нѣкоторыя правила физическаго здоровья, которое составляетъ одну изъ задачъ той таинственной школы для возобновленія мистерій древности.

Я все не могъ понять, какая это древность. Не та ли раса святыхъ людей, что нѣкогда, еще до потопа, населяли это мѣсто, и которыхъ религія была патріархальна въ своей простотѣ. Помнилось мнѣ, что въ Библіи упоминалось о какихъ-то сынахъ Божіихъ, живущихъ тогда на землѣ, и которые вѣчно враждовали съ какими то злыми гигантами. Во всякомъ случаѣ ихъ жизнь должно быть была простая, но ихъ любовь обнимала вселенную.

Вотъ и я въ простой холщевой одеждѣ, безъ обуви, работалъ въ саду,—и соприкосновеніе ногъ съ землею передавало мнѣ отъ земли электричество ея. Я удивлялся этому. Анализъ почвы выяснилъ, что въ ней сравнительно много золота. Нѣкогда алхимики считали золото въ извѣстной формѣ чудодѣйственнымъ лекарствомъ. А теперь многія мечты алхимиковъ оправдываются современными открытіями новѣйшей химіи. Впослѣдствіи я нашелъ разъ на землѣ кусокъ выброшеннаго стекла. Я поднялъ его и былъ

пораженъ: стекло пріобрѣло яркій фіолетовый оттѣнокъ, который оно можетъ получить только отъ лучей радія. Неужели здѣсь атмосфера такъ чиста, что отъ солнца могутъ сюда проникать такіе лучи. Въ такомъ случаѣ и почва здѣсь должна быть радіоактивна.

Это подтвердилось здѣсь булыжниками, собранными мною. Большинство изъ нихъ было какъ будто испечено солнцемъ и пріобрѣло фіолетовый оттѣнокъ. Ничего подобнаго я не видалъ нигдѣ.

Кто нибудь изъ читателей могъ бы подумать, что было вѣроятно очень жарко, если солнце такъ сильно дѣйствовало. На самомъ дѣлѣ температура стояла все время умѣренная. Лучшаго климата даже придумать нельзя. Такъ какъ у насъ была собственная метеорологическая станція, и инструменты автоматически отмѣчали тоже и температуру, я могъ легко слѣдить за этимъ. Проходили дни, и кривая ея была скорѣе похожа на прямую линію. Вотъ среднія данныя: лѣто, днемъ 16° R., ночью 12°; зимою днемъ 12°, ночью 8°.— Поэтому я жары никогда не чувствовалъ, пальто тоже никогда не надѣвалъ.

Старожилы говорили, что въ атмосферѣ чувствовались всѣ четыре времена года: весна, лѣто, осень и зима. Чтобы объяснить это, надо понять движеніе атмосферы въ этомъ районѣ. Къ западу, такъ около 200 верстъ отъ берега, находится жгучая пустыня, гдѣ воздухъ раскаляется, какъ въ печи, и поднимается вверхъ. Вотъ гдѣ онъ пріобрѣтаетъ свою лѣтнюю характеристику. На большой высотѣ, гдѣ его температура падаетъ до температуры ниже замерзанія ртути, онъ стремится высоко надъ Южной Калифорніей къ океану. Вотъ откуда зимняя характеристика. Надъ океаномъ недалеко отъ берега онъ круто съ морозныхъ высотъ спускается внизъ, нагрѣвается отъ самого сжатія во время спуска, захватываетъ очень умѣренное количество океанской влаги, вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно очищая самую воду въ океанѣ, такъ что нѣтъ на свѣтѣ воды болѣе пріятной для купанья (вода въ этомъ отношеніи походитъ на Нарзанъ) и вѣетъ надъ поверхностью воды къ берегу и опять къ жаркой пустынѣ. Поэтому легкій прозрачный туманъ напоминаетъ весну,—а одновременно чувствуется сухость и осень. Гигрометръ на метеорологической станціи показываетъ сравнительную сухость воздуха. Въ общемъ чувствуются невѣроятная свѣжесть, возбуждающая аппетитъ,—и чистота воздуха. Вотъ почему онъ прозраченъ для радіоактивныхъ лучей солнца. Все это вмѣстѣ,—а также извѣстныя правила гигіены этого города, объясняютъ, почему въ немъ такъ легко достигалась первая цѣль, здоровье. Я видѣлъ тамъ, что даже безнадежно больные,—неузнаваемо поправлялись въ продолженіе года.

Странникъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Православное христіанство—какъ центръ міровой теософіи.

„Да вси едино будутъ, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и я въ Тебѣ, такъ и они въ Насъ едино будутъ (Іоаннъ. XVII, 21;)—молился предъ своею смертью міровой Божественный учитель Христосъ своему Небесному Отцу. Съ тѣхъ поръ прошло почти двѣ тысячи лѣтъ, а единеніе людей все еще остается отдаленнымъ идеаломъ. Человѣчество подѣлилось на сотни вѣроисповѣданій и религіозныхъ общинъ,—и каждая изъ нихъ претендуетъ быть во всемъ, даже въ самыхъ мельчайшихъ обрядовыхъ разностяхъ—абсолютной истиной, исключающей собою всѣ другія. Всякое вѣроисповѣданіе хочетъ подчинить себѣ слѣпо всѣ другія, хотя-бы то самыми крайними средствами и тѣмъ объединить собою всѣхъ людей.

Однако,—возможно ли достигнуть духовнаго единенія людей такимъ способомъ? Безусловно нѣтъ,—и, если бы современные религіозные вожди человѣчества немного призадумались надъ своею ролью, они поняли бы, что истина одна, а, потому, объявлять себя абсолютной истиной каждому вѣроисповѣданію, каждой религіозной формулѣ,—объявлять истинной и въ теоріи, и въ практикѣ, и въ идеѣ, и во внѣшнемъ ея обнаруженіи—есть совершенное недоразумѣніе.

Религіозная истина одна, какъ истина абсолютная, но, какъ именно абсолютная, она не можетъ вмѣститься цѣликомъ ни въ наличномъ сознаніи отдѣльныхъ людей—ни даже цѣлыхъ обществъ и народовъ. Истина религіозная по своей законченности и полнотѣ подобна громадному шару. Когда мы смотримъ на шаръ съ одной стороны, отъ нашего вниманія ускользаютъ другія. То же и въ усвоеніи религіозной истины отдѣльными людьми и цѣлыми обществами: усваиваемая ими съ одной стороны, она ускользаетъ отъ вполнѣ яснаго и отчетливаго сознанія въ отношеніи другихъ своихъ сторонъ.

Идея абсолютной религіозной истины *была частично открыта народу еврейскому и въ совершенной законченности и полнотѣ раскрыта въ христіанствѣ, гдѣ она точно формулирована въ православіи.* Различныя же религіозныя ученія и формулы, какъ

христіанскія, такъ и нехристіанскія, представляя собою въ общемъ уклоненіе отъ истины, однако нѣкоторымъ образомъ—различнымъ по характеру и формѣ—служатъ цѣли усвоенія истины религіознымъ самосознаніемъ людей, локализируя въ себѣ и оттѣняя лишь какую-либо одну часть, одну сторону или даже одну небольшую черту цѣлой истины. Такимъ образомъ, изучая различныя религіозныя ученія, мы можемъ ясно наблюдать величественную картину водительства исторіи Промысломъ Божіимъ, который руководитъ человѣка къ познанію истины медленнымъ путемъ, направляя и человѣческія заблужденія къ той же цѣли познанія истины.

Съ этой стороны становятся весьма многозначущими слова Св. Евангелиста Іоанна Богослова: *„свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объемлетъ* (Іоаннъ. I гл. ст. 5). Понятно теперь и то, почему христіанская древность утверждала, что душа по природѣ христіанка, и что все лучшее внѣ христіанства можно назвать христіанскимъ.

Съ этой точки зрѣнія мы и посмотримъ на исторію религіознаго самосознанія человѣчества.

Человѣкъ, получилъ правильное понятіе о Богѣ вмѣстѣ съ появленіемъ своимъ на землѣ. Но грѣхъ затмилъ въ человѣкѣ религіозную истину. Мало по малу люди „славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ и пресмыкающимся“ (Рим. I, гл. 12, ст. 23). Необходимо было вторично открыть человѣку религіозную истину. Такая истина и была открыта, хотя и въ прикровенномъ видѣ, народу еврейскому. Однако, даже и въ прикровенномъ видѣ Евреи не могли усвоить богооткровенной религіозной истины. Ученіе богооткровенной религіи о Единомъ, Вѣчномъ, Абсолютномъ Существѣ—Богѣ „жестоковыйный„—чувственный іудей не могъ примирить съ понятіемъ о Богѣ Израилевомъ, избранникомъ коего онъ являлся, и готовъ былъ Его, по подобію прочихъ народовъ, низвести въ разрядъ идоловъ. Отсюда постоянное колебаніе Евреевъ между богооткровенной религіозной истиной и языческою ложью, которое въ концѣ концовъ привело іудеевъ къ ложной идеѣ Мессіи—Земного царя, а не Мессіи-Всемірнаго Спасителя.

И вотъ, когда богоизбранный народъ, коему было сообщено высшее религіозное вѣдѣніе, по своей „жестоковыйности“ никакъ не могъ усвоить себѣ главнѣйшій элементъ этой истины—Единство и Абсолютность Божества—Промыселъ Божій направляетъ другой народъ—съ философскимъ складомъ ума сквозь тьму своихъ религіозныхъ блужданій категорически (хотя и цѣною неправильнаго понятія о Божескомъ Существѣ,) подтвердить идею Единства и Абсолютности Міровогo Начала, Лежащаго въ основѣ всѣхъ вещей (Нирвана. Буддійскій Пантеизмъ).

Но былъ и есть еще одинъ важный вопросъ въ религіи—

это,—въ какомъ отношеніи находится и долженъ находиться человѣкъ къ Богу и Богъ къ человѣку. Іудейская богооткровенная религія ставила человѣка по отношенію къ Богу въ состояніе отчужденія, рабскаго повиновенія и страха. И это вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности, разъ человѣкъ своимъ грѣхомъ удалилъ себя отъ Бога. Однако это состояніе отчужденія и рабскаго страха передъ Богомъ могло вредно отразиться на нравственномъ характерѣ взаимоотношенія между Богомъ и человѣкомъ: рабъ-іудей могъ подмѣнить живую связь съ Богомъ внѣшне-юридическимъ выполненіемъ однихъ религіозно-обрядовыхъ установленій. Это мы и видимъ въ крайнемъ направленіи іудейскаго законничества—въ фарисействѣ.

Но если живое единеніе Бога съ человѣкомъ не могло быть рядомъ съ рабскимъ страхомъ въ ограниченномъ сознаніи іудея, сознававшаго чрезъ свой строгій Богооткровенный законъ бездну своего грѣховнаго отчужденія отъ Бога, то не то было у язычника, которому руководителемъ въ познаніи религіозномъ была совѣсть, усыпленная грѣхомъ. Здѣсь идея общенія Бога съ человѣкомъ могла быть воспринята легче. И вотъ міровая исторія выдвигаетъ на сцену *антропоморфизмъ* (Грековъ и Римлянъ), который ставилъ Бога рядомъ съ человѣкомъ и низводилъ Его въ обычную житейскую среду. Такимъ образомъ идея живого общенія Бога съ человѣкомъ, данная въ Ветхомъ Завѣтѣ (и имѣвшая своею опорой ученіе о Мессіи), однако не имѣвшая почвы для своего усвоенія въ рабско-грѣховной психологіи Іудея,—была подчеркнута въ религіозномъ самосознаніи человѣчества чрезъ антропоморфизмъ, далекій въ цѣломъ отъ религіозной истины.

Однако антропоморфизмъ, оттѣняя идею живого общенія Бога съ человѣкомъ, впадалъ въ данномъ пунктѣ въ грубое заблужденіе, когда антропоморфистъ въ своемъ религіозномъ самосознаніи—отождествлялъ наличное человѣческое съ Божескимъ и обожествлялъ грѣховную природу человѣка. Истина религіозная, богооткровенная въ данномъ пунктѣ гласила, что, хотя живое тѣсное общеніе человѣка съ Богомъ возможно, но только подъ условіемъ его побѣды надъ зломъ, а такъ какъ самъ ветхозавѣтный человѣкъ такой побѣды одержать не могъ, то полное общеніе, живой союзъ человѣка съ Богомъ относился ко времени появленія Мессіи,—побѣдителя мірового зла. Но съ другой стороны идея Мессіи—побѣдителя зла по своей отдаленности могла затемняться въ сознаніи людей, и іудейство могло всецѣло успокоиться на одномъ рабско-юридическомъ выполненіи различныхъ религіозно-обрядовыхъ повинностей—вмѣсто того, чтобы своею борьбою съ грѣхомъ и зломъ готовиться къ появленію Мессіи.

Такъ и было на самомъ дѣлѣ: ко времени пришествія Христа

іудеи вполнѣ были удовлетворены своимъ фарисейскимъ законничествомъ и отъ Мессіи ничего не хотѣли, какъ только, чтобы Онъ былъ ихъ земнымъ царемъ. Если принять въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, мы можемъ понять какъ нѣкоторую полезную роль въ исторіи мысли сыграла, хотя и ложная (съ точки зрѣнія абсолютной истины) религія Персовъ—рѣзко оттѣнивая идею борьбы добра со зломъ и давшая этой идеѣ абсолютныя философско-теологическія основы (дуализмъ: Ормуздъ и Ариманъ).

Такимъ образомъ ко времени появленія Христіанства открытое прикровенно въ іудейской религіи правильное понятіе о Богѣ и его отношеніи къ міру уяснялось и постепенно раскрывалось въ религіозномъ самосознаніи человѣчества путемъ положительнымъ и отрицательнымъ, пока не была подготовлена почва для появленія христіанства. Христіанство открыло религіозную истину въ полнотѣ и законченности, сохранивъ вполнѣ ясное понятіе о Богѣ, какъ Абсолютномъ Существѣ, установивъ чрезъ ученіе Троичности лицъ вполнѣ правильное понятіе о взаимоотношеніи между Богомъ и человѣкомъ—и давши возможность живого ихъ общенія черезъ спасительное событіе Голгофы.

Но если ветхозавѣтная религіозная истина для своего усвоенія и уясненія людьми требовала такого громаднаго промежутка времени и такого медленнаго историческаго процесса въ развитіи религіознаго самосознанія людей, то что же сказать объ истинѣ христіанства?

Несомнѣнно здѣсь процессъ усвоенія религіозной истины людьми долженъ быть еще медленнѣе, еще разностороннѣе, и исторія христіанства уже прошла извѣстную долю этого процесса.

Приведемъ историческіе факты, подтверждающіе нашу мысль.

Сущность,—идея христіанства—есть идея Богочеловѣчества. Христіанская религія объединила небо и землю, Бога и человѣка. Но такая гармонія Божескаго и человѣческаго не могла сразу вмѣститься въ ограниченное сознаніе человѣка. Въ то время, какъ одни (монофизиты, монофелиты) стараются выдвинуть въ христіанствѣ на первый планъ Божественный элементъ, другіе (аріане, несторіане, македоніане и др.) стараются рѣзко оттѣнить ту сторону христіанства, которою оно обращено къ землѣ и человѣку. И только такая противоположность христіанскихъ воззрѣній дала возможность прочно и ясно утвердить *православную* Христову истину, какъ *средину* между указанными двумя противоположностями, заключающуюся *въ идеѣ богочеловѣчества* въ широкомъ смыслѣ слова.

Однако и самая идея богочеловѣчества, стоя въ тѣсной связи съ идеей троичности Божественныхъ Лицъ, съ идеей Спасителя—Богочеловѣка, дарующаго спасеніе въ силу голгофской жертвы—

могла быть неправильно понята: Милующій Спаситель могъ затемнить въ сознаніи людскомъ—Единаго, Высшаго, Справедливаго, Премірнаго Бога; надежда на милосердіе Христа могла усыпить человѣческую совѣсть, призванную всячески бороться съ грѣхомъ,—разслабить человѣческую волю—должную брать на себя трудный подвигъ осуществленія святой безгрѣшной воли Отца Небеснаго.

И вотъ, когда, въ виду союза церкви съ государствомъ, абсолютная строгость христіанскихъ требованій—стала замѣняться внѣшнимъ бездушнымъ исполненіемъ обрядовъ и церковно-гражданскихъ церемоній, когда съ надеждой на милосердіе Христа соединялся сильный упадокъ нравовъ, а грубое почитаніе святыхъ и иконъ удаляло отъ людей Единаго Вѣчнаго Духа—появляется *магометанство* съ его характернымъ ученіемъ о Единомъ Премірномъ Духѣ—Богѣ, требующемъ отъ человѣка безусловнаго повиновенія Своей волѣ (фатализмъ).

Такимъ образомъ, будучи крайне прискорбнымъ событіемъ для христіанства, магометанство было отчасти и полезно: оно, какъ громъ, поразило христіанъ, заставивъ ихъ призадуматься надъ собою: съ поразительною быстротою отнявъ у христіанъ ихъ святыни и утвердившись рядомъ съ ними на громадномъ пространствѣ, оно поставило предъ христіанствомъ вопросъ объ упроченіи имъ своего нравственнаго вліянія на жизнь, о своемъ жизненномъ значеніи. На очереди стоялъ вопросъ о примѣненіи христіанскихъ началъ къ жизни.

Но какъ разъ тутъ же случилось другое церковно-историческое событіе—раздѣленіе церквей. Будучи само по себѣ событіемъ также очень печальнымъ, оно имѣло и другую сторону въ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы христіанство во всей своей количественной цѣлости вступило на путь осуществленія въ жизни идеала Христова ученія, то при крайней трудности своей задачи (въ виду недосягаемости идеала), оно легко могло бы вступить на путь приспособленія къ немощи человѣческой и отъ этого въ концѣ концовъ потускнѣло бы въ своей абсолютной чистотѣ и идеальности. Теперь же,—послѣ раздѣленія церквей, не то: въ то время, какъ церковь католическая главнѣйшею своею цѣлью ставитъ практическое примѣненіе, жизненное осуществленіе христіанскихъ началъ и идетъ по пути всякихъ компромиссовъ съ немощною совѣстью людскою, церковь Православная главнымъ своимъ принципомъ ставитъ охраненіе Христова Ученія въ совершенной чистотѣ и неповрежденности—охраненіе, быть можетъ, иногда въ ущербъ его проявленію въ жизни.

Та же невмѣщаемость Христова ученія во всей цѣлостности своей въ сознаніи отдѣльныхъ людей видна и изъ дальнѣйшей исторіи церквей: католичество, отдѣлившись отъ православія, стремится провести въ жизнь начала ученія Христа не авторитетомъ самой

Божественной истины, а авторитетомъ внѣшней церковной власти и всякихъ внѣшнихъ средствъ. Понимая спасеніе во Христѣ въ крайне объективномъ смыслѣ,—въ смыслѣ спасенія, даруемаго Христомъ всѣмъ въ силу Голгоѳской жертвы, умилостивленія гнѣва Божія,—католичество весь нравственный принципъ христіанства свело къ *слѣпому подчиненію* людей церкви, какъ сокровищницѣ спасенія и іерархіи,—какъ раздаятельницѣ спасительной благодати: въ самомъ дѣлѣ, если спасеніе совершено на Голгоѳѣ для всѣхъ и всѣмъ даруется какъ милость, то отъ христіанина не требуется для достиженія спасенія внутренняго возрожденія, являемаго въ подвигѣ добродѣланія, а нужна лишь заслуга милости спасающаго Христа, каковая заслуга достигается слѣпымъ повиновеніемъ церкви и, главнымъ образомъ, ея внѣшнимъ обрядамъ и установленіямъ церковной дисциплины. И вотъ, когда живой христіанскій принципъ любви—обращенъ былъ католичествомъ въ слѣпую, бездушную покорность,—когда живость религіознаго чувства замѣнилась внѣшнимъ выполненіемъ обрядовъ и церемоній, когда злоупотребленія въ католичествѣ дошли до такой крайности, что благодать спасенія стала раздаваться іерархіей уже даже не подъ условіемъ повиновенія ей, а просто подъ условіемъ приличной суммы денегъ (продажа индульгенцій), на церковно-исторической сценѣ появляется *протестантство*, призванное волею судебъ рѣзко *оттѣнить слабыя стороны католичества*: если католичество признало насильственное проведеніе Христовой истины въ жизнь, то протестантство, наоборотъ, признало своимъ принципомъ полнѣйшую *свободу* въ дѣлѣ усвоенія христіанскихъ началъ жизнію. Если католичество ставило дѣло спасенія въ зависимость отъ повиновенія каждаго авторитету церкви, ея іерархіи и обрядово-каноническаго строя, то въ противоположность этому протестантство ставитъ условіемъ спасенія *свободную вѣру каждаго*, какъ субъективно—психическое переживаніе индивидуума—и отвергаетъ іерархію, церковь и всю обрядность.

Однако, вызванное крайностью католичества, протестантство и само вскорѣ обнаружило свои слабыя стороны, какъ крайность другого рода: если католичество въ своемъ стремленіи насильственно навязать истину Христову жизни совершенно сковало свободное развитіе человѣческой жизни, привело къ отрицанію разумной культуры и къ средневѣковому суевѣрію и темнотѣ, то протестантство подъ ферулой широкой Христовой свободы дало и широкій доступъ волнѣ противухристіанскихъ началъ жизни, что повело къ поверхностной ложной культурѣ, готовой отрѣчься и отъ самаго христіанства съ его альтруистическимъ принципомъ (*Ницшеанство*).

Такимъ образомъ, христіанство въ католичествѣ и протестантствѣ представило двѣ крайности, изъ коихъ каждая сама по себѣ не есть вполнѣ правильный путь христіанской жизни. Этимъ само

собою вызывается необходимость средней равнодѣйствующей, которая могла бы повести жизнь людскую ровнымъ, чуждымъ крайностей, христіанскимъ путемъ. Такая *равнодѣйствующая жизненная сила и есть православіе, какъ оно дано въ его идеѣ.*

Неудивительно, поэтому, если западное христіанство, запутавшееся въ двухъ крайностяхъ, ищетъ выхода изъ нихъ чрезъ стремленіе къ единенію съ православіемъ и перебрасываетъ къ такому единенію два моста—*старокатоличество и англиканское протестантство*—первое отъ католичества, второе отъ протестантства. Этимъ только и объясняется, почему вопросъ о единеніи церквей пріобрѣлъ наиболѣе живой интересъ у старокатоликовъ (современные старокатолическіе конгрессы) и у англичанъ (образованіе союза между англиканской и восточной церковью *); старокатоличество отвергло крайности папизма, а англиканское вѣроисповѣданіе не признало крайностей протестантства. А эти крайности и примиряетъ православіе, о чемъ говорилось выше. Православіе признаетъ, что Христосъ своимъ голгоѳскимъ подвигомъ далъ намъ возможность спасенія, и это спасеніе отнюдь не дается намъ за наши заслуги повиновенія церкви и іерархіи (какъ учитъ католичество), не дается оно и за нашу личную (холодную) вѣру во Христа—Спасителя (какъ признаетъ протестантство). Болѣе того, о спасеніи нельзя въ строгомъ смыслѣ сказать, что оно дается, оно *достигается нами самими свободно* (вопреки крайности католичества) *путемъ внутренняго возрожденія, являемаго въ личномъ подвигѣ добродѣланія* (а не въ одной холодной протестантской вѣрѣ или слѣпомъ повиновеніи обряду католичества) съ помощію благодати, живущей въ церкви.

Отсюда долгъ православія съ помощію благодати вводить христіанскія начала въ жизнь медленно и не внѣшними средствами (вопреки католичеству), а свободной *организаціей* (однако не протестантски—*произвольной*) жизни частной и общественной по духу ученія Христа.

Однако и православіе, сознавая упомянутый долгъ свой въ идеѣ и ясно представляя правильное его проведеніе въ жизнь, въ дѣйствительности часто было далеко отъ него (долга), въ дѣйствительности часто ставило почти исключительною своею задачею охраненіе православія въ чистотѣ и неповрежденности. Время показало *крайность охранительной тенденціи* православія. Въ самомъ дѣлѣ, кто же и считалъ себя столпами православія, какъ не наши предки: „Два Рима падоша, третій (Москва) стоитъ, а четвертому уже и не быть"—въ такихъ словахъ столпы русскаго благочестія выражали свое крайнее разумѣніе о себѣ, какъ о хра-

---

*) Авторъ имѣетъ удовольствіе состоять членомъ этого союза.

нителяхъ православія. Но при провѣркѣ исторіей, оказалось, что они охраняли не православіе въ его существѣ, а то, что для православія, какъ таковаго,—совершенно безразлично:—двоеперстіе, сугубую аллилуію, хожденіе посолонь и т. п.

И истинное православіе тогда поняло, что оно *въ своемъ излишнемъ консерватизмѣ стало на ложную дорогу*, и что ничто такъ не сохранитъ православіе, какъ постепенное проведеніе истинно христіанскихъ началъ въ жизнь.

Но и эта постепенность, на которую должно было стать православіе (для избѣжанія крайностей католичества и протестантства), могла быть въ свою очередь доведена до крайности: упомянутая постепенность и осторожность въ жизненномъ примѣненіи христіанскаго принципа, въ виду тѣснаго союза православной церкви съ государствомъ, могло постепенно довести до разслабленія жизненной энергіи церкви, до преклоненія ея предъ существующимъ строемъ церковно-гражданской жизни, до одряхлѣнія и бюрократическаго формализма.

И когда это случилось на самомъ дѣлѣ, когда усыпленіе жизни церкви подъ опекою государства дошло до крайности, выступаетъ на жизненную арену крайнее явленіе *Толстовства* съ его болѣзненнымъ отрицаніемъ всякой церковно-гражданской организаціи во имя идеала ученія Христа, толкуемаго въ крайнемъ смыслѣ.

Мало того, въ самомъ православіи зарождается теченіе—*обновленчество*, ставящее своею задачею освобожденіе церкви отъ излишней опеки государства для болѣе свободнаго проведенія христіанскихъ началъ въ жизнь,—для приближенія христіанскаго идеала къ землѣ—идеала, отчужденнаго отъ нея крайнимъ аскетическимъ пониманіемъ его, каковое пониманіе опять таки образовалось, благодаря фактической невозможности (при опекѣ государства) свободно осуществлять христіанскіе принципы въ жизни.

Такимъ образомъ послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій становится очевиднымъ то, что мы высказали въ началѣ, а именно: „хотя религіозная истина, открытая частично въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ совершенствѣ провозглашена Христомъ, однако воплощеніе этой истины въ сознаніи людей и въ жизни шло и идетъ медленнымъ путемъ. Мы отмѣтили лишь главнѣйшіе этапные пункты этого пути. Но если обстоятельно вникнуть въ сущность ученія даже самыхъ незначительныхъ религіозныхъ общинъ, то мы по необходимости должны будемъ отмѣтить оттѣнки того же міроваго процесса усвоенія религіозной истины людьми съ разныхъ сторонъ и различными путями.

При такой точкѣ зрѣнія не можетъ и не должно быть фанатической розни между людьми по вопросамъ религіознымъ. Не

можетъ и не должно быть и стремленія у отдѣльныхъ религіозныхъ вѣроисповѣданій къ насильственному механическому объединенію собою всѣхъ людей, а должна быть взаимная *солидарность*, *органическое единство*, подобно единству различныхъ органовъ цѣлаго тѣла, при каковомъ единствѣ многоразличіе отдѣльныхъ частей различнымъ образомъ служитъ одной цѣли—жизни цѣлаго тѣла.

Только при такомъ органическомъ единствѣ въ настоящемъ станетъ возможнымъ истинное, полное религіозное единеніе и въ будущемъ. Это единеніе несомнѣнно состоится на почвѣ *православія*, не *нынѣшняго узко-обрядоваго*, аскетическаго православія, а православія *идеальнаго*, которое, не переставая быть собою, приметъ и сольетъ въ органическомъ единствѣ все то лучшее, что имѣетъ оно сейчасъ въ идеѣ и что лучшаго дадутъ другія вѣроисповѣданія и религіозныя общины. Это будетъ православіе жизни, истинная ѳеократія, объединившая въ себѣ небо и землю, Бога и человѣка, духъ и матерію, вѣру и разумъ, жизнь прошлую, настоящую и будущую, религіозную культуру съ культурною религіею, свободу и авторитетъ, равенство и множественность, любовь и правду, смиреніе и энергію. Но это будетъ не скоро. Это будетъ тогда, когда человѣчество, пройдя горнило испытанія изслѣдованія истины и проведенія ея въ жизнь—проведенія медленнаго и постепеннаго—дойдетъ до *„новаго неба и новой земли“* (2 Петр. III, 13 ст.), когда будетъ *„Богъ всяческая во всѣхъ“*.

И тутъ нельзя недоумѣвать по поводу будто-бы исторической несправедливости, почему у однихъ людей и общества свѣтъ религіозной истины горитъ яркимъ, ровнымъ пламенемъ, у другихъ горитъ слабо, у третьихъ едва мерцаетъ, у четвертыхъ мигаетъ слабо свѣтящейся точкой. Мы должны подобно св. Апостолу Павлу преклониться въ безмолвіи предъ величіемъ мірового процесса уразумѣнія религіозной истины и вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть: О, бездна богатства премудрости и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы его и неизслѣдимы пути Его... Все изъ Него, Имъ и къ Нему (Римл. XI гл. 33, 36 ст.).

Идеалистъ.

Два поля.

Индійская сказка Г. Сенкевича.

Существовали нѣкогда два обширныхъ поля, раздѣленныя другъ отъ друга прозрачной, какъ кристаллъ, рѣкою. У одного поля берега рѣки были отлоги и спокойная, прозрачная вода глубоко вдавалась въ это поле, образуя тамъ тихіе, мягкіе заливы.

Прозрачныя, голубыя волны давали возможность видѣть золотистое дно залива, гдѣ росъ лотосъ, а зеркальная поверхность воды была покрыта розовыми и голубыми цвѣтами. Между цвѣтами порхали бабочки радужныхъ цвѣтовъ; на пальмахъ, растущихъ на берегу, высоко въ напоенномъ солнечными лучами воздухѣ, пѣли птички, какъ серебренные колокольчики. Здѣсь былъ переходъ съ одного поля на другое. И называлось одно поле „поле жизни", а другое поле „поле смерти". Оба поля создалъ великій всемогущій Брама и передалъ онъ поле жизни доброму Вишну, а поле смерти мудрому Шива. Онъ сказалъ обоимъ: поступайте такъ, какъ находите лучше!

На полѣ Вишну расцвѣла жизнь. Солнце начало совершать свой путь, смѣнялись дни и ночи, море показывало приливъ и отливъ, на небѣ собрались плодотворныя тучки; растенія, животныя и люди населили землю, и чтобы они никогда не умирали, доброе божество создало любовь.

Брама призвалъ къ себѣ Вишну и сказалъ ему: „Какъ ты большаго на землѣ создать не можешь, то теперь успокойся и предоставь тому существу, которое ты назвалъ человѣкомъ, самому устраиваться, пусть люди сами прядутъ безъ твоей помощи нить жизни."

Вишну повиновался повелѣнію Брамы и съ этого времени стали люди сами о себѣ заботиться. Изъ веселыхъ ихъ мыслей возникла радость, изъ печальныхъ—горе, и съ удивленіемъ увидѣли люди, что жизнь не представляетъ постоянной радости, а пряжу, которую имъ далъ Брама, ткутъ двѣ парки, изъ которыхъ лицо одной освѣщено улыбкой, а лицо другой орошено слезами. Люди пришли къ трону Вишну и стали жаловаться:

— О, Господинъ! Тяжело влачить жизнь, исполненную скорбей!

Онъ же отвѣтилъ имъ:—ищите утѣшеніе въ любви. И утѣшенные пошли люди отъ Вишну и нашли счастье въ любви.

Но любовь—могущественная созидательница новой жизни. И хотя поле Вишну было весьма обширно, все же увеличивающаяся несмѣтная масса людей скоро не могла найти достаточнаго пропитанія въ лѣсныхъ ягодахъ, въ медѣ дикихъ пчелъ и фруктахъ деревьевъ. Мудрѣйшіе изъ людей принялись вырубать лѣса, обрабатывать поля, сѣять пшеницу и собирать жатву.

Такъ возникла работа на землѣ. Въ короткое время всѣ приняли въ ней участіе, и работа составила не только основаніе жизни, но и большую часть ея. Работа же приноситъ усталость, и люди опять пришли къ трону Вишну.

— Господинъ!—воскликнули они, скрестивъ руки,—работа ослабляетъ наше тѣло, сгибаетъ наши члены. Мы хотѣли бы отдохнуть, но жизнь принуждаетъ насъ къ работѣ.

Вишну отвѣтилъ:

— Великій Брама не далъ мнѣ силу больше развить жизнь, но я могу дать вамъ то, что равносильно временному прекращенію жизни, т. е. покой.

И онъ создалъ сонъ.

Люди съ радостью благодарили за новый подарокъ и оцѣнили его, какъ драгоцѣнный даръ Божества. Сонъ заставляетъ забыть заботу и печаль. Черезъ него обновляются силы; онъ походитъ на добрую мать, осушаетъ слезы и окружаетъ голову спящаго кроткимъ ореоломъ забвенія. И люди цѣнили сонъ какъ свое лучшее утѣшеніе. Лишь одинъ недостатокъ находили они въ немъ, а именно, что онъ продолжается не вѣчно, и за нимъ слѣдуетъ пробужденіе, а съ пробужденіемъ возобновляются и забота и трудъ. Мысль эта такъ мучила людей, что они опять пришли къ трону Вишну.

— Господинъ, ты далъ намъ величайшее, но все еще недостаточное для насъ благодѣяніе. Сдѣлай такъ, чтобы нашъ сонъ продолжался вѣчно.

Вишну нахмурилъ свой блаженный лобъ, какъ бы въ неудовольствіи на настойчивость людей и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, этого я сдѣлать не могу! Но идите къ рѣкѣ. На другомъ берегу найдете вы то, что желаете.

Люди послѣдовали совѣту божества и толпами направились къ рѣкѣ, и тамъ увидѣли другой берегъ.

На той сторонѣ спокойной, ясной, цвѣтами покрытой рѣки простиралось царство Шивы—поле смерти.

Здѣсь не всходило солнце никогда. Здѣсь не было ни дней, ни ночей, и весь горизонтъ блестѣлъ однообразнымъ матовымъ сіяніемъ. Предметы не бросали тѣни, и свѣтъ проходилъ черезъ

нихъ. Земля не представляла здѣсь равнины. Куда ни проникалъ глазъ, смѣнялись холмы и долины, поросшія чудными деревьями, покрытыми вьющимися растеніями. Листья плюща блестѣли въ розовомъ цвѣтѣ, все было такъ феерично, чисто, непорочно, что люди, пришедшіе съ плачемъ на берегъ рѣки, поразились этимъ безконечнымъ матовымъ горизонтомъ и заговорили между собою:

— Какая тамъ царствуетъ тишина, какъ спокойно все! Вотъ гдѣ можно найти вѣчный сонъ и покой.

Тѣ, которые были особенно утомлены заботами и трудами, послѣ краткаго размышленія, сказали:

— Пойдемъ туда и тамъ поищемъ вѣчнаго покоя!

И они вступили въ рѣку. Сіяющая радужными оттѣнками вода сама освѣщала имъ путь. Оставшіеся на берегу были поражены глубокою скорбью, начали жалобно призывать ихъ назадъ, но никто изъ нихъ не вернулся. Они шли все впередъ, веселые и счастливые, ибо таинственная и чудесная страна все болѣе и болѣе ихъ привлекала къ себѣ.

Стоявшая на берегу поля жизни толпа увидѣла, что чѣмъ дальше они удаляются, тѣмъ свѣтлѣе, легче и лучезарнѣе становятся ихъ тѣла и, наконецъ, они слились въ матовомъ свѣтѣ поля смерти. Далѣе они увидѣли, что какъ скоро они пристали къ противоположному берегу, то предались покою, кто у подножія скалъ, кто подъ цвѣтниками и кустарниками. Ихъ глаза закрылись, а лицо выражало столь высокое блаженство, какое на полѣ жизни не могла вызвать самая возвышенная любовь.

Увидя все это, стоявшіе на берегу поля жизни, сказали другъ другу:

— Міръ Шивы лучше и прекраснѣе.

Все больше стало увеличиваться число тѣхъ, кто пожелалъ пристать къ тому берегу. Въ радостномъ торжественномъ шествіи шли старики, люди въ полномъ цвѣтѣ жизни, матери съ дѣтьми на рукахъ, цвѣтами увѣнчанные юноши и дѣвушки—и царство Вишну начало быстро пустѣть.

Вишну, который желалъ сохранить жизнь, ужаснулся послѣдствій своего въ неудовольствіи даннаго совѣта, и какъ онъ не зналъ, что ему дѣлать, то пошелъ къ трону всемогущаго Брамы.

— Мой Господинъ!—воскликнулъ онъ—спаси жизнь! Ты создалъ поле смерти столь прекраснымъ и блаженнымъ, что всѣ люди покидаютъ мое поле.

— Остался ли кто нибудь у тебя?—спросилъ Брама.

— Только одинъ юноша и дѣвушка, которые такъ любятъ другъ друга, что предпочитаютъ отказаться отъ вѣчнаго покоя, лишь бы не разлучаться.

— Что же ты желаешь?

— Сдѣлай такъ, чтобы поле смерти было менѣе прекрасно, ибо, когда любовь прекратится у моихъ двухъ оставшихся обитателей, — они тоже покинутъ меня, какъ и другіе.

— Нѣтъ, сказалъ Брама, — я не буду портить блаженство и красоту поля смерти. Я знаю другое средство для спасенія жизни. Отнынѣ явится у людей страхъ смерти, и свободно они не будутъ въ нее вступать.

Сказавъ это, онъ соткалъ изъ мрака густое, непроницаемое покрывало; затѣмъ онъ создалъ двухъ страшныхъ существъ: боль и страхъ, и приказалъ имъ протянуть покрывало на мѣстѣ перехода черезъ рѣку.

Снова расцвѣла жизнь въ царствѣ Вишну, и хотя поле смерти было столь же прекрасно, счастливо и радостно, но съ тѣхъ поръ люди испытываютъ неудержимый страхъ, вступая въ него.

Екклезіастъ *)

„Суета суетъ, и все суета“—говоритъ Екклезіастъ въ началѣ своей книги,—„Бойся *Бога* и заповѣди *Его* исполняй, ибо въ этомъ все для человѣка“—говоритъ онъ въ концѣ этой же книги.

Какъ видите, книга начинается глубокимъ пессимизмомъ и кончается глубокой вѣрой. Книга эта заслуживаетъ серьезнаго изученія. И если то, что мы скажемъ о ней, само по себѣ окажется, можетъ быть, не интереснымъ, то для многихъ изъ васъ, какъ думаю я, интересъ этой бесѣды будетъ состоять въ томъ, чтобы ознакомить васъ хоть нѣсколько съ міровоззрѣніемъ духовно-библейскаго братства, о которомъ многіе изъ васъ имѣютъ самое смутное представленіе.

Мы, члены духовно-библейскаго братства, очень часто комментируемъ и разбираемъ разныя мѣста изъ Ветхаго и Новаго завѣта, высказываемъ свои мнѣнія объ отдѣльныхъ изреченіяхъ пророковъ и апостоловъ, только объ одной книгѣ изъ Священнаго Писанія мы еще никогда не высказывались, именно о книгѣ Екклезіаста.

Не касались мы этой книги по двумъ причинамъ: во-первыхъ, мы отдавали преимущество тѣмъ мѣстамъ Священнаго Писанія, гдѣ трактуется въ прямой и простой формѣ о вопросахъ, имѣющихъ нравственно-религіозный характеръ и какое нибудь практическое жизненное значеніе; и, во-вторыхъ, потому, что въ книгѣ этой затрагиваются вопросы глубоко-философскіе, и чтобы имѣть объ этой книгѣ правильное сужденіе,—чтобы съумѣть ко всему высказанному въ ней отнестись критически, нужно имѣть знакомство хоть съ древними философскими системами и теоріями съ одной стороны, и нужно также быть знакомымъ хоть сколько нибудь

*) Эта статья прислана намъ однимъ изъ членовъ уже не существующаго Библейскаго Братства въ Елисаветградѣ. Редакція съ удовольствіемъ помѣщаетъ эту статью, такъ какъ считаетъ истинно теософическимъ тотъ духъ терпимости, который привелъ автора даже къ принятію основныхъ заповѣдей Христа, что показываетъ его терпимость, широту взглядовъ и благородство мысли, не въ примѣръ многимъ. Голосъ истины говоритъ самъ за себя, независимо отъ авторитета, который и самъ сказалъ: «Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными».

съ законами строго логическаго мышленія, съ ихъ отвлеченными выводами, съ другой.

Но разъ мы рѣшили сегодня вести бесѣду о предметахъ, болѣе всего касающихся философіи и ея выводовъ, я считаю необходимымъ сказать, что (это конечно всѣмъ извѣстно), философія долгое время (да еще и теперь) имѣла противъ себя двухъ могущественныхъ враговъ. Первый врагъ—религія, ибо люди, стоящіе на стражѣ интересовъ господствующихъ религіозныхъ убѣжденій, всегда думали, что философія ведетъ къ невѣрію и отрицанію. Второй врагъ—естественныя науки, ибо нѣкоторые поклонники естественныхъ наукъ стали высокомѣрно называть философію вообще презрительной кличкой „метафизика", намекая на то, что умозрительныя науки занимаются безплодными и безполезными вопросами, что философія есть просто умственное толченіе воды въ ступѣ, что такого рода умствованія не имѣютъ практическаго значенія. Это просто трескучіе фейерверки, говорятъ они, способные привести въ восторгъ людей праздныхъ и непрактичныхъ. Мы, какъ люди, желающіе быть прежде всего глубоко религіозными и, какъ люди, сознающіе всю важность и полезность опытныхъ наукъ, обязаны выяснить, какую роль должны играть вышеприведенныя мнѣнія въ нашемъ духовномъ міросозерцаніи, и какъ должны мы относиться къ философіи. Къ вышеприведеннымъ мнѣніямъ мы должны относиться отрицательно, а къ философіи съ глубокимъ уваженіемъ, благодарностью и признательностью, спѣшу я отвѣтить. Вѣдь люди религіозные и нравственные больше всего имѣли бы право презирать науки прикладныя, ибо онѣ вмѣсто пользы большею частью приносятъ вредъ, онѣ изобрѣли намъ динамитъ и торпеды съ ихъ гибельными послѣдствіями, онѣ способствуютъ человѣкоистребленію и насилію, онѣ служатъ грубымъ меркантильнымъ цѣлямъ и эксплоатированію ближняго, онѣ служатъ орудіемъ угнетенія и обмана, между тѣмъ мы, напротивъ, глубоко эти науки уважаемъ, ибо сознаемъ и понимаемъ, что въ данномъ случаѣ не науки виноваты, а виновно ихъ неправильное примѣненіе. Кто же осмѣлится обвинить философію, если люди неправильно примѣняютъ иногда ея методы въ областяхъ, ничего общаго съ раціональнымъ умозрѣніемъ не имѣющихъ, какъ схоластика и метафизика въ буквальномъ смыслѣ этого слова? Или кто виноватъ, если выводы философіи недоступны просто нашему пониманію, потому, во-первыхъ, что не каждый человѣкъ способенъ къ спекулятивному образу мышленія, и во-вторыхъ, потому что выводы философіи вообще стоятъ выше современнаго ей умственнаго уровня, они представляются въ настоящей ихъ силѣ и правильности только впослѣдствіи, въ началѣ же они большей частью истолковываются ложно и извращаются.

Конечно, я, какъ не ученый и какъ человѣкъ не компетент-

ный, не могу не понимать, что мое свидѣтельство въ данномъ случаѣ не цѣнно и не важно, но я бы желалъ, чтобы какой нибудь ученый специалистъ или просвѣщенный теологъ указалъ бы мнѣ хоть на одного великаго мыслителя, основателя какой нибудь философской школы, который отрицалъ бы существованіе Бога? Да что я говорю „отрицалъ!" Пусть мнѣ укажутъ на одного великаго философа, главныя условія и заботы котораго не состояли бы преимущественно въ томъ, чтобы доказать разумность и непреложность нашей вѣры въ существованіе *Бога* и существованіе души?

Древніе языческіе философы, трудясь надъ вопросомъ „что есть начало всему", пришли къ выводамъ монотеизма и увѣровали въ Единаго и Всемогущаго Бога. Александрійская школа новоплатониковъ и гностики не отрицали только что появившееся тогда христіанское ученіе своимъ философскимъ міровоззрѣніемъ. Я не хочу этимъ сказать, что они были правы, что воззрѣнія ихъ и сужденія были основательны и вѣрны,—я хочу только выразить ту мысль, что философы того времени вовсе не отрицали существованіе Бога. Изучая внимательно Евангелиста Іоанна, невольно убѣждаешься, что ему не было чуждо философское міровоззрѣніе того времени. Разсужденіе же Его о Словѣ, которое было у Бога и которое было Богъ, и что все чрезъ Него стало быть, и Слово стало плотью и обитало съ нами и проч.—разсужденія эти вполнѣ тождественны съ нѣкоторыми положеніями Александрійскаго Филона, который, между прочимъ, представлялъ себѣ Бога въ трехъ ипостасяхъ: Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ-Слово, воплощеніе Слова—міръ. Его философское міросозерцаніе не помѣшало ему быть признаннымъ апостоломъ всего человѣчества, и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовало высказать такія божественно возвышенныя и мудрыя истины, какія не пришли бы на умъ никому другому изъ Евангелистовъ. Послѣдователи Аристотеля во всѣ средневѣковыя времена, затѣмъ, насколько мнѣ извѣстно, Джіордано Бруно, Декартъ, Спиноза, Кантъ—всѣ прилагали силы своего логическаго мышленія, чтобы доказать существованіе Бога, стараясь только доказать субъективность и относительность человѣческихъ представленій о такихъ возвышенныхъ предметахъ. Даже Гербертъ Спенсеръ, одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего времени и послѣдователь позитивной школы, даже онъ не отрицаетъ существованіе Бога,—онъ даже говоритъ и доказываетъ, что понятіе о первичной причинѣ, понятіе о Богѣ съ общимъ человѣческимъ развитіемъ будетъ также все развиваться, пока оно превзойдетъ всякія формы, доступныя мысли, и потеряетъ всякіе антропоморфическіе признаки.

Еще первые греческіе философы, изучая религіозныя формы теизма, пришли къ такому вѣрному и ясному выводу, что люди

создаютъ себѣ Бога по своему собственному образцу: эѳіопы рисуютъ свое божество чернымъ, курносымъ, съ толстыми губами; другіе народы представляютъ себѣ боговъ своихъ русыми съ голубыми глазами. Но чѣмъ человѣкъ развитѣе, чѣмъ человѣкъ способнѣе созерцать, заниматься спекулятивнымъ мышленіемъ, тѣмъ его понятіе о Богѣ становится возвышеннѣе, менѣе субъективнымъ, менѣе антропоморфическимъ. Въ наше время самый набожный человѣкъ готовъ признать Сократа глубоко вѣрующимъ, между тѣмъ его казнили за безбожіе. Джіордано Бруно преклонялся передъ Богомъ, старался представить его въ самомъ величественномъ видѣ, приписалъ ему самые возвышенные творческіе аттрибуты, и онъ былъ сожженъ на кострѣ за отрицаніе. Спиноза съ неотразимой гигантской силой и рѣдкою геніальностью и математической точностью доказалъ истинность и непреложность существованія Бога, а считался до послѣдняго времени безбожникомъ и богохульникомъ. Почему же это такъ? Если идеи Сократа, его представленіе о Богѣ могутъ намъ теперь показаться грубыми, его опредѣленія антропоморфическими, его сужденія—примитивными, то не слѣдуетъ забывать, что насъ отдѣляютъ тысячелѣтія,—что именно благодаря Сократу и его ученикамъ, Платону и Аристотелю, мысль человѣческая все это время постоянно работала въ областяхъ высшаго умозрѣнія, занимаясь разрѣшеніемъ вопросовъ, вѣчно интересныхъ и вѣчно важныхъ. Я вовсе не хочу этимъ сказать, что не будь Платона съ его многочисленной школой, не будь Аристотеля съ его аристотельянцами, человѣческая мысль не прогрессировала бы и не развивалась. Очень можетъ быть, что если бы не было Платона и Аристотеля, то появились бы другія геніальныя личности, которыя также съумѣли бы намъ высказать все то, что до ихъ дней назрѣло въ обществѣ, они обобщили бы всѣ данныя современныхъ міросозерцаній и служили бы путеводителями дальнѣйшимъ послѣдователямъ, тогда, конечно, мы уважали бы имена тѣхъ людей, какъ уважаемъ теперь имена Платона и Аристотеля.

И если мы теперь стоимъ на такой умственной высотѣ, что вопросы Сократа кажутся намъ иногда дѣтскими, а отвѣты его наивными, то мы должны твердо памятовать, что настоящимъ своимъ умственнымъ уровнемъ мы обязаны исключительно труженикамъ мысли, труженикамъ науки умозрительной—матери всѣхъ наукъ и всѣхъ знаній. Но въ свое время Сократъ не могъ быть понимаемъ, онъ опередилъ своихъ современниковъ на цѣлыя столѣтія. Его не понимали, но всѣмъ было тогда ясно, что онъ отрицаетъ существующія формы вѣрованій. Конечно, Аѳиняне воспользовались своимъ юридическимъ правомъ, чтобы строго и жестоко наказать того, кто попираетъ открыто вѣрованія и убѣжденія большинства,—вѣрованія, установившіяся вѣками. По тѣмъ же при

чинамъ и той же участи былъ подвергнутъ Джіордано-Бруно; по тѣмъ же причинамъ былъ такъ преслѣдуемъ и Спиноза, котораго всякая церковь можетъ теперь безъ ущерба для религіозныхъ своихъ догматовъ причислить къ лику святыхъ.

Итакъ, чѣмъ мы обязаны философіи? Благодаря ей развиваются идеи раціонализма во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія, тѣмъ наче въ области религіозныхъ вѣрованій, она освѣщаетъ темныя уголки нашего міросозерцанія и вытѣсняетъ оттуда все темное и невѣжественное, она уничтожаетъ суевѣріе и заблужденіе, научая насъ все провѣрять разумомъ и все основывать на логическихъ выводахъ, она научаетъ насъ относиться ко всему критически и все анализировать. Благодаря ей мы видимъ, что главный символъ всякой вѣры, символъ вѣры въ Господа, формулируется такъ, что понятія о Господѣ, отрѣшено почти отъ всякихъ антропоморфическихъ формъ и атрибутовъ (символы у христіанъ, евреевъ и проч.).

Кто же и какимъ образомъ помимо спекулятивнаго образа мышленія и помимо философіи могли выработать понятія безконечнаго, безначальнаго, вѣчнаго, всеобъемлющаго, вездѣсущаго, Все въ немъ и Онъ во всемъ и проч.

Не умозрительныя науки, а прикладныя вели къ отрицанію. И къ вопросамъ религіи и къ вопросамъ философіи первые натуралисты относились свысока, ибо и тѣ и другіе лишены реальности, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а ихъ науки были основаны на экспериментахъ и математическихъ выкладкахъ. Первые натуралисты были еще ослѣплены громаднымъ и быстрымъ успѣхомъ своихъ наукъ; каковой успѣхъ эксплоатировался и находилъ себѣ практическое примѣненіе, выводы же умозрительныхъ наукъ никакихъ видимыхъ выгодъ не представляли. Очень можетъ быть, что они въ первомъ увлеченіи своемъ дошли до того, что воображали постичь законы творчества и созиданія, ибо подвергая многое химическому анализу, зная сродство элементовъ, соединяя и реагируя, неужели трудно и самому что нибудь создать? И во всякомъ случаѣ, неужели не ясно уже и непонятно какъ все было создано? Теперь, пылъ перваго увлеченія прошелъ, много людей поняло, что, во-первыхъ, опытныя науки главнымъ образомъ обязаны наукамъ умозрительнымъ; философія научила ихъ научно разсматривать феномены міра, философія научила ихъ вырабатывать системы, методъ. Философія дала имъ понятія объ атомахъ, видахъ, родахъ и пр. Философія никогда не игнорировала вопросовъ космогоніи; философія занималась и психологіей, и ботаникой, и зоологіей, и математикой, она сосредоточивала въ себѣ все, и только въ послѣднее время все это разбилось на отдѣльныя области знанія. Многіе сознали также и то, что первый успѣхъ опытныхъ наукъ объясняется

тѣмъ, что въ человѣчествѣ накопился громадный матеріалъ опытовъ, котораго люди не умѣли утилизировать до послѣдняго времени, это во первыхъ; во вторыхъ, объясняется еще тѣмъ, что науки эти сразу пріобрѣли массу работниковъ, такъ какъ выводы, даваемые науками индуктивными, болѣе доступны и болѣе заманчивы. Мы знаемъ, что если бы собрались всѣ ученые физики, химики, біологи, физіологи, техники и механики всего міра, они не могли бы намъ создать одной ничтожной мухи. Они могутъ понимать отдѣльныя силы, могутъ разлагать на отдѣльные элементы, могутъ объяснять жизненные законы, но они не могутъ создавать, они не могутъ вдохнуть душу живую въ мертвую матерію. Они останавливаются въ недоумѣніи передъ источникомъ всѣхъ силъ, передъ причиною всѣхъ причинъ. Мы уже знаемъ, что эти ученые суть только ремесленники науки, каждая область этихъ наукъ есть двигатель, который двигаетъ человѣческія знанія впередъ, но философія есть центръ, гдѣ все это сосредоточивается, обобщается и классифицируется, философія указываетъ цѣль и истинную полезность и раціональность всего этого, она объясняетъ какая идея лежитъ и должна лежать въ основѣ проявленія нашихъ реальныхъ знаній. Всѣ понимаютъ теперь прекрасно, что исторія, которая просто перечисляетъ намъ извѣстныя событія, войны, походы и проч.,—что такого рода перечень фактовъ не нуженъ и безполезенъ, всѣ хотятъ знать философію исторіи, т. е. внутренній смыслъ этихъ событій, ихъ общественное значеніе и характеръ, а эта философія, освѣщая историческій ходъ событій, придаетъ исторіи глубокій общественный интересъ и порождаетъ собою соціологію, политическую экономію, статистику и пр. Всѣ открытія и знанія въ области всякой опытной науки также новые факты, всѣ эти факты нужно сгруппировать, нужно ихъ освѣтить, нужно понять ихъ смыслъ и значеніе для человѣчества, все это должно прямо вліять на людей, на ихъ жизнь и отношенія.

Теперь объяснимъ, для чего мы все это высказали.

Мы понимаемъ, что религія именно занимается только вопросами, касающимися человѣческой жизни и человѣческихъ отношеній, религія говоритъ намъ, что Господь всемогущъ и всеблагъ, что Онъ есть источникъ блага, разума, добра и любви, что люди одарены высшими душевными качествами, именно для того, чтобы устроить свою жизнь на этихъ божественныхъ началахъ, на началахъ любви, разума и добра. Опытныя науки суть работники, которые создаютъ матеріалъ, средства и способы, посредствомъ которыхъ эти начала могутъ восторжествовать,—умозрительныя науки—суть высшіе дѣятели, обязанности которыхъ—освѣщать людямъ ихъ путь, доказывать истинность и непреложность религіозно-нравственныхъ принциповъ, относительную разумность и несомнѣн-

ность абстрактныхъ представленій человѣчества о томъ трансцендентномъ и абсолютномъ, о чемъ вѣрнаго и точнаго представленія человѣкъ по ограниченности своего ума и относительности своихъ знаній имѣть не можетъ. Когда всѣ проникнутся такими убѣжденіями, тогда всѣ пререканія и разногласія прекратятся, и всѣ люди міра поймутъ, что философскій смыслъ ихъ дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы въ мірѣ и въ людяхъ водворился Богъ, источникъ блага и счастія для человѣчества; никакая наука, никакія знанія не будутъ уже тогда служить орудіемъ зла и насилія, и всѣ придутъ къ такому заключенію, къ какому нѣкогда пришелъ Екклезіастъ, который, ознакомившись со всѣми философскими теоріями своего времени, пожившій много и испытавшій все, воскликнулъ въ концѣ концовъ: „Конецъ всего: бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, ибо въ этомъ все для человѣка!"

Теперь перейдемъ къ Екклезіасту.

Книга Екклезіаста приписывается мудрому Соломону, сыну Давидову, царю Іерусалимскому. Это послѣднее обстоятельство можетъ привести каждаго серьезнаго экзегетика въ большое недоумѣніе. Вопервыхъ, подлинно ли эта книга принадлежитъ Соломону? Царь Соломонъ, какъ извѣстно, жилъ за 800 лѣтъ до Рождества Христова, между тѣмъ въ Екклезіастѣ мы встрѣчаемся почти со всѣми теоріями греческой философіи. Ѳалесъ, котораго историки называютъ отцемъ греческой философіи, жилъ всего за 600 лѣтъ до Рождества Христова. Этотъ самый Ѳалесъ успѣлъ еще додуматься до того, что начало всему сущему есть одна стихія—вода; позже его Анаксименъ училъ, что начало всему—воздухъ; еще позже—Гераклитъ училъ, что начало всему—огонь, и только Эмпедоклъ, за 400 лѣтъ до Рождества Христова, училъ, что все міровое бытіе зиждется на всѣхъ четырехъ стихіяхъ, которыя суть начало и причина всего существующаго. Соломонъ же въ своей книгѣ трактуетъ уже о четырехъ стихіяхъ, ихъ вѣчности и коловращеніи. Является вопросъ, какимъ образомъ могъ Соломонъ, жившій почти на пять столѣтій раньше Эмпедокла, какимъ образомъ могъ онъ разсуждать о четырехъ стихіяхъ и ихъ значеніи? Во-вторыхъ, извѣстно, что то мнѣніе, что нельзя человѣку положиться на чувства свои, что логическія заключенія, выведенныя изъ ощущеній могутъ быть ложны; словомъ, вопросъ о нуменахъ и феноменахъ, вопросъ о томъ, какъ вещи кажутся намъ per allud и каковы они на самомъ дѣлѣ per se, вопросы эти были подняты еще позже школою скептиковъ. Какимъ же образомъ у Соломона упоминается, какъ мы ниже увидимъ, и объ этомъ? По теоріи Аристиппа удовольствіе есть единственное положительное добро, удовольствіе—единственное мѣрило добра, оно составляетъ единственную цѣль жизни, это же самое неоднократно высказывается и у Екклезіаста. Вообще изъ содержанія этой книги

можно заключить, что автору ея были извѣстны теоріи эпикурейцевъ, циниковъ и даже стоиковъ, которые появились не задолго до Рождества Христова. Наконецъ, можно еще указать и на то, что форма, изложеніе и стиль книги Екклезіаста, повидимому, ничего тождественнаго не имѣетъ съ книгой того же автора— притчи Соломона. Въ противовѣсъ всему этому можно привести слѣдующія соображенія: во первыхъ, увѣренія грековъ и многихъ историковъ, что греческіе философы черпали свою мудрость въ Индіи, Персіи и, главнымъ образомъ, въ Египтѣ, куда отправлялись всѣ мудрецы, чтобы поучиться у просвѣщеннѣйшихъ людей того времени, у египетскихъ мудрецовъ; затѣмъ, несомнѣнность того факта, что еще въ древнѣйшихъ космогоніяхъ индійцевъ было высказано много изъ того, о чемъ греческіе философы потомъ спорили и разсуждали—все это и другіе историческіе памятники даютъ намъ поводъ думать, что на востокѣ еще въ глубокой древности существовали разныя философскія міровоззрѣнія и теоріи, что люди пытливаго ума интересовались на востокѣ вопросами о началахъ, феноменахъ, стихіяхъ и проч. еще тогда, когда греки пребывали въ глубокомъ невѣжествѣ. Соломонъ, конспектируя философскіе взгляды и теоріи своего времени, предвосхитилъ во многомъ греческихъ философовъ. Что Соломонъ былъ глубокій мыслитель, доказывается его притчами и его жизнеописаніемъ, что онъ былъ знакомъ съ египетскими міровоззрѣніями и ученіями восточныхъ мудрецовъ, что онъ интересовался сущностью бытія и всѣмъ его окружающимъ, что не все написанное и высказанное имъ дошло до насъ, все это видно изъ того мѣста книги царствъ, гдѣ разсказывается, что, и „была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сыновъ востока и всей мудрости Египтянъ. Онъ былъ мудрѣе всѣхъ людей, и имя его было въ славѣ у всѣхъ окрестныхъ народовъ. И изрекъ онъ три тысячи притчей, и пѣсней его было тысяча и пять. И говорилъ онъ о деревахъ, отъ кедра, что въ Ливанѣ, до иссопа, выростающаго изъ стѣны; говорилъ и о животныхъ, и о птицахъ, и о пресмыкающихся, и о рыбахъ". Очень можетъ быть, что у евреевъ были еще какія нибудь книги философскаго содержанія, и онѣ затерялись, какъ затерялись тѣ книги, о которыхъ часто упоминается въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ. Что среди еврейскаго народа во всѣ эпохи его историческаго существованія были глубокіе мыслители и философы, и что имъ, слѣдовательно, были знакомы взгляды и ученія другихъ восточныхъ народовъ доказывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что по нѣкоторымъ историческимъ указаніямъ можно предположить, что въ позднѣйшее время Аристотель былъ ученикомъ Симеона праведника, первосвященника Іерусалимскаго. Значитъ, были въ Іудеѣ глубокіе мыслители, да только ихъ ученія не дошли до насъ и не

сохранились. Наконецъ, въ пользу подлинности книги Екклезіаста можно еще привести слѣдующія соображенія: 1) Всѣмъ извѣстно, съ какой строгой осмотрительностью относились еврейскіе талмудисты и весь раввинатъ ко всему тому, что предлагалось евреямъ въ видѣ частей священнаго писанія. У евреевъ сосчитано, сколько главъ, стиховъ и отдѣльныхъ словъ заключаются въ каждой отдѣльной книгѣ, у нихъ обозначается большими буквами середина каждой книги, все это оберегается и съ точностью передается во избѣжаніе всякихъ измѣненій, сокращеній и прибавленій. И вотъ, двѣ книги Ездры, книга Товита, книги Іудиөи, книги премудрости Іисуса, сына Сирахова, книги пророка Варуха, три книги Маккавейскія и даже книга премудрости Соломона,—всѣ эти десять книгъ признаны раввинатомъ апокрифическими, а книга Екклезіаста канонизирована и свято почитается. Это доказываетъ, что книга эта во всякомъ случаѣ очень древняя и еще задолго до Рождества Христова была извѣстна и почиталась. Книга тоже очень древняя — о ней отзываются почтительно еще первые талмудисты, но она считается апокрифической. Слѣдовательно, евреи признавали только то, что было уже давно извѣстно и передавалось изъ рода въ родъ. Во-вторыхъ, хотя книга Екклезіаста не вполнѣ тождественна книгѣ притчъ, но во всякой главѣ вы найдете два три афоризма и есть цѣлыя главы, которыя и по своему остроумію, и по формѣ изложенія и по оборотамъ рѣчи вполнѣ напоминаютъ собой притчи. Конечно, трактуя о разныхъ философскихъ вопросахъ, онъ не могъ сохранить лаконическую форму и дидактическій тонъ, каковые господствуютъ въ книгѣ притчъ. Пѣсня пѣсней Соломона, эта страстная, эротическая и въ высшей степени художественная поэма, также вѣдь приписывается Соломону, между тѣмъ она ни по языку, ни по формѣ, ни по содержанію своему не тождественна ни съ одной изъ вышеупомянутыхъ книгъ.

Все это я сказалъ не потому, что желаю васъ непремѣнно убѣдить въ томъ, что книга Екклезіаста принадлежитъ перу Соломона мудраго, а не кому нибудь другому. Я хотѣлъ только изложить предъ вами все то, что есть, по моему мнѣнію, за и противъ этого убѣжденія, предоставляя самому читателю думать такъ или иначе, ибо содержаніе этой книги нисколько не потеряетъ ни въ значеніи, ни въ интересѣ и нравственной цѣнности отъ того или другого мнѣнія.

А посему приступаю къ содержанію этой книги.

(*Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ*).

Л. Б—нъ.

Комментаріи на „Идиллію Бѣлаго Лотоса“ *) Т. Субба Рао.

Переводъ съ англійскаго М. Родонъ.

Интересная повѣсть, напечатанная подъ этимъ заглавіемъ, уже успѣла обратить на себя всеобщее вниманіе. Она во многихъ отношеніяхъ поучительна. Она вѣрно описываетъ сословіе жрецовъ въ Египтѣ и египетскую религію въ тотъ періодъ, когда она начинала уже терять свою первоначальную чистоту и стала постепенно вырождаться въ поклоненіе темнымъ силамъ природы, когда жрецы осквернили ее, прививъ къ ней черную магію, которой они, не колеблясь, пользовались для достиженія личныхъ и безнравственныхъ цѣлей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она, по всей вѣроятности, описываетъ дѣйствительное происшествіе, главное дѣйствующее лицо котораго, Сенса, является послѣднимъ великимъ жрецомъ Египта. Всякое дерево оставляетъ сѣмена, изъ которыхъ, даже въ томъ случаѣ, если оно само совершенно погибнетъ, могутъ впослѣдствіи развиться подобныя ему растенія. Повидимому, подобнаго рода явленіе повторяется и въ видахъ сохраненія жизненной силы каждой великой религіи: премудрость ея, во всей своей совокупности, передается одному или нѣсколькимъ великимъ адептамъ, обязаннымъ хранить ее неприкосновенной. Впослѣдствіи, когда новый поворотъ колеса эволюціи принесетъ съ собой требуемыя для этого условія, изъ этихъ сѣмянъ выраститъ новое дерево. Великой древней религіи Хеми (древній Египетъ) предстоитъ снова появиться на нашей планетѣ, но въ иномъ, болѣе благородномъ видѣ, и это—какъ только наступитъ предназначенное для того время. Поэтому ничего нѣтъ невѣроятнаго въ предположеніи, что герой нашей повѣсти, Сенса, въ настоящее время—одинъ изъ такихъ высшихъ адептовъ, ожидающій только приказаній, чтобы приступить къ исполненію воли Царицы Бѣлаго Лотоса. Но помимо этого разсказъ, о которомъ идетъ рѣчь, преподаетъ намъ великій,

*) Эта повѣсть будетъ печататься, начиная съ январскаго номера журнала. Она написана очень понятно, но имѣетъ глубокій смыслъ, и поэтому мы даемъ комментаріи на эту повѣсть раньше, чѣмъ она появилась въ русскомъ переводѣ, чтобы читатели могли пользоваться ими во время чтенія.

благородный урокъ. Въ иносказательной формѣ, онъ описываетъ намъ затрудненія и испытанія, которыя приходится переживать неофиту. Только непосвященному читателю не легко сорвать покрывало иносказаній и уразумѣть скрытый подъ ними смыслъ. Желая прійти на помощь этой категоріи читателей, я и приступаю къ изложенію объясненій значенія какъ дѣйствующихъ въ этомъ разсказѣ лицъ, такъ и событій, описанныхъ въ немъ.

1. Сенса, герой, олицетворяетъ человѣческую душу. Это—Куташтa Чайтаньямъ, или зародышъ Праньи, въ которомъ хранится индивидуальность человѣка. Онъ въ соотвѣтствіи съ высшимъ и пребывающимъ элементомъ въ 5-мъ началѣ человѣка. Это—«ego» или «я» личности, человѣка, облеченнаго въ тѣло.

2. Себуа, садовникъ,—интуиція. «Имъ не сдѣлать изъ меня призрака», объясняетъ Себуа; и этими словами этотъ честный, безъискусственный поселянинъ, не обинуясь, выдаетъ тайну, скрывающуюся за нимъ.

3. Агдмахдъ, Каменъ-Бака и остальные девять высшихъ жрецовъ храма, всѣ—преданные служители темной богини, которой они поклоняются,—только личины, подъ которыми скрываются: 1-ый жрецъ—Желаніе, 2-й—Ненависть, 3-й—Корыстолюбіе, 4-й—Невѣжество, 5-й—Заносчивость, 6-й—Ревность, 7-й,—8-й, 9-й, 10-й и 11-й—пять Чувствъ и соотвѣтствующія имъ наслажденія.

4. Въ разсказѣ фигурируютъ 4 представительницы женскаго пола, а именно: во—первыхъ, таинственная темная богиня, которой поклоняются жрецы; во вторыхъ, дѣвочка, съ которой играетъ Сенса; въ третьихъ, дѣвушка, съ которой онъ сходится въ городѣ, и наконецъ, въ четвертыхъ, Царица Бѣлаго Лотоса.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что 2-ое и 3-е изъ этихъ лицъ въ сущности—одно и то-же лицо. Описывая городскую красавицу, съ которой онъ, повидимому, встрѣчается въ первый разъ, Сенса говоритъ, что, пока онъ глядѣлъ въ ея милыя очи, ему казалось, будто онъ хорошо ее знаетъ, будто чары ея ему давно извѣстны. Это обстоятельство ясно указываетъ на то, что дѣвушка—никто иная, какъ та дѣвочка, которая гонялась съ нимъ по всему храму.

Пракрити (матерія), говорятъ индусскіе философы, обладаетъ тремя Гунами (свойствами), а именно: Сатва, Раджасъ и Тамасъ. Послѣднее изъ этихъ свойствъ имѣетъ отношеніе къ наиболѣе грубымъ, чисто-плотскимъ наслажденіямъ и страстямъ, связаннымъ съ физическимъ тѣломъ. Раджагуна является причиной неугомонной дѣятельности ума, тогда какъ Сатва тѣсно связана съ чисто-духовной стороной человѣка и проявляется въ его высшихъ и благороднѣйшихъ стремленіяхъ. Итакъ, въ этой повѣсти, Майя (иллюзія, матерія) выступаетъ въ трехъ различныхъ видахъ. Во-первыхъ, подъ видомъ Царицы Бѣлаго Лотоса, когда она—Видія,

духовное проникновеніе, извѣстное у Буддійскихъ писателей подъ именемъ Праньи и Кванъ-ины. Она преобразуетъ ауру или свѣтъ Логоса, который (свѣтъ Логоса) есть мудрость; она источникъ потока сознательной жизни или Чайтаніи. Во-вторыхъ, мы ее видимъ изображенной сначала дѣвочкой, а затѣмъ взрослой дѣвушкой; въ этомъ раздвоенномъ образѣ она—человѣческій умъ. Просыпающійся умъ Сенсы постепенно приводитъ его къ темной богинѣ, въ святая святыхъ, гдѣ поклоняются ей вышеописанные жрецы.

Самая темная богиня—Авидія. Она—олицетвореніе темной стороны человѣческой природы. Она получаетъ свою жизнь и энергію изъ страстей и желаній человѣческой души. На зарѣ міровой жизни, изъ Логоса, путемъ истеченія, исходятъ миріады лучей, несущихъ въ себѣ жизнь и мудрость: по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ процессъ дифференціаціи, они обособляются въ отдѣльные центры жизненной энергіи и пріобрѣтаютъ со временемъ рѣзко-выраженную индивидуальность. Такой центръ энергіи, т. е. человѣкъ, можетъ болѣе или менѣе, а иногда даже вполнѣ, превратиться въ такую богиню Кали; для этого нужно чтобы дурная Карма совершенно отстранила свѣтъ Логоса отъ него; или чтобы до него не доходилъ голосъ интуиціи, либо не оказывалъ на него никакого дѣйствія; или чтобы человѣкъ жилъ исключительно для удовлетворенія своихъ страстей и желаній.

Прошу не терять изъ виду этихъ указаній, и тогда смыслъ разсказа станетъ совершенно яснымъ. Не имѣя возможности дать полное толкованіе его, я остановлюсь только на важнѣйшихъ событіяхъ, чтобы разъяснить ихъ значеніе.

Итакъ, мы видимъ въ Сенсѣ человѣческое существо, прошедшее черезъ длинный рядъ послѣдовательныхъ перевоплощеній и успѣвшее въ теченіе ихъ достигнуть значительной степени духовнаго развитія. Когда онъ снова спускается въ нашъ міръ, способность къ духовному воспріятію настолько развита въ немъ, что даетъ ему возможность стать неофитомъ уже въ очень раннемъ возрастѣ. Вступая въ физическое тѣло, вмѣстилище пяти чувствъ и вышеперечисленныхъ шести эмоцій, онъ оказывается подъ ихъ контролемъ. Сначала человѣческая душа находится подъ руководительствомъ собственной интуиціи, простого и честного садовника при храмѣ, къ которому великіе жрецы, повидимому, ни уваженія, ни симпатіи не питаютъ; и пока она еще не утеряла своей первоначальной чистоты, въ ней появляются проблески высшаго духовнаго сознанія, т. е. Сенса мелькомъ видитъ Царицу Бѣлаго Лотоса. Узнавъ объ этомъ, жрецы рѣшаютъ на общемъ совѣтѣ, что надо лишить интуицію возможности дѣлать свое дѣло; съ этой цѣлью, они отбираютъ мальчика отъ садовника и знакомятъ его со своей собственной богиней, съ темной богиней человѣческихъ

страстей. Но при первомъ взглядѣ на него, самый видъ этого божества производитъ отталкивающее впечатлѣніе на человѣческую душу. Этимъ имѣется въ виду заставить ее (душу) перемѣстить центръ сознанія изъ области духовнаго въ область матеріальнаго, добиться того, чтобы она разлюбила свѣтъ и полюбила мракъ; но этотъ переходъ отъ свѣта къ тьмѣ оказывается и преждевременнымъ, и слишкомъ рѣзкимъ: первая попытка жрецовъ кончается неудачей, и они начинаютъ измышлять новые планы, чтобы добиться лучшихъ результатовъ при повтореніи ея...

Но прежде, чѣмъ идти дальше, я долженъ обратить вниманіе читателя на истинное значеніе покрытаго лотосами пруда въ саду. Сахасрава Чакра, которая, какъ извѣстно, находится въ мозгу, часто упоминается въ индусскихъ мистическихъ книгахъ подъ названіемъ пруда Лотоса. «Сладко-звучащія воды» этого пруда представляются въ нихъ Амритой или нектаромъ. На стр. 349-й 2-й части «Разоблаченной Изиды» читатель найдетъ немало намековъ на тайное значеніе этой магической воды. Падма, Бѣлый Лотосъ, какъ и таинственная Сахасрава Іоговъ, имѣетъ тысячу лепестковъ. У простого смертнаго она-пока еще закрытая почка, но подобно тому какъ лотосъ развертываетъ лепестки и распускается во всей своей пышной красѣ, когда солнце поднимается надъ горизонтомъ и обливаетъ цвѣтокъ своими лучами, такъ и Сахасрава неофита раскрывается и распускается, когда Лотосъ начинаетъ изливать свѣтъ свой въ средину ея. Достигнувъ полнаго расцвѣта, она становится престоломъ Царицы Бѣлаго Лотоса, 6-го начала въ человѣкѣ; сидя на немъ, великая богиня возрождаетъ человѣческую душу, изливая на нее воды жизни, полныя благодати и счастья.

Хатта Іоги говорятъ, что душа человѣка, находящагося въ состояніи Самадхи, поднимаясь по Сушумнѣ (далѣ Каббалистовъ), доходитъ до этого цвѣтка о тысячѣ лепесткахъ и удостаивается видѣть, хотя бы въ теченіе мгновенія, яркое сіяніе духовнаго солнца.

Къ этому періоду жизни Сенсы относится случай, заслуживающій вниманія. Житель ближайшаго къ намъ астральнаго міра (elemental) является къ нему подъ видомъ неофита храма и пытается заставить его сбросить съ себя свою физическую оболочку. Этой опасности можетъ легко подвергнуться, вообще, всякій человѣкъ, но въ особенности подверженъ ей такой, у котораго до извѣстной степени развиты внутреннія чувства воспріятія; и это до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается адептомъ и не пріобрѣтетъ достаточнаго навыка въ дѣлѣ охраненія себя отъ подобнаго рода опасностей. Невинность и чистота Сенсы позволяютъ его ангелу-хранителю вырвать его изъ бѣды.

Но вотъ наступаетъ пробужденіе ума, его дѣятельность все больше и больше поглощаетъ вниманіе ребенка, который вмѣстѣ съ тѣмъ все дальше и дальше отступаетъ отъ свѣта Логоса. Ео, интуиція ужъ больше не можетъ дѣйствовать на него безпрепятственно. Ея внушенія доходятъ до него уже не въ чистомъ видѣ, но съ примѣсью другихъ состояній сознанія; результатъ дѣятельности ума и пяти чувствъ. Не имѣя возможности видѣться и говорить съ нимъ непосредственно, Себуа посылаетъ ему тайкомъ, черезъ одного изъ неофитовъ храма, любимый его цвѣтокъ-лотосъ.

Умственная дѣятельность начинается прежде всего съ ощущеній, собственно съ восприятія ихъ; эмоціи появляются только впослѣдствіи И сравненіе пробуждающагося ума съ маленькой дѣвочкой, играющей съ Сенсой, очень удачно. Разъ умъ приступилъ къ исполненію своихъ функцій, удовольствіе, доставляемое пріятными ощущеніями, не замедлитъ проложить дорогу, по которой придутъ и сильныя, неукротимыя страсти, свойственныя человѣческой душѣ. Рѣзвушка начинаетъ забавлять Сенсу, и онъ отступаетъ на шагъ отъ божественнаго и теряетъ изъ вида чудный лотосъ съ его свѣтлой богиней. „Ты отнынѣ будешь жить среди цвѣтовъ, питающихся земными соками", говоритъ ему дѣвочка, раскрывая этимъ смыслъ уже совершившейся перемѣны. Въ началѣ, вниманіе Сенсы приковываетъ къ себѣ природа со своей безыскусственной красотой; но затѣмъ умъ приводитъ его къ темной богинѣ святилища. Истинное мѣстопребываніе Авидіи—умъ, и пока онъ не находится подъ строжайшимъ контролемъ человѣка, совершенно невозможно устоять противъ ея вліянія. Разъ душа поддалась чарамъ этой темной богини, великіе жрецы храма начинаютъ пользоваться ея силами для своей пользы и удовольствія. Богиня требуетъ для себя двѣнадцать жрецовъ, съ Сенсой включительно, которые исполняли бы ея приказанія, потому что она не можетъ царствовать безраздѣльно, пока вышеименованные шесть эмоцій и пять родовъ ощущеній не заключатъ тѣснаго союза между собой. Всякій человѣкъ знаетъ по опыту, что они другъ друга поддерживаютъ и усиливаютъ. Взятыя въ отдѣльности, онѣ слабы и могутъ быть легко укрощены, но стоитъ имъ сплотиться, и ихъ соединенныхъ усилій окажется достаточно, чтобы поработить душу. И теперь, паденіе Сенсы полное. Но прежде чѣмъ дойти до него, онъ еще разъ слышитъ голосъ садовника и голосъ Царицы Лотоса, первый—укоряющій, второй—предостерегающій.

Обращаясь къ Сенсѣ, Себуа говоритъ ему: „Въ первый разъ ты приходишь сюда, чтобы работать; предполагалось сдѣлать тебя моимъ помощникомъ. Теперь, все измѣнилось: сейчасъ ты явился сюда не работать, а играть; и я долженъ обращаться съ тобой

какъ съ маленькимъ принцемъ. Ну, да ладно! Только хотѣлось-бы мнѣ знать, дитя, умѣли ли они уже испортить тебя"? Эти слова—знаменательны, и смыслъ ихъ будетъ яоенъ, если вспомнить вышеизложенныя соображенія.

Укажу здѣсь на одну интересную подробность: когда Сенса въ послѣдній разъ приходитъ въ садъ, садовникъ ведетъ его не къ пруду Лотоса, а къ другому, вода котораго берется изъ перваго. Вслѣдствіе перемѣны, происшедшей въ немъ, онъ ужъ больше не можетъ воспринимать Свѣтъ Лотоса непосредственно, и ему теперь поневолѣ приходится сноситься съ нимъ черезъ свое 5-ое начало. И онъ плаваетъ въ астральномъ свѣтѣ, а не въ магическихъ водахъ пруда Лотоса. Все же онъ видитъ Царицу Лотоса, которая обращается къ нему съ трогательными словами: „Ты меня скоро покинешь. Какъ я тебѣ помогать буду, если ты обо мнѣ забудешь"?

Вскорѣ послѣ этого происшествія, Сенса дѣлается de facto свѣтскимъ человѣкомъ и весь погружается въ удовольствія физической жизни. Его вполнѣ развившійся умъ, олицетворенный въ образѣ молодой красавицы, становится его неизмѣннымъ другомъ, и жрецы храма извлекаютъ пользу для себя отъ этой перемѣны.

Прежде чѣмъ идти дальше, мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе читателя на возможность пріобрѣсти какія угодно свѣдѣнія черезъ ребенка, для чего необходимо вызвать извѣстнаго рода представителей астральнаго міра и еще другія силы посредствомъ магическихъ обрядовъ и церемоній.

Когда душа совершенно подпадаетъ подъ вліяніе Авидіи, передъ ней все таки—двѣ альтернативы: либо окончательно поддаться ему и быть какъ-бы поглощенной Тамагуной Пракрити (грубѣйшимъ свойствомъ матеріи), либо разсѣять собственное невѣдѣніе свѣтомъ духовной мудрости и сбросить съ себя эти роковыя путы. Въ жизни Сенсы наступаетъ критическій моментъ: въ день праздника съ лодками, его жизненная сила на время сливается съ мрачной богиней человѣческихъ страстей. Такое поглощеніе, какъ-бы кратковременно оно ни было,—первый шагъ къ полному уничтоженію. И въ этотъ критическій моментъ онъ долженъ или спастись, или погибнуть. Его ангелъ-хранитель, Царица Бѣлаго Лотоса, дѣлаетъ послѣднюю попытку спасти его, что ей и удается. Въ самомъ святая святыхъ, она срываетъ покрывало съ темной богини; Сенса понимаетъ свое безуміе и умоляетъ свѣтлую богиню снять съ него проклятое иго подчиненія ненавистнымъ жрецамъ. Его молитва услышана; полагаясь на поддержку Царицы, онъ возстаетъ противъ власти жрецовъ и обращаетъ вниманіе народа на беззаконія, творимыя главами храма.

Въ связи съ этимъ, и чтобы лучше запечатлѣлось въ умѣ читателя ученіе, которое имѣетъ въ виду эта книга, необходимо

сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое, въ сущности, смерть души и какая судьба постигаетъ въ концѣ концовъ чернаго мага. Какъ мы объяснили раньше, душа—отдѣльная капля въ океанѣ міровой жизни, составляющей только свѣтъ и ауру Логоса. Кромѣ Логоса, есть безчисленное множество другихъ существъ, духовныхъ и астральныхъ, живущихъ въ ней и въ ней принимающихъ участіе. Эти существа находятся въ особенныхъ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ эмоціямъ человѣческой души и къ отличительнымъ свойствамъ человѣческаго ума. У нихъ, разумѣется, есть свое собственное, отдѣльное, индивидуальное существованіе, которое кончится вмѣстѣ съ Манвантарой. Душа можетъ лишиться своей индивидуальности тремя путями. Разлученная со своимъ источникомъ, Логосомъ, она можетъ и не пріобрѣсти своей собственной сильной, прочной индивидуальности и со временемъ окажется вновь поглощенной общимъ теченіемъ Міровой жизни. Это-то и есть настоящая, дѣйствительная смерть души. Или она можетъ поставить себя въ извѣстныя отношенія къ духовному или астральному существу, сосредоточивая на немъ свое вниманіе, вызывая его, оказывая ему почести въ тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдуются цѣли, связанныя съ черной магіей и Тантрическимъ поклоненіемъ. Въ этомъ случаѣ, душа передаетъ свою индивидуальность такому существу и какъ-бы всасывается имъ; черный магъ живетъ въ немъ и съ нимъ до конца Манвантары.

Судьба Банасены можетъ служить иллюстраціей къ этому. Говорятъ, что со времени своей физической смерти, онъ живетъ подъ видомъ Махакалы, одного изъ самыхъ могущественныхъ духовъ Прамадхаганы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, это равносильно безсмертію въ злѣ, такъ сказать. Но оно отличается отъ безсмертія Логоса тѣмъ, что оно не простирается за предѣлы Манвантары. Прочтите 8-ю главу Багаватъ-Гиты въ связи съ только что сказаннымъ, и при свѣтѣ ученія Кришны то, что я хочу сказать, будетъ совершенно ясно. Происшествіе на суднѣ Изиды, описанное въ разсматриваемой книгѣ, даетъ нѣкоторое представленіе о свойствѣ этого поглощенія и послѣдующаго сохраненія индивидуальности чернаго мага.

Если поглощающимъ центромъ является Логосъ, а не другая сила, или астральное существо, то человѣкъ пріобрѣтаетъ Мукти или Нирвану и сливается съ вѣчнымъ Логосомъ, не имѣя больше нужды въ новыхъ рожденіяхъ.

Послѣдняя часть книги описываетъ послѣднюю, рѣшительную борьбу души съ ея исконными врагами, ея посвященіе и окончательное освобожденіе отъ господства Пракрити.

Съ того момента, когда Царица Бѣлаго Лотоса, въ святая святыхъ, обѣщаетъ свою поддержку Сенсѣ и даетъ ему совѣты,

въ исторіи его жизни начинается новый періодъ. Онъ увидѣлъ свѣтъ Божественной мудрости и попадаетъ въ сферу его вліянія. Этотъ свѣтъ Логоса представленъ въ нашей повѣсти въ видѣ свѣтлой богини священнаго цвѣтка Египта; онъ—тотъ общій источникъ духовной жизни, который нѣкогда питалъ длинный рядъ другъ друга смѣнявшихъ Египетскихъ жрецовъ и теперь еще питаетъ всѣхъ великихъ адептовъ нашего міра; онъ—средство духовнаго общенія ихъ; онъ—та живая, духовная цѣпь, которая неразрывно связываетъ ихъ другъ съ другомъ узами единенія, братства и взаимной симпатіи. Это—Святой Духъ, который не даетъ порваться цѣпи апостольской или Гурупарампаръ, какъ называютъ индусы іерархію Учителей. Это—тотъ духовный свѣтъ, который передается отъ Учителя къ ученику, когда время дѣйствительнаго посвященія наступило. Такъ называемая „передача жизни" есть ничто иное, какъ передача этого свѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ—Святой Духъ, основаніе, даже сущность святаго причастія (принимать участіе, быть причастнымъ) такъ какъ онъ—покрывало, за которымъ, какъ бы скрывается Логосъ, тѣло его, т. е. его плоть и кровь. Онъ—цѣпь, объединяющая всякое братство адептовъ, которую ни время, ни пространство никогда не могутъ порвать. Иногда, можетъ показаться, что эта смѣна непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ Учителей прекратилась; но это—только въ физическомъ мірѣ; на самомъ же дѣлѣ, пусть только наступитъ благопріятное для того время—и никакой человѣкъ, живущій согласно священному закону и стремящійся къ высшей жизни, не останется безъ руководительства и свѣта, хотя бы послѣдній Учитель умеръ за нѣсколько тысячъ лѣтъ до его рожденія. Всякій Будда, во время своего послѣдняго посвященія, встрѣчается лицомъ къ лицу со всѣми великими адептами, достигшими этого званія въ протекшіе вѣка. Точно такъ-же и всѣ члены каждаго класса адептовъ своимъ отдѣльнымъ теченіемъ этой духовной жизни связаны между собой, и оно то и дѣлаетъ изъ нихъ правильно-организованное братство. Если человѣкъ желаетъ стать членомъ подобнаго братства, принять участіе въ святомъ общеніи, удостоится святого причастія, то единственный шагъ, который ему необходимо сдѣлать,—ибо никакой другой не приведетъ его къ желанной цѣли,—это вступить въ сферу вліянія духовнаго свѣта, исходящаго изъ его собственнаго Логоса. Не входя въ дальнѣйшія подробности, я укажу на то, что подобное общеніе возможно только между людьми, души которыхъ происходятъ отъ одного и того же божественнаго луча, питающаго ихъ своей жизнью. Всѣ адепты и Дхіанъ-Чоханы дѣлятся на семь классовъ, по числу отдѣльныхъ лучей, исходящихъ изъ Центральнаго Духовнаго Солнца. Каждый классъ находится

подъ руководительствомъ и контролемъ одного изъ семи видовъ или проявленій божественной мудрости.

Въ связи съ этимъ, я долженъ обратить вниманіе читателя на другой основной законъ, регулирующій теченіе духовной жизни и энергіи, которая дѣйствуетъ черезъ всѣхъ принадлежащихъ къ одному братству адептовъ. Всякаго адепта можно разсматривать, какъ центръ, въ которомъ эта духовная сила производится и накопляется, и черезъ который она можетъ быть использована и распредѣлена. Эта таинственная энергія представляетъ изъ себя родъ электро-духовной силы, и при передачѣ ея изъ одного центра въ другой можно констатировать наличность нѣкоторыхъ явленій, наблюдаемыхъ при индукціи. Такъ замѣчается стремленіе со стороны этой энергіи распредѣляться равномѣрно по разнымъ центрамъ. Количество свободной энергіи, имѣющееся въ любомъ центрѣ, зависитъ отъ Кармы человѣка и отъ святости и чистоты его жизни. Будучи вызвана къ дѣятельности духовнымъ общеніемъ съ Учителемъ или при посвященіи, этотъ избытокъ духовной энергіи приходитъ въ движеніе и устремляется въ болѣе слабые центры. Встрѣчаются указанія на то, что при послѣднемъ посвященіи либо гіерофантъ, либо „новорожденный" умираетъ, смотря потому, кто изъ нихъ обоихъ достойнѣйшій. (см. 38 ст. „Theosophist" ноябрь 1882 г.) Какого бы рода ни была въ дѣйствительности эта смерть, она во всякомъ случаѣ вызывается дѣйствіемъ этого закона. Затѣмъ, мы видимъ, что вновь посвященный, если онъ только страдаетъ недостаткомъ духовной энергіи, черпаетъ недостающія ему силы изъ святого причастія (святого общенія). Но онъ получитъ это преимущество лишь въ томъ случаѣ, если онъ останется на землѣ и будетъ употреблять свои силы на благо человѣчества, пока не наступитъ время окончательнаго освобожденія. Это правило вполнѣ гармонируетъ съ закономъ Кармы. Первоначальная слабость неофита —слѣдствіе недостатковъ, отмѣченныхъ его Кармой и обусловливающихъ необходимость болѣе продолжительнаго физическаго существованія. И этотъ излишекъ физическаго существованія ему придется посвятить дѣлу человѣческаго прогресса, взамѣнъ выгоды, извлекаемой имъ изъ вышеуказаннаго общенія. Кромѣ того, накопленная за этотъ періодъ времени благая Карма, придастъ еще больше мощи его душѣ, такъ что, когда онъ, наконецъ, займетъ мѣсто въ рядахъ Священнаго Братства, онъ внесетъ въ общую сокровищницу его столько же духовныхъ богатствъ, сколько и всякій другой.

Теперь, послѣ этихъ необходимыхъ отступленій, дѣйствительный смыслъ событій, изложенныхъ въ послѣднихъ пяти главахъ, станетъ намъ вполнѣ ясенъ. По милости своего ангела-хранителя, Сенса снова овладѣваетъ силой духовнаго воспріятія, но теперь

ужъ онъ пользуется ей по своей волѣ и съ полнымъ знаніемъ дѣла; ему больше не представляется случая прибѣгнуть къ мерцающему свѣту интуиціи. „Ты теперь долженъ стоять одинъ“, говоритъ садовникъ и вручаетъ ему его любимый цвѣтокъ, все значеніе котораго Сенса начинаетъ понимать. Достигнувъ центра духовнаго ясновидѣнія, онъ видитъ своихъ предшественниковъ, гіерофантовъ, въ братство которыхъ онъ вступилъ. Учитель всегда на лицо, когда ученикъ готовъ. Посвященіе, предшествующее послѣдней рѣшительной битвѣ, которая должна вырвать его изъ рабства матеріи, очень ясно описано. Верховный Чоханъ раскрываетъ передъ нимъ тайны оккультической науки, а другой адептъ Братства знакомитъ его съ сущностью его собственной индивидуальности. Затѣмъ, на помощь къ нему приходитъ его непосредственный предшественникъ и излагаетъ ему тайну его собственнаго Логоса. „Покрывало Изиды“, т. е., Бѣлый Лотосъ, которая скрываетъ отъ его взора истиннаго Спасителя его, сорвано. Свѣтъ Логоса сходитъ въ его душу, и онъ принимаетъ „крещеніе божественнымъ огнемъ“. Онъ выслушиваетъ послѣднія приказанія своей Повелительницы и признаетъ возложенныя на него обязательства.

Его предшественнику съ „такой чистой, незапятнанной душой“ поручается вдохнуть въ Сенсу часть своей духовной мощи и энергіи. Его учатъ, съ тѣмъ, чтобы онъ провозглашалъ ихъ передъ всѣмъ міромъ, тѣмъ тремъ великимъ истинамъ, которыя какъ-бы онѣ ни были изуродованы и искажены невѣжествомъ, суевѣріями и предразсудками,—лежатъ въ основѣ всякой великой религіи. Нѣтъ нужды истолковывать ихъ здѣсь, такъ какъ онѣ достаточно ясно формулированы въ разсказѣ. Получивши необходимыя наставленія и запасшись силой, Сенса готовится къ послѣдней борьбѣ. Пока длится эта подготовительная стадія, страсти физическаго человѣка какъ бы спятъ, и Сенса остается на время въ полномъ одиночествѣ. Но онѣ еще не вполнѣ укрощены, и рѣшительная битва, въ которой онъ долженъ побѣдить, все еще впереди. Руководимый свѣтомъ мудрости, проникшимъ въ его душу, Сенса выступаетъ на арену высшей духовной жизни въ качествѣ проповѣдника и духовнаго вождя людей. Но слѣдовать долго по этому пути, когда онъ еще не побѣдилъ своихъ враговъ, онъ не можетъ, и вскорѣ наступаетъ послѣдняя грозная борьба послѣдняго посвященія. О сущности этого посвященія большинство слышавшихъ о немъ людей имѣетъ очень смутное и превратное представленіе. Въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, не ясно, говорится о какомъ-то страшномъ испытаніи, черезъ которое яко-бы долженъ пройти неофитъ, прежде чѣмъ онъ станетъ настоящимъ адептомъ. Затѣмъ, оно характеризуется какъ „крещеніе кровью“. Эти общія указанія нисколько не разъясняютъ ни тѣхъ трудностей, которыя приходится преодолѣ-

вать посвящаемому, ни тѣхъ результатовъ, которыхъ онъ долженъ добиться. Чтобы уразумѣть тайну этого посвященія, необходимо вникнуть въ сущность той психической перемѣны (или превращенія), которую имѣется въ виду достигнуть. Согласно обыкновенной классификаціи Веданты есть четыре состоянія сознанія, а именно: Висуа (или Висва), Тайджаса, Пранья и Турія. Въ современныхъ языкахъ самыми подходящими терминами для ихъ обозначенія это: состояніе объективнаго сознанія, ясновидѣнія, экстаза и сверхэкстаза. Упадхи, вмѣстилища, если можно такъ выразиться, въ которыхъ заключены или дѣйствуютъ, проявляются эти состоянія сознація суть: физическое тѣло, астральное (Стула Шарира и Сукшма Сарира), Карана Сарира или Монада (Манасъ) и Логосъ или Параматма (Будхи-Атма, первый—оболочка, вторая внутренняя сущность; первый—свѣтъ Логоса, его плоть и кровь, святой Духъ, Царица Бѣлаго Лотоса, вторая—великій Богъ, о которомъ говорится въ разбираемомъ произведеніи). Душой я все время называлъ Монаду, (Манасъ, неумирающую индивидуальность). Это, такъ сказать, нейтральная точка сознанія, зародышъ, сѣмя Праньи. Человѣкъ, погружаясь въ него, лишенъ всякаго сознанія, въ немъ—отсутствіе сознанія. Индусскіе писатели сравниваютъ это психическое состояніе со сномъ безъ сновидѣній. Съ одной стороны на него оказываютъ вліяніе физическое тѣло (Стула Шарира) и астральное (Сукшма Сарира), съ другой пятое и шестое начала (Будхи-Атма) или Логосъ (Параматма). Если одерживаетъ верхъ сила притяженія первыхъ, то Джива (индивидуализированная Пранья, Монада) становится Бадхой и находится тогда во власти всѣхъ страстей человѣческихъ. По мѣрѣ приближенія къ этой нейтральной точкѣ, власть этихъ страстей все слабѣетъ; но пока она не перейдена, ихъ сила притяженія все еще чувствуется. Но разъ этотъ переходъ—совершившійся фактъ, душа какъ бы попадаетъ въ сферу притяженія другого противуположнаго полюса,—Логоса, и съ этихъ поръ она—подъ его контролемъ. Теперь человѣкъ свободенъ, онъ—больше не рабъ матеріи; коротко, онъ—адептъ. На этой то пограничной полосѣ, раздѣляющей міръ матеріи отъ міра духа, тьму отъ свѣта, и происходитъ борьба за главенство между этими двумя силами притяженія. Въ теченіе всей этой битвы, человѣкъ, въ интересахъ котораго она ведется, находится въ состояніи какого то безразличнаго, безсознательнаго покоя; онъ не въ силахъ ни помочь своимъ друзьямъ, ни ударить на враговъ, хотя исходъ ея для него—вопросъ жизни и смерти. Это и есть то состояніе, которое переживаетъ Сенса во время послѣдняго испытанія. Благодаря предыдущимъ разъясненіямъ, описаніе этого состоянія въ разсматриваемой книгѣ дѣлается вполнѣ яснымъ. Легко видѣть, что исходъ борьбы зависитъ, главнымъ

образомъ, отъ количества скрытой энергіи, заключающейся въ душѣ, отъ ея (души) предыдущей духовной тренировки и прошлой Кармы. Нашъ герой благополучно выдерживаетъ испытаніе; враги его—уничтожены; но самъ Сенса умираетъ въ сраженіи.

Не странно ли, что личность Сенсы погибаетъ въ той самой битвѣ, въ которой врагъ его разбитъ? Это послѣдняя жертва, которую онъ приноситъ. Мать его, Пракрити—мать его личности, не индивидуальности—оплакиваетъ эту потерю, но радуется перспективѣ воскресенія, ожидающей его душу. И воскресенье вскорѣ наступаетъ; подъ оживляющимъ дѣйствіемъ его духа, душа Сенсы какъ бы выходитъ изъ могилы, чтобы изливать высшія блага на человѣчество и трудиться надъ духовной эволюціей его.

На этомъ кончается такъ называемая трагедія души. Все, что въ разсказѣ слѣдуетъ за этимъ, относится уже къ исторической сторонѣ фабулы и придаетъ литературную отдѣлку заключенію.

Память и воспоминаніе.

„Кто я?“ спросила душа пробужденная.
„Это одно тебѣ знать не дано на землѣ,—
Ангелъ отвѣтилъ съ улыбкой,—ахъ, это небо.
Тамъ мы узнаемъ, тамъ повстрѣчаемся всѣ“.

Вѣчная память личности невыносима.

И тамъ мы вспомнимъ землю; но есть тягостныя воспоминанія. Къ счастію, онѣ относятся только къ нашей *личности*. Неужели всѣ эти воспоминанія войдутъ въ это небо? Вѣдь въ личности было столько нечистаго! А нечистое не можетъ туда войти, и память о немъ не должна тамъ сохраняться. Поэтому многіе философы возмущаются сохраненіемъ личности такою, какою она была на землѣ, на вѣчныя времена. Это было бы невыносимо. Поэтому воды рѣки Леты не миѳъ. Онѣ обозначаютъ посмертное очищеніе отъ всякаго хлама памяти. Но обратимъ вниманіе на свѣжую память ребенка. Это душа уже очищенная. Гдѣ эта душа раньше существовала, мы не знаемъ. Ребенокъ растетъ, дѣлается самосознательнымъ. Но впечатлѣнія настоящей минуты тираннически завладѣваютъ имъ и мѣшаютъ ему припомнить, мѣшаютъ ему раскрыть свою собственную богатую душу. Душа должна научиться для этого смотрѣть безъ удивленія на многочисленные приливы и вихри своихъ мыслей, и различать реальныя мысли отъ фантазій. Циники хотятъ хладнокровно взирать на это и вернуться къ животному существованію. Но это возвращеніе назадъ. Что же, если циникъ

Путь къ самосознанію.

забудетъ даже о своей личности, какъ онъ иногда старается? Это отступленіе. Не лучше ли очистить душу такъ, чтобы ея реальность проявилась, и она бы не казалась призракомъ. Тогда въ самомъ дѣлѣ есть возможность забыть личность.

Низшій умъ превзойденъ.

Иногда случается, что мы забудемъ личность, но свѣтъ души еще не блеснулъ. Что же, мы должны подвигаться впередъ черезъ тьму. Философія потому одобряетъ пессимизмъ, что она отступаетъ, не разрѣшивъ задачи. Ей кажется, что она напрасно занималась миѳологіями, религіями и т. д. Но Теософія даетъ намъ исторію древнихъ расъ, жившихъ когда то во время древнихъ геологическихъ эпохъ,—и показываетъ, что наши миѳологіи и символогіи только эхо этой древнѣйшей мудрости, неизмѣримо болѣевысокой, чѣмънаша. Для этихъ древнихъ расъ существованіе безсмертной Души, ея странствованія черезъ разныя формы на землѣ, и ея превосходство надъ личнымъ сознаніемъ человѣка—были фактами. Онѣ учили это въ своихъ мистеріяхъ и школахъ посвященія. Только въ этихъ школахъ ученики могли познать тайны своей собственной природы и различить разные центры сознанія и функціи этого сложнаго существа—человѣка. Они знали, какъ разгонять призраки ума, и какъ пробуждаться отъ сновъ печали къ ясному свѣту дня. Они знали, что желаніе и страхъ даютъ человѣку горе и безуміе. Они знали, что печаль—это тѣнь личныхъ удовольствій, и что обѣ эти взаимно-противоположныя, однако дополнительныя величины создаютъ одна другую и составляютъ „Колесо Жизни", горькой земной судьбы человѣка, и гдѣ память и есть инерція его. Но кто нашелъ центръ его, перестаетъ вращаться на немъ. Но есть память уже не земной личности, не страстей, не тѣлесныхъ инстинктовъ, и даже не клѣточекъ тѣла,—есть высокая память Души, захватывающая даль вѣковъ,—можетъ быть до того времени, когда человѣкъ существовалъ въ матеріальномъ царствѣ, и еще раньше, когда онъ былъ первымъ лучемъ Очага Свѣта. Но умъ не можетъ воспріять этой памяти, пока не очистится. И можетъ быть это пробужденіе Души, которая вернулась сама къ себѣ, и разрѣшитъ, помимо будущихъ небесъ, помимо нашей отчаянной борьбы съ судьбой, ту задачу прозрѣнія, которой мы такъ жаждемъ. Гдѣ мы будемъ послѣ смерти, это одинъ вопросъ. Но гдѣ мы были и чѣмъ мы были передъ рожденіемъ, это другой, и онъ можетъ привести насъ къ тому же самому результату. Во всякомъ случаѣ Душа вѣчна. Вѣчность не означаетъ только будущаго. Это односторонній взглядъ. Вѣчность заключается впереди, позади, внутри, внѣ, безъ всякихъ ограниченій. Она есть, была и всегда будетъ. Она—вѣчное Настоящее.

Школа посвященій.

Освобожденіе отъ привязанности къ земному.

Тайна пробужденія души.

Основные принципы нравственности.

„Американскія воскресныя и публичныя школы не достигають цѣли",—сказалъ одинъ инспекторъ школъ недавно—„онѣ не вкореняютъ нравственности, честности и прилежанія; онѣ только вырабатываютъ лжецовъ, воровъ и лѣнтяевъ въ невѣроятномъ количествѣ. Воскресныя школы даютъ намъ самое большое разочарованіе изъ всѣхъ школъ. Горе въ томъ, что основныя начала нравственности не включены въ програму обученія".

Можетъ быть этотъ инспекторъ преувеличиваетъ, но есть значительная доля правды въ его словахъ. Что же такое основные принципы нравственности?

Такъ какъ воскресныя школы руководятся служителями церкви, неудача церквей въ нравственнымъ воспитаніи очевидна. Эти служители часто сами сомнѣваются въ истинахъ своей собственной религіи. Кромѣ того сектъ такъ много. Есть еще обученіе: но на практикѣ его не сумѣли исполнить. Есть еще обученіе гражданской нравственности и т. д.

Нравственность-основаніе; поведеніе—результатъ.

Но хорошая гражданственность, честность, прилежаніе, дружелюбность,—все это слѣдствіе нравственности. Назвать нравственность хорошимъ поведеніемъ,—это только показать его слѣдствія. Но ясно, что должна быть какая нибудь санкція, причина или побужденіе къ хорошему поведенію. Вотъ именно этого учители нравственности и избѣгаютъ давать. На практикѣ, когда трудно избѣгнуть, они прибѣгаютъ къ общему благу, или къ высшему Существу, или къ загробной жизни.

Но нравственность можно основать только на признаніи законовъ жизни души, ибо иначе другіе законы страстной эгоистической натуры человѣка завладѣютъ имъ. Долженъ же быть такой

Независимый законъ праведной жизни.

законъ, а то бы человѣкъ впалъ въ животное состояніе и не чувствовалъ себя отвѣтственнымъ. А такимъ человѣкъ не можетъ долго быть, ибо внутри его есть что-то, что проситъ знанія и высшаго развитія. Это высокое желаніе не должно побуждаться мотивами, стоящими ниже его; напротивъ, оно дожно управляться высшими силами.

Великіе вопросы жизни и смерти, происхожденія и назначенія

человѣка, причины и цѣли жизни настойчиво напрашиваются на вниманіе ребенка. Какой же отвѣтъ мы найдемъ на нихъ? Человѣкъ чувствуетъ себя подъ вліяніемъ могущественныхъ силъ, побуждающихъ къ дѣйствію, и центромъ водоворота желаній, которыя ни къ чему его не приводятъ, и которыхъ нельзя насытить. Такимъ образомъ онъ учится, что служеніе желаніямъ не есть окончательный законъ его природы, и онъ ищетъ болѣе высокаго закона. Онъ находитъ, что наука вслѣдствіе ограниченности своихъ методовъ воспріятія и изслѣдованія приводитъ его только къ очень мелкому берегу Океана Истины. Поэтому онъ принужденъ искать глубже; недостаточно констатировать фактъ присутствія его моральныхъ инстинктовъ. Онъ долженъ знать, откуда они появились и зачѣмъ они нужны.

Самопознаніе—единственный ключъ.

Этого человѣкъ не можетъ получить безъ религіи, т. е.—безъ признанія высшихъ законовъ жизни, которые налагаютъ обязанности на тѣхъ, кто приняли ихъ.

Что же такое эти высшіе законы? Разныя теологическія данныя съ вѣчнымъ небомъ, или вѣчнымъ адомъ? Или то предположеніе, что жизнь человѣка—одинъ лопающійся пузырекъ цѣны на океанѣ времени, есть только прелюдія безконечной жизни въ царствѣ блаженства или мученій? Или то, что человѣкъ безнадежный грѣшникъ, но можетъ быть въ одну минуту очищенъ отъ всѣхъ несовершенствъ только однимъ пожеланіемъ на своемъ смертномъ одрѣ? Должны ли мы предложить эти наивныя объясненія какъ высшіе законы жизни? Или же мы должны впасть въ другую крайность и вообразить себѣ другаго Бога, называемаго „Природой", который безконечно выше въ мудрости и силѣ, чѣмъ первый Богъ, а однако находится у Него въ услуженіи? Нѣтъ; мы должны быть готовы признать туже удивительную мудрость и гармонію въ высшихъ законахъ, какіе мы видимъ въ низшихъ.

Въ человѣкѣ вѣдь есть тоже и высшая природа, и что то такое болѣе превосходное, чѣмъ его умъ,—именно душа; но эта душа совсѣмъ не то, что понимаютъ подъ этимъ наименованіемъ теологи. Теологи говорятъ о душѣ только въ соотношеніи съ будущей жизнью. Для нихъ душа, это только личность безъ тѣла,—можетъ быть болѣе очищенная, но все же только личность. Чѣмъ бы они эту душу не считали, она у нихъ далека и безполезна для практической жизни; но въ самомъ дѣлѣ душа есть что-то такое, что связано именно съ нашей настоящей жизнью. Это есть наше настоящее „я,"—повелитель живущій въ насъ. Душа есть то, что *знаетъ* и что *можетъ*. Это есть источникъ нашихъ моральныхъ инстинктовъ и стремленій къ совершенству. Она излучаетъ свѣтъ на наши мысли, которыя такъ часто затѣмняютъ свѣтъ. Вотъ почему мы полу-

Настоящее отношеніе между Реальнымъ и Внѣшнимъ.

чаемъ такой частный и несовершенный свѣтъ. Однако можно очистить умъ до такой степени, что онъ будетъ отражать этотъ свѣтъ полнѣе и яснѣе.

Человѣкъ есть духовное существо, способное поднять свое сознаніе отъ сферы иллюзій до сферы истиннаго воспріятія. Онъ не рабъ законовъ, управляющихъ низшими сферами жизни, но онъ можетъ управлять ими, пользуясь самъ высшими законами, которые также естественны, но относятся къ высшей природѣ человѣка. Пока мы не примемъ этого факта, который былъ такъ извращенъ теологами въ какіе то неясные догматы, мы не будемъ имѣть никакого основанія для нравственности.

Праведная жизнь выше всякаго исканія блага для себя.

Но напрасно предполагать, что исканіе высшей жизни обозначаетъ просиживаніе времени за сеансами въ кружкахъ, или старанія развить ясновидѣніе, или психическія изслѣдованія, или разсужденія объ аурахъ и астральныхъ тѣлахъ. Это не разрѣшеніе великихъ загадокъ жизни, надъ которыми трудились философы и соціологи. Это не поможетъ намъ во время великихъ испытаній и не утѣшитъ насъ на смертномъ одрѣ. Это только дѣтская забава, какъ и прочія забавы, предлагаемыя намъ подъ видомъ знанія. Человѣчество не позволитъ забавлять себя долго этими пустяками. Самая мысль о полученіи чего нибудь только для себя—будь это тайныя силы или знаніе или забава—противна человѣку, который ищетъ дороги, чтобы убѣжать отъ этой безконечной цѣпи личныхъ желаній, который жаждетъ освободиться отъ низшаго „я", чтобы найти высшее „Я". Исканіе высшей жизни означаетъ, что мы стараемся найти настоящій мотивъ или законъ, управляющій нашею жизнью и покоряющій наши маленькіе планы и воображемые интересы. Этого никогда мы не достигнемъ сидѣніемъ на сеансахъ, или упражняясь въ разныхъ развитіяхъ, увеличивающихъ только назойливость нашей личности и питающихъ жадность. Довольно уже объяснять насколько незначительна наша личность. Это уже утомило людей. Постараемся понять величіе нашей души. Постараемся самоотверженною жизнью и преданностью нашимъ высочайшимъ обязанностямъ познать, что такое душа, и сдѣлать ее живымъ двигателемъ нашей жизни.

Величіе души и жизни.

Изъ Теософическаго Движенія.

Екатерина Тингли въ Европѣ.

Отзывы прессы.

Helsingborgs Dagblad 8. IX. 07. Большая толпа народа стояла у дверей театра „Folkets-hus". Было уже половина десятаго, и они хотѣли еще разъ хоть издали посмотрѣть на Екатерину Тингли, которая такъ удивительно говорила. Я встрѣтилъ доктора Богрена, и онъ представилъ меня какъ журналиста, который проситъ только десять минутъ. Она отвѣтила съ прекрасной улыбкой: „прошу васъ въ гостинницу Континенталь. Тамъ намъ не помѣшаютъ говорить". Въ гостинницѣ я вошелъ въ одну изъ ея комнатъ. Она была въ длинной бѣлой одеждѣ, и граціознымъ мановевіемъ руки попросила меня садиться. Она сказала, что нашла здѣсь „глубокое уваженіе, которое кажется составляетъ характеристику шведской націи". Народъ здѣсь очень заинтересованъ усердіемъ теософовъ. Утонченная культурность вѣяла отъ публики. Она говорила о той школѣ, которую она желаетъ основать въ Швеціи для воспитанія молодежи въ благородномъ духѣ.

Svenska Dagbladet. 17. IX. 07. Публика наполнила залъ за долго до начала лекціи, которая открылась музыкой. Потомъ молодая шведская дѣвушка, вся въ бѣломъ, прочла нѣкоторые принципы теософіи: любовь къ человѣчеству, альтруизмъ, самопожертвованіе и т. д. Потомъ выступили двѣ взрослыя дѣвушки, которыя говорили о своемъ воспитаніи въ Пойнтъ-Ломѣ въ Калифорніи, въ школѣ, основанной Екатериной Тингли. Онѣ сказали, что только тѣ, которымъ судьба благопріятствовала, помѣстивши ихъ тамъ, и которые прошли эту школу, могутъ вполнѣ оцѣнить ее. Воспитаніе въ Пойнтъ-Ломѣ даетъ цѣль жизни. Недостаточно сказать дѣтямъ: „Не дѣлайте дурного", но надо еще сказать: „Дѣлайте хорошее". Каждый день тамъ даетъ что нибудь новое, красивое. Сама жизнь тамъ радостна, прекрасна и полна благородныхъ стремленій. Потомъ явилась г-жа Тингли. Она сожалѣла, что не можетъ говорить на благородномъ шведскомъ языкѣ и выразила желаніе изучить этотъ языкъ. Говорила она по англійски. Она перешла къ описанію жизни и работы Блаватской и какъ эта женщина боролась съ непобѣдимой энергіей духа для своей

цѣли. Американцы не всегда понимали ее, но ея работа оставила неизгладимые слѣды.

Что же она принесла человѣчеству? Новую религію? Конечно нѣтъ. Но она дала эссенцію всѣхъ религій и показала какъ ее примѣнять на практикѣ. Теософія учитъ настоящему смыслу Братства, т. е. самопожертвованію и братской любви. Ученіе всемірнаго братства и теософическаго общества не содержитъ въ себѣ ничего нелогичнаго или непрактичнаго. Если теософію изучать правильно, она помогаетъ людямъ найти свое настоящее мѣсто и свою обязанность въ жизни. Человѣку еще не пора умирать раньше, чѣмъ онъ нашелъ это. Теософія учитъ, что люди будутъ жить въ своей будущей жизни такимъ же самымъ образомъ, какъ они живутъ въ настоящей жизни, потому что будущая жизнь составляетъ слѣдствіе настоящей. И когда опытъ вѣковъ сформируетъ наши характеры, мы будемъ готовы начать новую жизнь на новомъ основаніи. „Цѣль теософіи—образовать братство всего человѣчества и возбудить во всемъ человѣчествѣ братскую любовь". Эту лекцію, которая продолжалась одинъ часъ, всѣ слушали съ большимъ интересомъ.

Изъ другихъ газетныхъ вырѣзокъ и частныхъ писемъ видно, что г-жа Тингли посѣтила Упсалу, Гефле, Фалунъ и другіе шведскіе города, а также Гельсингфорсъ въ Финляндіи. Толпы народа собирались ее слушать, и не для всѣхъ хватало мѣста. Хотя она говорила по англійски, всѣ слушали со вниманіемъ, какъ будто схватывая смыслъ, скрытый за словами, токъ сердца, жестикуляцію, модуляцію ея голоса. Она не могла принять всѣхъ приглашеній читать лекціи, но надѣялась исполнить это въ будущемъ.

Svenska Dagbladet, Stockholm; *21. IX. 07*. Въ залѣ большой оперы г-жа Тингли говорила: „Если мы посмотримъ вокругъ, то куда бы мы не взглянули, на всемъ свѣтѣ мы увидимъ безпорядокъ, несправедливость, раздоръ и критицизмъ,—а также отрицательное отношеніе къ высшимъ вопросамъ. Но человѣкъ унаслѣдовалъ божественную природу своей души, и задача состоитъ въ томъ, чтобы развить это чувство нашего божественнаго происхожденія съ помощью старанія слиться во едино со всѣмъ человѣчествомъ. Свѣтъ низойдетъ на насъ въ этомъ чувствѣ единства и озаритъ истинную природу человѣка. Человѣкъ еще не успѣлъ примѣнить божественныхъ законовъ къ своей жизни, хотя многіе пробовали это.

Теософія провозглашаетъ существованіе этихъ божественныхъ законовъ, — и она есть эссенція всѣхъ религій. Она учитъ, что Богъ проникаетъ всю природу. Прежде чѣмъ человѣкъ можетъ узнать это , онъ долженъ изучить отношеніе своей духовной жизни къ матеріальной. Въ настоящее время духовная связь открываетъ

себя большею частью въ искусствѣ. Взгляните на великихъ художниковъ, которые старались въ краскахъ и формахъ выразить то, что можетъ быть схвачено только вдохновеніемъ.

Взгляните на государственныхъ дѣятелей и ученыхъ, связанныхъ оковами ума, которыхъ никто изъ нихъ не можетъ понять. Но своими усиліями достигнуть до центральнаго сердца жизни и своимъ сознаніемъ этой божественной силы они сдѣлаютъ большой шагъ впередъ,—и тогда художники и государственные дѣятели будущаго будутъ въ состояніи достигнуть такихъ результатовъ, о которыхъ теперь мы не можемъ имѣть никакого представленія.

Я приношу вамъ вѣсть, что человѣкъ по своей внутренней природѣ есть существо, обладающее божественнымъ наслѣдіемъ и неизмѣримыми возможностями эволюціи. Теософія аппелируетъ къ самымъ лучшимъ сторонамъ человѣческой натуры. Теософія имѣетъ такое свойство, что разъ мы познакомимся съ нею, мы никогда уже не можемъ оставаться къ ней равнодушными. Въ заключеніе она сказала, что теософія показываетъ человѣчеству путь къ свѣту, и всякому человѣку какъ жить правильно.

Nordlands Posten, Gefle; 24. IX. 07. «Никто не можетъ отрицать, что на свѣтѣ есть тоска къ чему то, и много страшнаго страданья безъ результатовъ, и что это состояніе происходитъ отъ недостатка знанія законовъ, управляющихъ человѣческой жизнью. Мы всѣ стоимъ передъ неразгаданными въ политикѣ, въ наукѣ и религіи тайнами, и хотя мы видимъ, что многаго еще можно достигнуть во всякомъ отдѣлѣ человѣческой жизни, однако мы не двигаемся, ибо не имѣемъ силы помочь. Одна изъ причинъ этого есть то, что современная цивилизація относится отрицательно къ высшимъ вопросамъ. Но вотъ является теософія, какъ спасительная сила. Ученія теософіи такъ стары какъ міръ. Ребенокъ можетъ понять смыслъ теософіи, потому что она такъ проста, какъ сама истина. Поскольку человѣкъ пойметъ, что значитъ жизнь, постольку всѣ отрицательные результаты устранятся. Человѣкъ долженъ учиться познавать себя. Безъ этого знанія онъ не въ состояніи рѣшить задачъ жизни. Надо культивировать высшія качества ума, и тогда онъ достигнетъ равновѣсія во всемъ своемъ существѣ. Тогда придетъ время, когда свѣтъ озаритъ его, и онъ никогда не впадетъ обратно въ сомнѣніе или порокъ. Теософія логична и проста, какъ всѣ изучающіе ее могутъ убѣдиться».

Потомъ г-жа Тингли говорила о бракѣ: „Если бракъ понять правильно, онъ дѣлается святымъ учрежденіемъ, и никто не въ состояніи развести тѣхъ, которые приняли на себя священные узы истиннаго брака. Въ мірѣ царитъ самое грубое невѣжество въ отношеніи брака. Но и въ этомъ теософія можетъ помочь человѣчеству. Когда въ бракъ будутъ вступать просвѣщен-

ные мужчины и женщины, съ истиннымъ понятіемъ своей отвѣтственности и обязанности, тогда мы увидимъ на свѣтѣ новую и высшую расу людей.

«Теософія завоевываетъ міръ» сказала Екатерина Тингли въ своей вчерашней лекціи. Это было доказано большимъ запросомъ публики, ибо сегодня всѣ билеты были проданы черезъ 15 минутъ послѣ открытія кассы.

Fabi Kuriren 25. IX. 07. „Теософія, сказала г-жа Тингли, даетъ человѣку болѣе высокое и широкое понятіе о томъ, что такое жизнь, и приноситъ истинное счастіе всѣмъ. Двадцатое столѣтіе ничего не можетъ дать человѣчеству, кромѣ страданія. Счастіе, которое оно предлагаетъ, не есть то настоящее счастіе, которое можетъ дать теософія. Теософія учитъ, что человѣкъ самъ долженъ быть своимъ спасителемъ. Христосъ говоритъ тоже самое, и Онъ былъ живымъ примѣромъ того, какъ людямъ надо жить и какъ идти по пути къ совершенству. Христосъ училъ чистой теософіи. Онъ училъ, что человѣкъ долженъ достигать высшаго совершенства и жить въ свѣтѣ своей высшей природы. Но его ученіе было принято согласно буквѣ, а не духу, такъ что вмѣсто единія людей, получился раздоръ, и вотъ мы видимъ множество сектъ, возникающихъ здѣсь и тамъ и сражающихся только изъ за словъ. Основныя истины которыя Іисусъ училъ не были даны Имъ въ первый разъ. Основаніе всѣхъ великихъ религій міра есть теософія. Она содержится во всѣхъ религіяхъ, которыя стремятся къ свѣту, и теософія—источникъ всѣхъ этихъ религій Теософія учитъ, что человѣкъ божественъ, и что поэтому онъ можетъ регулировать и измѣнять всѣ неблагопріятныя условія на свѣтѣ, которыя были вызваны тѣмъ, что онъ отвернулся отъ божественнаго свѣта въ своемъ сердцѣ и пошелъ за побужденіями своей низшей природы. Всѣ раздоры, враждебность, зависть и эгоизмъ теософія можетъ уничтожить въ человѣчествѣ, потому что она можетъ пробудить сознаніе великаго единства, существующаго въ сердцѣ каждаго человѣка.

Upsala Nya Tidning 23. IX. 07. Видно, что этотъ университетскій городъ необычайно заинтересованъ теософическимъ движеніемъ. Залъ былъ такъ переполненъ, что репортеръ могъ съ трудомъ завоевать одинъ квадратный футъ на галлереѣ. Сначала говорила миссъ Гербертъ. Она обратила вниманіе, что г-жа Блаватская, г-нъ Джоджъ, и г-жа Тингли рѣшительно не одобряли всякаго вида психическіе эсперименты, такъ какъ эти эксперименты очень опасны для духовной и моральной жизни человѣка. Цѣль теософіи—установить полное равновѣсіе между всѣми функціями ума и души.

Она учитъ законамъ эволюціи, которые управляютъ не только физической, но и умственной и моральной жизнью. Истина можетъ быть только одна. Теософія стремится создать здравый умъ въ здравомъ тѣлѣ. Въ ней нѣтъ ничего фантастическаго. Она проста и естественна, и постепенно она показываетъ путь къ построенію человѣческаго храма, т. е. тѣла, какъ достойнаго обиталища для души. Только теософія можетъ осчастливить человѣчество. Карма—это законъ, справедливо и точно управляющій не только физической, но умственной и нравственной природой человѣка и слѣдствіями его мыслей и поступковъ. Перевоплощенія—это эволюція души, которая требуетъ для этого множество формъ и милліонъ вѣковъ. Душа человѣка прошла черезъ минеральное, растительное и животное царство. Но въ будущемъ эволюція приведетъ человѣка къ состоянію Ангела и еще выше. Согласно ученію теософіи—всѣмъ управляетъ законъ, а не случай. Когда люди поймутъ, что всѣ ихъ страданія результатъ ихъ дурныхъ поступковъ въ прошедшемъ, имъ легче будетъ спокойно переносить это съ яснымъ настроеніемъ духа. Мы должны пробудить въ нашихъ сердцахъ симпатію для всего человѣчества и для всего, что живетъ.

Потомъ появилась г-жа Тингли. Она рѣдкій ораторъ. Она сказала нѣсколько комплиментовъ Швеціи и Шведамъ и отмѣтила признаки могущественнаго національнаго пробужденія, много обѣщающаго въ будущемъ.

„Теософія, сказала она, основана на законахъ, управляющихъ порядкомъ всей Вселенной. Но сердце играетъ большую роль въ пониманіи теософіи. Чтобы быть теософомъ, надо раньше быть оптимистомъ. Теософія предлагаетъ новую картину міра. Въ царствѣ мысли наступитъ такая революція, которая принесетъ справедливость и полный просторъ развитію внутренней природы человѣка. Человѣкъ долженъ найти Божество вездѣ, и особенно въ своемъ собственномъ сердцѣ. Божество, которое старается выразить себя въ жизни человѣка, обитаетъ въ его собственномъ сердцѣ. Люди должны научиться жить сообразно съ истинною цѣлью человѣческой жизни, управлять своей низшей природой и прекратить нарушеніе законовъ Вселенной. Доктрина, которая учитъ, что человѣкъ не въ состояніи управлять своей низшей природой,—ужасная ошибка, приведшая въ продолженіе многихъ столѣтій, къ гибельнымъ результатамъ. Развѣ Христосъ не сказалъ своимъ ученикамъ: „Вы боги“?

Теософію понимали ложно; нѣкоторые пытались выразить ее только интеллектуально, — но это неправильный путь. Простая внутренная жизнь всѣхъ религій и философическихъ системъ есть теософія. Теософія оптимистична; она никогда не можетъ принять

матеріализма; она проливаетъ новый свѣтъ на всѣ существованія и совѣтуетъ намъ смотрѣть на задачи жизни собственными глазами".

Е. П. Блаватскую она хвалила, какъ одинокую, героическую вѣстницу истины.

Громкія рукоплесканія были отвѣтомъ на ея рѣчь.

Göteborgs Handels-och Sjöfarts-Tidning. 11. IX. 07. Эта газета удивляется поразительной силѣ и сердечной теплотѣ г-жи Тингли, особенно, когда она говорила, какъ помочь тѣмъ, кто потеряли надежду и недовольны жизнью великое и любящее сердце ея оказываетъ высокое вліяніе на всякаго слушателя.

Утромъ въ понедѣльникъ г-жа Тингли поѣхала въ имѣніе Visingsö, пріобрѣтенное ею. Тамъ нѣкогда стоялъ замокъ Visingslorg, принадлежавшій графскому роду Brahe. Этотъ удивительный замокъ, на берегу моря, сгорѣлъ въ 1718 году, подожженный русскими плѣнниками, заключенными тамъ Карломъ XII. Вотъ въ этомъ то имѣніи Екатерина Тингли намѣрена основать школу Radja Joga (царственнаго единенія),—какъ вѣтвь школы въ Пойнтъ-Ломѣ, въ Калифорніи.

Англійскія газеты говорятъ, что такую же школу она хочетъ основать въ Англіи, въ имѣніи, пожертвованномъ г-жей Нанъ Гербертъ для этой цѣли.

Екатерина Тингли изъ Швеціи посѣтила Голландію и Германію и затѣмъ намѣревается проѣхать въ Англію, передъ своимъ отъѣздомъ въ Америку.

Съѣздъ Теософическаго общества въ Германіи въ 1907 г. въ Лейпцигѣ [1]).

Въ праздникъ Троицы, отъ 19 до 21 мая текущаго года, имѣло мѣсто годичное собраніе Теософическаго общества въ Германіи. Съѣхалось большое количество друзей движенія, многіе пріѣхали изъ заграницы (Австріи и Англіи). Было произнесено участниками много одушевленныхъ рѣчей, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь нѣсколько.

Фридрихъ Ясковскій сдѣлалъ докладъ: *„Теософія и современный человѣкъ"*.

Идутъ въ настоящее время поиски истины. Столѣтіями были довольны положеніемъ, указаннымъ людямъ церковно-христіанскимъ міровоззрѣніемъ и пониманіемъ жизни. Всѣ жили и двигались въ догмѣ, какъ птица въ скорлупѣ яйца, но теперь человѣкъ освободился изъ скорлупы. Онъ не можетъ остаться спокойнымъ, всюду видя загадки и тайны. Тысячу разъ спрашиваетъ онъ: для чего все это? Теологи не могутъ ему дать никакого удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, равно какъ и ученые. Послѣдніе смотрятъ на тайны, какъ на загадки, и думаютъ, что въ позднѣйшія времена съ лучшими средствами и инструментами имъ удастся ихъ разрѣшить. Болѣе глубокомысленные представители науки говорятъ: „ignoramus, ignorabimus". Если насъ не обманываютъ всѣ признаки, мы стоимъ теперь въ преддверіи новой эпохи. Другіе отвѣты должны быть даны на старые вопросы. Кто пойметъ смыслъ отвѣта—для того исчезнутъ всѣ сомнѣнія. Этотъ отвѣтъ не возникаетъ изъ мозга ученаго, а также не изъ сердца филантропа, но онъ коренится въ болѣе глубокомъ источникѣ. Этотъ источникъ—религіозная идея. Занавѣсъ будущаго приподнятъ, и люди съ лучшими глазами прозрѣваютъ содержаніе грядущихъ временъ. Эта религіозная идея—идея мудрой любви, любвеобильной мудрости. Она приходитъ, потому что должна придти, ибо время созрѣло. Въ центрѣ каждаго періода міровой истины лежитъ религіозная идея, и всегда выступленіе новой религіозной идеи—знакъ наступленія новаго періода развитія, новой культуры. Въ основѣ находится одинъ

[1]) По отчету журнала „Theosophischer Wegweiser".

вѣчный идеалъ человѣчества, только формы, въ которыхъ онъ является, смѣняются. Каждая эпоха на одну ступень поднимается выше къ осуществленію идеала. Античная культура должна была исчезнуть. Умиравшій народъ, оглядываясь на прошедшія столѣтія, вызвалъ христіанство. Для его преобразованія были призваны германскіе народы. Переселеніе народовъ привело юныя націи въ тѣсное сближеніе съ древнимъ міромъ (особенно съ римлянами), у которыхъ они заимствовали христіанскія идеи. Такимъ образомъ всѣ вѣтви культуры исходятъ изъ одного ствола христіанства, не только культъ, искусство и наука, но и вся внѣшняя жизнь проникается его духомъ. Но уже спустя нѣсколько столѣтій поблекла христіанская идея въ ея чистотѣ. На ея мѣсто стала догматическая церковь. Но никогда ограниченная форма не можетъ быть основою дальнѣйшаго развитія. И въ эпоху Возрожденія искусство и наука освободились отъ оковъ церковности, и послѣ того нѣкоторые люди дѣлали болѣе или менѣе счастливыя попытки освободить религіозную идею изъ оковъ догматизма. Виттенбергскій соловей началъ щебетать свою пѣснь. Снова поставили христіанскую идею, какъ свободный духъ, въ центръ соціальной жизни. Возникла нѣмецкая философія. Она также обязана христіанству. Но уже замѣчались признаки упадка. Кантъ и Шопенгауэръ соединили въ себѣ стремленія своего времени. Кантъ твердо установилъ, что за явленіями, которыя только одни намъ извѣстны, лежитъ сущность, вещь въ себѣ (Ding an sich). Шопенгауэръ провелъ дальше эту идею. Онъ учитъ, что всѣ вещи для насъ только представленія, и что сущность вещей есть воля. Философію, пришедшую къ этимъ воззрѣніямъ, можно считать характерной для настоящаго времени, равно и то обстоятельство, что ученіе о развитіи нашло всеобщее распространеніе. Современный ученый признаетъ какъ сущность вселенной волю и всюду указываетъ на цѣлесообразность и эволюцію. Отсюда возникаетъ естественно вопросъ: чего хочетъ воля, и куда она стремится?

Наше время даетъ отвѣтъ: Воля ищетъ теософіи, желаетъ любви, которая была бы едина съ мудростью. Стремленіе къ любви основано на стремленіи къ счастію. Воля желаетъ мудрости, вслѣдствіе потребности знанія причинъ. Теософія является какъ тихая, оживляющая потребность въ источникѣ мудрой любви, мистическаго добра, чувства. Только здѣсь воля находитъ миръ. Здѣсь не существуетъ никакихъ ограниченій, никакихъ сомнѣній.

Это пойметъ тотъ, кто, понимаетъ людей.

Что такое человѣкъ? Человѣкъ чувствуетъ себя какъ центральный пунктъ всей вселенной, какъ шаръ съ безконечнымъ содержаніемъ. Сверхсознаніе, организованный принципъ есть центръ, величайшій божественный центръ, изъ коего все вытекаетъ. Человѣкъ носитъ въ себѣ божественный свѣтъ, Вѣчное пребываетъ

въ немъ. Изъ этого центра указывается новая идея, идея мудрой любви. Человѣкъ ищетъ чистую любовь, та же, которую онъ находитъ, его не удовлетворяетъ. Она преходяща, она создаетъ страданіе. Поэтому онъ обращается къ своему божественному центру и находитъ истинное вѣчное блаженство въ мудрой теософической любви. Онъ вступаетъ на путь теософіи. Она есть путь развитія всего человѣчества. Одна теософія можетъ удовлетворить его потребность знанія. Она даетъ отвѣтъ на всѣ вопросы. Человѣкъ знаетъ, что все постигаетъ, всѣмъ обладаетъ въ своемъ божественномъ центрѣ. Онъ чувствуетъ любовь, которая никогда не можетъ быть заглушена, любовь къ духовному.

У человѣчества есть два закона: первый законъ учитъ посвящать свою животную личность на службу разуму; второй законъ говоритъ, что надо разумъ посвятить всеобщей любви. Любящій духовно полагаетъ свою жизнь на благо всѣхъ существъ. Идея духовной любви ведетъ вполнѣ естественно къ всеобщему братству. Теософическое Братство состоитъ въ любви къ идеѣ вѣчности. Эта любовь, которая проявляется въ природѣ, должна жить въ человѣческой жизни Когда каждый отдѣльный человѣкъ будетъ вѣренъ теософической любви, тогда начнется весна для народа. Теософическая идея ничего общаго не имѣетъ съ формами, она стоитъ выше догмъ, исповѣданій, расъ, пола и пр. Она есть единственная духовная связь всѣхъ во всемъ. Она есть идея, которую современное человѣчество призвано осуществить. Поэтъ, мистикъ, посвященный созерцаетъ черезъ свою любовь гармонію и смыслъ во всякомъ хаосѣ. Въ нашемъ сердцѣ горитъ добро: все хорошо лишь въ любви, и все хорошо вслѣдствіе любви.

Эрнстъ Горземанъ говорилъ на тему: *„Какъ и гдѣ достигается познаніе высшихъ міровъ“.*

Я всегда думалъ, что все величайшее должно быть и самымъ простымъ. Должно найти путь, по которому всѣ могли бы идти, надо найти истину, въ которой раскрывались бы всѣ тайны міра. И такая истина существуетъ. Для ея познанія мы должны познать самихъ себя. У насъ не одинъ лишь видимый міръ. Въ этомъ мірѣ живетъ много людей, и тогда какъ ученый живетъ въ своемъ духовномъ мірѣ, мудрецъ живетъ на небѣ. Всѣ эти міры проникаютъ другъ друга, и каждый человѣкъ носитъ въ себѣ весь міръ. Когда нѣкогда ученикъ спросилъ Іисуса: „Учитель, гдѣ Отецъ? покажи намъ Отца“, то Онъ отвѣчалъ: „Отецъ на небесахъ“. На вопросъ: гдѣ Царство Небесное?—„Царство Небесное не здѣсь и не тамъ, а внутри васъ“. Это совершенно ясно и просто. Мы должны научиться на высшіе міры смотрѣть болѣе естественно. Астральный, умственный и духовный міры—всѣ постепенно придутъ въ наше сознаніе.

Въ наши дни много говорятъ о ясновидѣніи и яснослышаніи. Эти способности не новы. Уже мудрый Сократъ могъ ясно слышать. Все, что есть, возникаетъ изъ духовнаго міра, и все основано на движеніи. Подобно тому, какъ тонкость слуха человѣка узнается измѣреніемъ разстоянія, на какомъ онъ слышитъ звукъ сирены, подобно этому легко установить, что ясновидящій—человѣкъ съ особенно тонкими нервами, вслѣдствіе чего тонкія колебанія могутъ на него реагировать. Но старанія искусственно ослабить свои нервы, напр. изнуряя свое тѣло голодомъ, для пріобрѣтенія ясновидѣнія и яснослышанія противно закону природы. Мы не можемъ насильно заставить почку сразу распуститься въ цвѣтокъ. Необходимо продолжительное время для этого. Такъ и у людей. Просто и естественно должно совершаться развитіе. Всѣ попытки его ускорить не остаются безнаказанными. Мы хорошо знаемъ, что въ Индіи есть люди, которые могутъ управлять своими органами, напр. искусственными упражненіями они достигаютъ возможности произвольно останавливать біеніе сердца, процессъ дыханія и пр. Мы же должны радоваться, что функціи нашего тѣла независимы отъ насъ. Надо идти по пути Раджа Іога [1]), расширять мышленіе, и тѣло правильно питать, т. е. естественно и умѣренно. Скажи мнѣ, куда стремится твоя душа въ спокойное время, и я тебѣ скажу, гдѣ ты находишься. Если мы хотимъ найти путь къ небу, то должны пріучить себя къ логическому и серіозному мышленію. Чистое размышленіе — есть основное условіе внутренняго спокойствія и предпосылка всѣхъ мистическихъ стремленій. Мы должны быть тѣмъ, что мы есть, и тогда мы находимся на вѣрномъ пути.

Однажды къ Е. П. Блаватской пришелъ ученый господинъ и просилъ ее научить его оккультизму, причемъ прибавилъ, что прочелъ всѣ ея сочиненія. Она отвѣтила ему на это, что для достиженія цѣли, онъ долженъ помочь бѣдной женщинѣ, которая въ это время стояла у окна на улицѣ. Почему она дала ему такой совѣтъ? Потому что истинная оккультическая мудрость проявляется въ дѣлахъ любви. Пусть люди поднимаются вверхъ по лѣстницѣ къ вѣчности, какъ бы высока она не была, но каждый долженъ заботиться о томъ, чтобы вступать на ступеньки лѣстницы чистыми ногами. Исполнили ли мы все, что нужно, для омовенія нашихъ ногъ, т. е. выполнили ли мы свои обязанности къ ближнимъ? Если мы чисты, то нѣтъ такихъ препятствій, какихъ мы не могли бы преодолѣть.

Пусть каждый дѣлаетъ и живетъ по своему, но не причиняя ни одному существу страданій. Тогда мы будемъ истинными людьми, спокойными, безстрашными, довольными всюду и вездѣ; тогда не-

[1]) Царственное единеніе.

будетъ существовать для насъ никакихъ трудностей. Когда мы потеряемъ друга, то будемъ знать, что то, что мы вѣчно любимъ, существуетъ вѣчно. Потеряемъ ли деньги, то подумаемъ о сокровищѣ въ нашемъ сердцѣ. „Ищите прежде всего правды Божіей и царства Его, и все прочее приложится вамъ". Тогда все больше мы будемъ познавать въ себѣ небо. Мы не будемъ спрашивать, кто находится передъ нами,—богатый или бѣдный, грѣшникъ или праведникъ, мужчина или женщина. Мы будемъ видѣть въ нихъ только людей. Всѣ препятствія исчезнутъ изъ нашего сознанія, и освободительное чувство единства станетъ жизненнымъ. Конечно, отъ истинныхъ людей до богочеловѣка только одинъ шагъ. Я смотрю въ даль и вижу новое небо и новую землю. «Блажены чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ».

При большомъ количествѣ собравшихся слушателей *В. Сторостъ* говорилъ на тему: *„Очеркъ исторіи развитія человѣчества"*:

Чтобы обрисовать эту исторію, можно обратиться къ тому, что указывали мудрецы древнихъ временъ,—на то, что находится въ лучшихъ сочиненіяхъ различныхъ народовъ. Это я намѣреваюсь сдѣлать. Я хочу опереться на «Тайное ученье» Блавацкой, но не буду вдаваться въ подробности, а буду говорить о главнѣйшихъ моментахъ развитія человѣческаго рода, на сколько я ихъ могу понять. Для могучаго полета черезъ міровую исторію должны мы широко расправить крылья нашего воображенія, освободить нашъ взглядъ, чтобы быть въ состояніи созерцать Вѣчное. Тогда съ нами произойдетъ великая перемѣна, ничтожнымъ покажется намъ все то, что насъ раньше интересовало. Это расширеніе нашей способности воображенія, нашего самосознанія, не мечтанія, но означаетъ лишь поднятіе надъ бурною смѣною явленій, изо дня въ день, изъ года въ годъ, изъ столѣтія въ столѣтіе.

Въ темную вѣчность желаемъ мы проникнуть. Тамъ находимъ мы Единое—вѣчную, безпричинную причину. Мы не можемъ ничего сказать о ней, но лишь созерцать, какъ она проявляется. Мы видимъ какъ выступаетъ отдѣльная причина, Логосъ, въ жизнь. Она озираетъ вокругъ себя область проявленія и, спускаясь къ ней, вызываетъ новыя причины. Такъ возникаютъ черезъ первую причину, длинные круги эоновъ, сферы. Въ послѣднихъ сферахъ появляется первая причина какъ застывшая, она принимаетъ матеріальныя формы. Здѣсь достигается конечность, такъ называемый мертвый пунктъ, откуда развитіе начинается снова къ духовному. Въ продолженіе развитія не только въ области сгущенія образуются сферы, но и въ каждой отдѣльной сферѣ развиваются сознательныя, интеллигентныя, творческія силы. Какъ силы высочайшихъ духовныхъ сферъ, которыя стоятъ ближе всего къ первой причинѣ,

такъ и низшихъ матеріальныхъ находятъ объединеніе въ совершенныхъ формахъ. Что человѣкъ воплощаетъ всѣ сферы и всѣ силы различныхъ сферъ въ немъ приводятся въ дѣйстые,—древніе выражали словами: «Небо и земля движутся вокругъ людей».

Каждый человѣкъ есть микрокосмъ, маленькая гармонія сферъ. Но въ началѣ духовныя силы спятъ въ немъ, какъ мертвыя. Возникаетъ матерія. Но она должна умереть снова, чтобы воскресъ духъ. Онъ не находитъ немедленнаго прогрессиваго развитія, но возникшія формы еще матеріальны, свѣтъ еще мерцаетъ, еще не пробудилось самосознаніе. Вѣчная жизнь, въ началѣ бодрствующая, впадаетъ въ сновидѣнія и, наконецъ, погружается въ глубокій, глубокій сонъ. Совершенно постепенно начинается возвращеніе къ духовности, къ Вѣчному.

При дальнѣйшемъ сгущеніи матеріи выступаетъ все большая дифференцировка, все болѣе оживленный сонъ, имѣетъ мѣсто раздѣленіе половъ, возникаютъ языки и т. д. Раздѣленіе половъ очень значительный моментъ въ исторіи развитія человѣчества. Человѣкъ представляетъ глубочайшую степень матеріальности. Пробужденіе духа начинается въ немъ съ сознаніемъ «я», и именно сперва образуется понятіе о «я» физическомъ, чувственномъ и умственномъ. На этой ступени человѣкъ чувствуетъ себя во всякомъ отношеніи какъ что то отдѣльное, отъ другого отвлеченное, различное. Въ этомъ грѣхопаденіе. Человѣкъ долженъ начать съ мышленія о себѣ, какъ личности, онъ долженъ грѣхъ совершить, чтобы узвать, что онъ существуетъ. Эта жизнь сна становится въ отношеніи чувствъ желаній, удовольствія и неудовольствія все живѣе. Какъ центръ ея есть «я», которое желаетъ наслаждаться.

На опредѣленной ступени человѣкъ долженъ быть самолюбивымъ, ибо черезъ эгоизмъ можетъ убѣдиться онъ, что эгоизмъ не удовлетворителенъ. Въ этомъ спасеніе. Чѣмъ болѣе эгоистъ привлекаетъ къ себѣ внѣшній міръ, тѣмъ отчетливѣе познаетъ онъ, что не можетъ отъ міра получить желаемую полноту жизни. Чтобы пріобрѣсти правильное понятіе, ему нужно стать въ правильныя отношенія къ другимъ формамъ. Поворотнымъ пунктомъ развитія является отношеніе къ другому полу. Всякій долженъ учиться смотрѣть на это отношеніе, какъ средство дальнѣйшаго развитія отдѣльныхъ единицъ и цѣлаго. Въ эгоистѣ мы видимъ существо, которое желаетъ проявить черезъ себя полноту жизни во внѣ. Онъ познаетъ далѣе, что эгоистическое сознаніе личности не есть дѣйствительность. Для этого служитъ ему семейная жизнь. Безсознательно развиваетъ онъ въ этомъ маленькомъ кругу высшія силы. Онъ принужденъ себя забывать и чувствуетъ счастіе въ любви, которую онъ даетъ другимъ. Работа человѣка, возвращающагося вечеромъ уставшимъ къ семьѣ, для которой онъ трудится, означаетъ этапъ развитія. Че-

ловѣкъ учится въ этомъ маленькомъ мірѣ всему возвышенному: кротости, терпѣнію, честности, цѣломудрію.

Такъ разрѣшаетъ онъ вопросъ эгоизма, когда онъ проявляетъ ежедневно любовь, которая о себѣ не думаетъ. Такъ является для него любовь ко всѣмъ, величайшимъ счастіемъ! Когда онъ такимъ образомъ выражаетъ вѣрность и любовь и никогда при этомъ о себѣ не думаетъ, — онъ работаетъ на исчезновеніе своего ложнаго «я». Сознаніе личности прекращается. Все больше уменьшается эгоизмъ, и все больше растетъ высшая жизнь. Онъ замѣчаетъ, что его окружаетъ возвышенная тайна. Она не сказка, нѣтъ, но дѣйствительность: теософія есть божественная жизнь. Ее не могутъ основать люди. Великое единеніе съ вѣчнымъ имѣетъ мѣсто. Съ прекращеніемъ разъединенія замѣчаетъ онъ силу, которая въ него входитъ и облагораживаетъ.

Когда онъ приходитъ въ соединеніе съ возвышеннымъ, съ Христомъ, тогда онъ узнаетъ, что такое божественная жизнь. Когда въ немъ вѣетъ Св. Духъ, онъ чувствуетъ, что нѣтъ никакого раздѣленія. Онъ долженъ умереть какъ личный человѣкъ, ибо онъ созерцаетъ истину. Онъ поднимается на ступень богочеловѣчества, къ теософическому братству.

Это состоитъ также въ томъ, что каждый проявляетъ божественное, неразрывное въ себѣ и черезъ себя, что во всѣхъ Христосъ открывается, который во всѣхъ существахъ одинъ и тотъ же. Тогда исчезаетъ вопросъ пола: существуетъ только одинъ родъ. Человѣкъ свое развитіе держитъ въ своихъ рукахъ. Свободно осуществляетъ онъ любовь, послѣднюю великую силу развитія. И онъ чувствуетъ, какъ много счастія она приноситъ. Чѣмъ одушевленнѣе становится онъ, тѣмъ отчетливѣе познаетъ, что добро и зло по существу неразрывны и являются лишь ступенями длинной лѣстницы развитія.

Всѣ препятствія падаютъ, жизнь, какова она есть, стоитъ передъ человѣкомъ въ своей безконечности, и онъ познаетъ: никто не отдѣленъ отъ вѣчной причины. Это чудное состояніе, несказанная гармонія; всѣ міры изчезаютъ въ сознаніи его божественной сущности. Онъ стоитъ самъ въ вѣчной причинѣ. Онъ сходенъ съ каплей, которая упала въ море.

Блажены тѣ, которыхъ охватываетъ тоска по родинѣ, ибо они придутъ въ домъ свой.

Эмма Гелингъ говорила на тему: „*женскій вопросъ при свѣтѣ теософическаго міросозерцанія*".

Между прочимъ она отмѣтила слѣдующее:

Теософъ видитъ въ стремленіи женщинъ къ равноправію съ мужчинами небходимую фазу развитія, которую онъ давно уже предвидѣлъ и горячо привѣтствуетъ. Женское движеніе, какъ всѣ

событія и какъ большая часть стремленій къ реформамъ, вытекаетъ изъ потребностей времени и потому необходимо, и въ немъ можно видѣть предвѣстника новой эры, духовнаго роста женщинъ. Когда всѣ женщины исполнятся духовными стремленіями въ высочайшемъ смыслѣ слова, какая тогда наступитъ высокая семейная жизнь! Тогда можно будетъ сказать: «женственность вѣчная насъ къ небу подъемлетъ»!

Слѣдующій V теософическій конгрессъ состоится въ Троицинъ день въ 1908 году въ Висбаденѣ.

Въ религіозно-философскомъ обществѣ. Въ текущемъ году возобновились публичныя засѣданія «Религіозно-философскаго Общества», въ С.-Петербургѣ, которыя три года тому назадъ такъ сильно волновали извѣстную часть духовенства.

8-го ноября въ Теографическомъ Обществѣ, состоялось 3-е публичное засѣданіе религіозно-философскаго общества.

Былъ заслушанъ докладъ Д. С. Мережковскаго „О церкви будущаго".

Есть ли Богъ или нѣтъ? Вотъ, кажется, самый нелюбопытный вопросъ въ наши дни, говоритъ Мережковскій. Какое дѣло людямъ до Бога? Онъ ихъ не одѣлъ, не накормилъ, не избавилъ отъ рабства. Но идея о Богѣ неистребима. Я знаю, что я умру; но я хочу жить и послѣ смерти. Мало того, хочу, чтобы и тѣ, кого люблю, всегда были. Любовь и смерть—приводятъ къ необходимости религіи. Но со смертью, какъ отрицаніемъ личнаго бытія, сознаніе не можетъ помириться во имя любви. Это антиномія, изъ которой нѣтъ эмпирическаго выхода. Выходъ даетъ только религія.

Были попытки замѣнить религію,—искусство, наука, семья, родъ и, наконецъ, общественность. Но примирить противорѣчія любви и смерти, какъ утвержденія и отрицанія бытія наличности, они не въ силахъ. Предметъ искусства—красота жизни—побѣждается уродствомъ смерти. Наука знаетъ лишь вѣчность матеріи, вѣчность движенія; человѣческая личность есть лишь „явленіе".

Въ семьѣ и родѣ (бытіе въ потомкахъ) противорѣчіе лишь нѣсколько переносится въ болѣе или менѣе отдаленное будущее. Общественность, безсмертіе человѣческаго муравейника, кончается съ неминуемымъ концомъ нашего земного міра. Да и помимо того, въ соціализмѣ, какъ религіи, личность приносится въ жертву безличному цѣлому. Соціализмъ только устраняетъ, а не разрѣшаетъ религіозную проблемму абсолютной личности. Итакъ, религіозный смыслъ міра утраченъ современнымъ человѣчествомъ. Человѣчество подобно дереву, корни котораго посохли. Оно можетъ еще нѣкоторое время зеленѣть. Но ужъ вершина его вянетъ и желтѣетъ.

Скорбь человѣчества, о которой предсказалъ Христосъ, выражается, какъ въ своихъ послѣднихъ философскихъ стадіяхъ, въ буддійскомъ нигилизмѣ и анархизмѣ. Анархизмъ лишь только зарождается. Это —великій бунтъ личности противъ общественности; полярная противоположность соціализму. Но придетъ время, и бунтъ противъ зла соціальнаго перейдетъ въ бунтъ противъ зла космическаго, противъ міра и Бога: „я“ противъ „не-я“.

И человѣкъ послѣдняго отчаянія услышитъ и приметъ благовѣстъ новой религіозной надежды.

Но если бы наступилъ самый рай на землѣ, и при этомъ осталась бы возможность смерти, какъ небытія личности, —человѣкъ не былъ бы удовлетворенъ.

Религіозное, т. е. абсолютное, утвержденіе жизни, требуетъ и абсолютнаго отрицанія смерти. И наоборотъ, возможность смерти уничтожила бы метафизическую реальность небытія. Если бы хоть одинъ человѣкъ не умеръ, или бы умеръ и воскресъ, — законъ смерти былъ бы побѣжденъ. И знаніе одного такого факта преобразило бы весь міръ человѣческій. Христіанство утверждаетъ, что человѣкъ такой былъ. Это—Іисусъ. Если онъ не воскресъ,—то христіанство есть величайшій изъ обмановъ.

Фактъ воскресенія не противорѣчитъ ли разуму? Законамъ чистаго разума онъ также мало противорѣчитъ, какъ и фактъ физической смерти или физическаго рожденія. Опытному разуму? Но этотъ разумъ заключаетъ только „къ вѣроятному“.

Однако, въ человѣческомъ сознаніи внѣ христіанства и въ христіанствѣ фактъ воскресенія тѣла Христова затѣненъ, забытъ. Исполинскій ростъ точныхъ знаній далъ опытному методу надъ критическимъ неимовѣрный перевѣсъ. И вслѣдствіе создавшихся новыхъ привычекъ мышленія люди считаютъ необычайное невѣроятнымъ и невѣроятное—невозможнымъ. Само же христіанство уклонилось въ сторону догматическаго спиритуализма, увлеклось ученіемъ о безсмертіи душй. Для послѣдняго же нѣтъ надобности въ воскресеніи Христа. Еще Сократъ своею смертью доказалъ это безсмертіе. Для христіанства въ этомъ начало конца. Но это не конецъ религіи; а начало новой. Не даромъ троичности мистическаго познанія соотвѣтствуетъ троичность метафизическая въ діалектическомъ развитіи. Богъ открылъ Себя въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ тезисъ, въ объективности внѣшняго міра. Въ Новомъ Завѣтѣ, откровеніи 2-й Ипостаси первое низшее единство разлагается на два сознательныхъ высшихъ начала—духъ и плоть, Космосъ и Логосъ (антитезисъ). Третья ступень откровенія—синтезъ и будетъ откровеніемъ Духа, новой религіей. Это—не отрицаніе христіанства, а „исполненіе“, подобно тому, какъ само христіанство было „исполненіемъ“ ветхаго завѣта.

Въ современномъ пониманіи христіанства произошло поглощеніе тезиса антитезисомъ, плоти—духомъ. Это особенно сказалось въ ученіи о полѣ, бракѣ и общественности. Совершенный христіанинъ, это—отшельникъ; бракъ, только допускаемое зло; общество—монашеская община, внѣшнее скопленіе одинокихъ личностей. Вмѣсто церкви была только идея церкви. Христосъ—Царь только на небѣ, а на землѣ христіанство отдало власть „Князю міра сего".

И это отшатнуло человѣчество отъ христіанства. Но наступитъ время мірового синтеза. Тайна личности, пола и общества разрѣшится въ послѣднемъ откровеніи—Трехъ въ Единомъ и Единаго въ Трехъ.

Послѣ перерыва были пренія. Такъ какъ самого Д. С. Мережковскаго не было на собраніи, то пренія не имѣли того интереса, какого заслуживали. (газ. Рѣчь).

Научныя замѣтки и Смѣсь.

Живая земля. Ольдгамъ, знаменитый англійскій сейсмологистъ, изслѣдуя два великія землетрясенія въ 1906 году, въ Калифорніи и Колумбіи, замѣтилъ, что колебанія изъ этихъ центровъ распространялись неодинаково на востокъ. Изъ Санъ-Франциско колебаніе прошло всю Сѣверную Америку, послѣ по дну моря къ югу отъ Исландіи и приблизилось къ Европѣ съ сѣверо-запада, слѣдовательно вездѣ выбирая мелкое дно. Но колебаніе изъ Колумбіи прошло черезъ самую глубокую часть Атлантическаго Океана. Поэтому онъ предполагаетъ, что болѣе медленное второе колебаніе шло по совершенно иного рода земной корѣ, приблизительно на четверть земного радіуса, и что подъ морями земная кора иного состава, чѣмъ подъ материками. Древніе ученые предполагали тоже, что земля не вездѣ одинакова въ своемъ составѣ, и что она живое органическое существо. Кто знаетъ, можетъ у нея есть каналы для ея крови, электричества,—и сердце и циклы перемѣнъ, соотвѣтствующіе подъему и упадку народовъ, и воображеніе согласованное съ исторіей и близкое къ человѣку. Развѣ жизнь составляетъ исключеніе въ природѣ, а не общее правило?

Неизслѣдованныя пространства. Немногимъ извѣстно, какія большія пространства на землѣ еще не изслѣдованы. Кромѣ двухъ полюсовъ, остается еще много пространства въ Африкѣ, даже въ Мексикѣ и Центральной Америкѣ. Два милліона квадр. миль еще не изслѣдованы въ Бразиліи, особенно въ неприступныхъ лѣсахъ Амазонки. Если изслѣдователь любитъ сухую страну, можетъ попробовать изслѣдовать Тибетъ. Если не боится рисковать жизнью, то можетъ изслѣдовать южную Аравію, гдѣ можно найти много археологическаго. Есть еще и другія мѣста въ Азіи. Потомъ остается еще Борнео, Новая Гвинея, и громадныя пространства въ Австраліи. Нельзя предполагать, что всѣ острова Тихаго Океана нанесены на карту. Если бы это было такъ, то не появлялось бы постоянно столько новыхъ острововъ. Изслѣдованій хватитъ еще лѣтъ на двѣсти.

Хвосты Кометъ. Механическая теорія проф. Бредихина есть та, что хвостъ и эманація ядра кометы состоятъ изъ вѣсомой матеріи, очень утонченной, которая притягивается или *отталкивается* отъ солнца, согласно своему химическому составу. Но вѣдь теорія тяготѣнія (ньютоновское яблоко) не признаетъ отталкиванія. Елена Петровна Блаватская довольно остроумно сказала. «Наукѣ можно припомнить, что «яблоко» довольно опасный фруктъ, второй разъ въ исторіи человѣчества оно можетъ повести къ *паденію*—на этотъ разъ уже *точной* науки. Нельзя обвинить хвостъ кометы, не обращающій вниманія на теорію тяготѣнія, въ повиновеніи этому закону».

Золотой Вѣкъ. Сэръ Уильямъ Рамзай, великій англійскій химикъ, нашелъ время заняться исторіей религій. Онъ объясняетъ въ «Contemporary Review», что всѣ его изслѣдованія показали, что исторія религій среди людей есть исторія вырожденія. Также прогрессъ Западныхъ на-

родовъ въ изобрѣтенiяхъ и цивилизацiи послѣднихъ столѣтiй не долженъ насъ ослѣплять къ факту, что среди громаднаго большинства нацiи обычаи и понятiя выродились къ худшему. Поэтому сэръ Рамзай принимаетъ теорiю существованiя Золотаго Вѣка въ началѣ, и постепенное удаленiе отъ добра, счастiя и симпатiи съ Божественной природой, обитающей въ душѣ человѣка. Вся древняя литература проникнута этой идеей. Такого глубоко заложеннаго чувства въ душѣ человѣка нельзя отвергать легкомысленно. Исторiя подтверждаетъ фактъ. Теософiя можетъ къ этому добавить, что это продолжится, пока человѣкъ не научится страданiемъ находить причину этого страданiя, научится не однимъ умомъ, а всѣмъ своимъ сознанiемъ. Послѣ этого нѣтъ такихъ высотъ, которыхъ человѣчество не могло бы достигнуть. Тогда Золотой Вѣкъ вернется. Объ этомъ древнемъ Золотомъ Вѣкѣ такъ говоритъ Блаватская: «Какая же была религiя у третьей и четвертой расы,—т. е. у тѣхъ расъ, которыя предшествовали нашей Арiйской расѣ и были свидѣтелями разцвѣта и упадка Золотого Вѣка? Въ обыкновенномъ значенiи этого слова ни Лемурiйцы (третья раса) ни Атлантиды (четвертая) не имѣли никакой религiи, ибо они не знали ничего о догматахъ и не были принуждены принимать ничего на вѣру. Какъ только умственный глазъ человѣка открылся его пониманiю, третья раса почувствовала себя составляющею одно съ однимъ Всемiрнымъ Божествомъ. Обладая тогда божественными силами и чувствуя въ себѣ свѣтъ Божества, каждый чувствовалъ себя Бого-Человѣкомъ въ своей природѣ,—будучи одновременно животнымъ въ своей физической личности. Борьба между этими двумя принципами началась съ того дня, какъ люди вкусили плода Древа Мудрости,—борьба на жизнь и смерть между духовной и психической, психической и физической природой.»

Эта борьба еще продолжается: но пробужденiе «въ одинъ моментъ» уже не далеко; и тогда всѣ затрудненiя исчезнутъ съ пути къ настоящей жизни, той жизни, для которой все предыдущее было только приготовленiемъ.

Человѣческая Троица. Самое лучшее опредѣленiе грѣха, когда либо сдѣланное появилось въ сентябрьскомъ номерѣ «Nineteenth Century and After», съ подписью епископа. Онъ говоритъ, что грѣхъ, это обдуманное отождествленiе личности, обладающей безконечными возможностями съ тѣми удовлетворенiями своихъ желанiй, которыя конечны, и что «Паденiе» человѣка заключалось не въ томъ, что онъ былъ безконеченъ и сдѣлался конечнымъ, а въ томъ, что будучи безконечнымъ, онъ сознательно отождествилъ себя съ конечными удовольствiями». Епископъ могъ бы идти дальше и сказать, что есть та часть сознанiя человѣка, которая никогда не сходила съ высоты, т. е. Душа, безъ постояннаго побужденiя которой человѣкъ не былъ бы въ состоянiи восходить по лѣстницѣ прогресса. Она послала работника, т. е. человѣка, въ виноградникъ, т. е. въ мiръ матерiи и чувствъ, для его обработки, но онъ забылъ возложенную на него задачу.

Человѣкъ, какъ говоритъ Св. Павелъ, тройственъ въ своемъ сознанiи; есть сознанiе ощущенiй, т. е. *тѣла*, въ которомъ онъ затерялся; есть сознанiе личности,—«низшее я»; и есть осѣняющая его Душа, или, какъ Павелъ называетъ ее, Духъ. А еще выше этого состоянiя сознанiя есть еще состоянiе, или Присутствiе, которое составляетъ главную поддержку и первоисточникъ всѣхъ остальныхъ, и которое можно назвать мистическимъ Христомъ, обитающимъ въ сердцѣ человѣка.

Миссiя Японiи. Одинъ Англичанинъ написалъ книгу «Будущее Японiи» (The Future of Japan). Онъ говоритъ въ ней: «Можемъ ли мы ожидать въ новомъ и сильномъ выступленiи Японiи новую идею, новое толкованiе, которое откроетъ собою новую исторiю, начало новой эры человѣчества?».

Авторъ думаетъ, что всякое новое движеніе включаетъ новую религію, но вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ равнодушіе Японіи ко всякой религіи. Это сбиваетъ автора съ пути. Понятно, что Японія не интересуется популярнымъ агломератомъ, какъ говоритъ онъ, догматическаго христіанства, со всѣми нараіценіями греческой философіи, ходящей подъ маской христіанской теологіи, а также Римскимъ прагматизмомъ и церковнымъ имперіализмомъ. Догматы, которые уже теряютъ силу въ Европѣ, не производятъ впечатлѣнія и въ Японіи. Авторъ добавляетъ, что Японія намѣрена остаться совсѣмъ безъ религіи, или принять такую, которая была бы выше всѣхъ раньше испробованныхъ. Но гдѣ же авторъ найдетъ такую религію? Не лучше ли предположить, какъ и теософы думаютъ, что понятіе о Христѣ родится въ умѣ Японца, но уже чистая, безъ всякаго догматическаго осложненія, безъ всякаго клерикализма. Уму азіата знакомы великія Личности духовныхъ Учителей, и между ними Личность Іисуса Христа, понятно, будетъ включена. И тогда умъ его лучше пойметъ универсальность единой Истины и ея примѣненіе ко всякому мѣсту и времени. Азіаты, которые считаютъ насъ паріями и варварами, поймутъ тогда, что даже *намъ*, Очагъ Свѣта послалъ своего Вѣстника. Такимъ образомъ Японія будетъ звеномъ, соединяющимъ Востокъ съ Западомъ, для взаимнаго знакомства и братства, и даже теперь такая идея распространяется въ Японіи.

Алкоголь. Недавно лондонская газета «Science» собрала всѣ дебаты объ алкоголѣ, происходившіе въ «Британскомъ Обществѣ споспѣшествованія наукѣ». Пусть читатель самъ прилежно наблюдаетъ вліяніе алкоголя. Онъ увидитъ, что жертва этого порока теряетъ сначала свои духовныя и моральныя качества, потомъ высшія идейныя силы и уваженіе въ другихъ, потомъ высшія качества ума, безъ которыхъ онъ дѣлается жалкимъ, грубымъ, мало мыслящимъ полуживотнымъ, затѣмъ умъ его совсѣмъ замираетъ, оставляя только животныя физіологическія функціи. Когда и это остановится, человѣкъ практически представляетъ разлагающуюся кучу растительной массы.—Съ другой стороны поливка растеній алкоголемъ, показала, что ихъ ростъ останавливается, согласно пропорціи алкоголя. Тоже самое замѣчено и съ ростомъ щенковъ. Даже психологическія измѣренія показали, что черезъ минуту или двѣ послѣ принятія самыхъ ничтожныхъ дозъ алкоголя, каждое изъ нашихъ пяти чувствъ дѣйствуетъ хуже. Изъ опытовъ доктора Parkes, который давалъ три дня первому солдату кофе, второму супъ, а третьему алкоголь, видно, что алкоголь меньше всѣхъ остальныхъ средствъ способствовалъ работоспособности и выносливости. И, наконецъ, читатель узнаетъ, что извѣстная живость и болѣе сильное біеніе сердца происходятъ не потому, что алкоголь оживляетъ, а потому что онъ парализуетъ регулирующее вліяніе пневмогастрическаго нерва. Это похоже на фактъ, что коляска съ горы идетъ скорѣе въ случаѣ порчи ея тормаза, и т. д. Даже, если бы мы допустили, что алкоголь дѣйствуетъ хорошо на кого-нибудь, то развѣ эта сомнительная польза можетъ уравновѣсить сокращеніе жизни, пренебреженіе обязанностями, ухудшеніе работы, опасность при отвѣтственной работѣ для другихъ, иногда для цѣлыхъ желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ; ссоры, убійства, дурную привычку и болѣзнь пьянства, моральное разрушеніе, и наконецъ вырожденіе цѣлыхъ семействъ и народовъ,—и все это для удовольствія немногихъ тѣхъ, которымъ алкоголь будто бы не вредитъ. Есть о чемъ подумать передъ совѣстью и Богомъ, если въ насъ хоть капля Божества, и если мы сколько нибудь не лжемъ, говоря, что любимъ нашу родину и человѣчество, или хотя бы близкихъ къ намъ людей.

Нужда въ посредникахъ. Если бы люди минувшихъ столѣтій, хотя бы даже только христіанской эры, искали Свѣта *для міра*, они бы получили его гораздо больше; только очень немногіе начинаютъ понимать эту истину; другіе же опять приготовляются къ ней на совсѣмъ иномъ полѣ изслѣдованій передачи мыслей на разстояніи, называемой ими телепатіей и т. п.

Божество всегда близко, всегда окружаетъ насъ, всегда готово войти въ насъ. Но это «Царство Божіе» достигается только усиліемъ при теперешнемъ развитіи человѣчества. Оно выше и внѣ той сферы ума и чувства, въ которой живетъ большинство. Между нимъ и обычной сферой мышленія существуетъ пропасть, которую надо перейти «силою» какъ говоритъ Евангеліе. Но разъ человѣкъ достигъ его, его умъ поднимается выше и тогда купается въ этомъ идеальномъ Свѣтѣ. Кромѣ того онъ является посредникомъ и передаточной инстанціей этого свѣта, въ большей или меньшей мѣрѣ, для той массы людей, которые не знаютъ о своемъ великомъ наслѣдствѣ. Степень полученія Свѣта опредѣляется степенью альтруизма. Умъ человѣка отворяется къ Свѣту на столько, на сколько онъ желаетъ *передать* его людямъ.

Но большинство изъ тѣхъ немногихъ, которые достигали его, желали получить эту небесную манну или «благодать» преимущественно для себя. Но такъ какъ эти люди были до нѣкоторой степени альтруистичны, такъ какъ они употребили нѣкоторое усиліе, чтобы покорить свои животныя качества, то они получили немного этого Свѣта. Но сердце было бы наполнено имъ гораздо больше, если бы они желали только раздавать этотъ Свѣтъ, изучать его, если бы ихъ умъ былъ настроенъ въ полный унисонъ съ горестями и нуждами человѣчества, если бы они обладали совершенною любовью. Тогда бы они могли передавать въ тысячу разъ больше. Ихъ невидимое тайное благословеніе проникло бы гораздо дальше. Такіе люди иногда могутъ говорить и писать красиво, иногда они не имѣютъ этого дара. Но это все равно. Ихъ умъ передавалъ бы этотъ Свѣтъ человѣчеству днемъ и ночью какъ съ этимъ согласны и многіе ученые. Какъ струя воды можетъ передавать электричество,—лучи ихъ мыслей и чувства передавали бы гораздо больше энергіи. Такой человѣкъ—это постоянный посредникъ и истолкователь для людей почти неизвѣстнаго имъ божественнаго языка. Активное и совершенное чувство братства—это состояніе идеальной возмужалости.

Близорукая цивилизація. Проф. Scott изъ Northwestern University собралъ статистику о близорукости. Суммируя офиціальныя данныя Америки, онъ говоритъ: «Все, безъ исключенія, убѣждаетъ насъ, что близорукость въ школахъ постепенно увеличивается, пока въ старшихъ классахъ не достигаетъ 60 или 70% всего числа учениковъ». Докторъ Cohn, изслѣдовавшій глаза 10,000 учениковъ въ Бреславлѣ говоритъ тоже самое. Проф. Scott, замѣчаетъ также, что въ послѣднія времена болѣзнь эта стала еще сильнѣе развиваться. Въ одномъ случаѣ, ученики, пробывшіе въ школѣ только полтора года, дали 84% близорукости! Оказалось, что они читаютъ много, такъ что количество книгъ, прочитанныхъ только для удовольствія, достигло 22 на ученика! Мы пріобрѣтаемъ дѣтямъ очки, и полагаемъ, что лекарство найдено, но не подумаемъ, что сама система ученія, которая такъ разстраиваетъ самый важный органъ—глаза, должна быть неудовлетворительна въ своемъ основаніи. Вѣдь близорукость—это проявленіе безповоротныхъ результатовъ форсировки нѣжнаго организма. Самыя условія цивилизаціи, требующей это, должны быть очень неправильны. За форсировку организма по всѣмъ направленіямъ придется вѣдь дорого заплатить въ будущемъ. Въ образцовой школѣ въ Пойнтъ-Ломѣ, (Калифорнія), близорукости не замѣчается. Но вѣдь и условія жизни и характеръ цивилизаціи тамъ иные. Теософія прежде всего требуетъ здороваго ума въ здоровомъ тѣлѣ, и только на этомъ прочномъ фундаментѣ дѣлаетъ надстройку Свѣтозарной Души, обращающей жизнь въ радость.

Наслѣдственность и воспитаніе. Недавно на западѣ возникла новая наука—Евгенологія. Проф. Пирсонъ, глава евгенологической лабораторіи лондонскаго университета говоритъ, что если не будутъ приняты

усиленныя мѣры, западное человѣчество пойдетъ вспять, можетъ быть даже погибнетъ. Изъ таблицъ, опубликованныхъ имъ, видно, что физическія качества отъ одного изъ родителей передаются 42—50 процентамъ его потомковъ,—а передача умственныхъ качествъ на 6 или 8 процентовъ больше. Также всѣ признаки дегенераціи достигаютъ того же процента въ передачѣ, но, къ сожалѣнію, замѣчается, что плодовитость у дегенератовъ не меньше, а гораздо больше, чѣмъ у нормальныхъ и тѣмъ болѣе культурныхъ людей. Опасность здѣсь очевидна. Профессоръ говоритъ: «въ одной таблицѣ я помѣстилъ плодовитость глухонѣмыхъ, чахоточныхъ, криминальныхъ и сумасшедшихъ, а внизу плодовитость нормальныхъ людей. Сразу видно, что дегенераты не только не уничтожаются этимъ путемъ, но даже размножаются быстрѣе людей нормальныхъ. Оказывается, что нельзя надѣяться на уменьшеніе неспособныхъ такимъ путемъ,—если не принимать въ разсчетъ борьбы за существованіе. Даже есть подозрѣніе, что именно число способныхъ уменьшается, вслѣдствіе паденія ихъ плодовитости». Поэтому профессоръ сожалѣетъ, что мы не только не останавливаемъ борьбу за существованіе, которая убивала бы неспособныхъ, а даже строимъ для нихъ госпитали, пріюты, тюрьмы, гдѣ мы сохраняемъ ихъ жизнь, которая послѣ дѣлается еще хуже, и пр. Мы не можемъ ихъ вылечить, говоритъ профессоръ, съ точки зрѣнія наслѣдственности. Излеченый чахоточный все-таки передаетъ склонность къ чахоткѣ своему потомству. Дѣти исправленныхъ преступниковъ все-таки тяготѣютъ къ преступленію. Болѣзнь лежитъ глубже, чѣмъ индивидуальность. Она захватываетъ не соматическія (тѣлесныя) клѣточки, которыя могутъ быть излечены, а клѣточки герминальныя (т. е. тѣ, которыя переходятъ въ цѣлый рядъ потомковъ). Эти послѣднія не поддаются никакому исправленію, никакому леченію. Если профессоръ правъ, обществу приходитъ конецъ. Цѣлые народы погасли такимъ образомъ. Примѣръ: Римъ, Греція и т. д. Мы видимъ, что наука пасуетъ передъ этой задачей. Но посмотримъ, что скажетъ теософія. Она говоритъ объ очистительной силѣ души, сознающей свое божественное происхожденіе и достоинство. Она утверждаетъ, что если въ ребенкѣ пробудить и поддерживать этотъ огонь сознательной идеальной души, если тренировать его такъ, чтобы вся его жизнь, всѣ его игры, ученіе и пр. озарялись ея свѣтомъ и теплотой,—то эта жизнь души начнетъ воодушевлять, очищать и совершенствовать самый *корень* его физическаго существа. Это сознаніе души не только повліяетъ на его умъ и чувства—о которомъ мы только заботимся въ обыкновенномъ воспитаніи—но она даже исправитъ физическую оболочку. Поэтому система школы «Раджа Іога» захватываетъ всего ребенка въ этотъ ясный потокъ высшей жизни. Только она можетъ спасти общество отъ гибели и исправить наслѣдственность.

Запасы энергіи въ человѣкѣ. Въ одномъ журналѣ проф. Джемсъ, знаменитый американскій психологъ, говоря о нашихъ скрытыхъ запасахъ энергіи, спрашиваетъ, почему мы не пользуемся ею всегда, и какимъ образомъ вызвать ее въ дѣйствіе. Но онъ не вполнѣ подробно отвѣчаетъ на первый вопросъ.

Человѣкъ—двойственное существо. Его духовная часть стремится вверхъ, матеріальная внизъ. Что же значитъ это слово «внизъ». Матерія всегда стремится принять болѣе простыя формы, обладающія малымъ движеніемъ, формы, которыя уже дальше не желаютъ измѣняться. Протоплазма напр., оставленная жизнью, стремится превратиться въ угольную кислоту, воду, азотъ. Дерево въ угольную кислоту и воду. Вотъ путь матеріи, оставленной на свое собственное попеченіе. Ясно, что съ точки зрѣнія болѣе сложнаго, это дорога смерти, неподвижности. Для поддержанія сложной формы требуется *воля*, будь

это воля природы, или же въ сознательномъ существѣ къ этому добавляется еще его собственная воля, духовная. Вотъ эта воля и борется постоянно со стремленіями матеріи.

Но въ свою очередь стремленіе «внизъ» сопротивляется воли. Напримѣръ, желавіе дѣлать что нибудь легкое, скажемъ, оставаться въ постели. Здѣсь матерія, какъ мы показали, уже показываетъ свое стремленіе сдѣлать, на сколько это насъ касается, *мертвой*. Въ данномъ случаѣ мы ложно говоримъ, что желаемъ,—мы просто уступаемъ стремленію матеріи. Тоже если мы желаемъ идти гулять, когда у насъ есть болѣе важная работа. Прогулка можетъ быть требуетъ извѣстнаго усилія, но все таки эта уступка матеріи, желающей болѣе легкой формы движенія, желающей быть какъ можно ближе къ своему состоянію *смерти*.

Человѣкъ, желающій дѣйствительно жить, долженъ научить себя противостоять, отбрасывать, оскорбляться такимъ стремленіемъ или желаніемъ наименьшаго усилія. Когда онъ освободится отъ этихъ желаній, онъ можетъ сказать, что онъ вполнѣ обладаетъ своей волей, которая, будучи не похожей на желанія, составляетъ настоящій признакъ человѣческаго рода. Согласно теософіи, воля—это сила вызывать энергію извнѣ. Напримѣръ, когда человѣкъ утомленъ, если онъ продолжаетъ все таки работать,—приходитъ минута, когда его утомленіе исчезаетъ, и онъ опять чувствуетъ себя комфортабельно не только во время работы, но и послѣ нея. Эта сила воли возрастаетъ отъ упражненія. Мы не знаемъ, есть ли ей какой нибудь предѣлъ. Если есть, то нашъ опытъ еще его не достигъ. Мы можемъ продолжать практику, не думая объ этомъ. И нѣтъ нужды объ этомъ думать. Эти внѣшніе запасы энергіи касаются нашей умственной и физической природы; но есть еще и внутренняя природа, которая дастъ энергію, напримѣръ сказать слово «нѣтъ», и эта энергія нисходитъ по нашему зову къ намъ *внизъ*—изъ чисто духовнаго центра человѣческаго сознанія. Внутренній человѣкъ есть воплощенная часть этой энергіи,—и отсюда его сила проявлять свою волю, его безсмертіе, его неизсякаемые духовные запасы.

Рожденіе и смерть народовъ.

Одна газета на вопросъ: «Почему величіе Греціи и Рима прошло, какъ сонъ, и оба эти народа погибли?»—отвѣчаетъ: «По той же причинѣ какъ и человѣкъ достигаетъ возмужалости, старѣетъ и умираетъ. А нѣкоторые люди умираютъ въ среднемъ возрастѣ или въ младенчествѣ. Также и народы».

Правда, что нѣкоторые народы теряютъ живительную силу своей свѣтозарной души и умираютъ даже иногда преждевременно,—но все-таки намъ кажется, что отвѣтъ не полонъ и несправедливъ. Вопрошающій чувствовалъ здѣсь больше; онъ какъ будто хотѣлъ сказать: «Зачѣмъ эта вся потеря цивилизаціи, съ трудомъ и болью достигшей апогея,—зачѣмъ такая безцѣльная трата,—а послѣ новая такая же попытка, осужденная низвергнуться въ бездну погибели?» Теософія отвѣчаетъ, что внѣшній міръ, это только тѣнь или цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ тѣней идеальнаго міра, также какъ и человѣкъ это болѣе или менѣе удачная тѣнь его души,—его Прототипа, обитающаго вѣчно въ идеальномъ мірѣ. Поэтому нечего оплакивать исчезнувшій народъ: онъ когда нибудь опять появится на свѣтѣ въ еще большей красотѣ,—жаль только преждевременно погибшихъ народовъ, которые не исполнили своей спеціальной миссіи. Но все это важно для противодѣйствія тому цинизму и пессимизму, которымъ пропитаны наши книги по исторіи и наши мысли. Если мы смотримъ только на внѣшнія формы, мы всегда будемъ видѣть только перемѣну и разложеніе, и мы потеряемъ изъ вида непрерывную жизнь и прогрессъ внутри насъ. Теософія ведетъ безпрерывную борьбу съ такими цини-

ческими взглядами, которые наполняютъ міръ отчаяніемъ и охлаждаютъ всякую надежду и охоту. Поистинѣ, теософія есть вновь воскресшая благая вѣсть для человѣчества.

Слѣды гигантовъ въ Невадѣ. Въ журналѣ «Sunset» въ Калифорніи описываются слѣды гигантовъ, открытые близъ Карсона, въ Невадѣ. Слѣды эти открыты въ каменоломнѣ на одной плитѣ окаменѣвшаго ила. Они открыты въ 1882 году,—и второе подобное открытіе было сдѣлано недавно. Видно два сорта слѣдовъ. Одни слѣды овальные, почти круглые, около 28 дюймовъ въ діаметрѣ и отъ 2 до 6 дюймовъ глубины. Шагъ равняется $4^1/_2$ футамъ. Предполагаютъ, что это слѣды мамонта или какого нибудь другого изъ слонообразныхъ. Другіе слѣды имѣютъ отъ 18 до 21 дюйм. длины, отъ 6 до 8 д. ширины. Они закруглены съ обоихъ концовъ, передняя часть шире, и формою совсѣмъ напоминаютъ человѣческіе. Это слѣды двуногаго существа. Длина шага отъ 27 до 38 дюймовъ. Такъ какъ земля была скользкая, легко предположить, что гигантъ шелъ осторожно, мелкими шагами. Нѣкоторые предполагаютъ, что это слѣды животнаго, которое ставило свои заднія ноги на слѣды переднихъ. Но это не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, трудно было бы животному на скользкомъ грунтѣ попасть аккуратно каждый разъ въ слѣды переднихъ, а во-вторыхъ, для такого малаго шага это бы требовало большой эквилибристики со стороны животнаго. Блаватская говоритъ въ «Doctrine Secret, что это дѣйствительно слѣды гигантовъ, именно»: Если окаменѣвшие слѣды изъ Карсона человѣческіе, они безспорно принадлежали гигантамъ. Не остается никакихъ сомнѣній въ ихъ подлинности. Только жаль, что для современной науки это есть единственное доказательство существованія гигантовъ. Много разъ уже случалось, что кости предполагаемыхъ гигантовъ оказывались костями слоновъ и мастодонтовъ». Но въ «Doctrine Secret» дается изобиліе другаго рода доказательствъ существованія гигантовъ. И теперешніе великаны показываютъ ни болѣе ни менѣе, какъ атавистическое возвращеніе къ этому типу. Изъ за одного духа противорѣчія къ Теософіи и Библіи, ученымъ не слѣдуетъ форсировать факты и выдумывать какое то эквилибристическое животное.

Новыя раскопки въ Греціи. Mr. Arthur I. Evans, производящій раскопки въ Кноссѣ, написалъ письмо въ лондонскую газету «Times», и оттуда мы приводимъ нѣсколько фактовъ. Около мили на сѣверъ отъ «Дома Миноса» обнаружили рядъ циклопическихъ камней, а подъ нимъ двѣ могилы, закругленно-конической формы, относящіяся къ 800 году до Р. Х., когда Дорійцы начинали заселять островъ. Тамъ найдены мечи такого же типа, какъ на материкѣ, желѣзо, слѣдующее за періодомъ ранней бронзы, и погребальныя урны для пепла; эти остатки показывали пережитокъ древней миносской формы. Также нашли новый сложный геометрическій рисунокъ и новую форму, полихромическихъ орнаментовъ. Вернувшись къ старому дворцу, изслѣдователи нашли подъ мостовой Западнаго Двора круглое, окруженное стѣнами пространство 20 фут. въ діаметрѣ и 12 футъ глубины съ цементовымъ поломъ. Тамъ нашли массу остатковъ изъ перваго періода позднѣйшаго дворца, окончаніе котораго, кажется, соотвѣтствуетъ XV династіи въ Египтѣ, гдѣ искусство тогда упало, благодаря завоевательной династіи Гиксовъ; но на Критѣ это былъ періодъ расцвѣта миносской цивилизаціи. Окончаніе его относится къ XVIII столѣтію до Р. Х., и искусство показываетъ натурализмъ, никогда опять не повторившійся въ древнемъ мірѣ. Напр. рельефы крабовъ и раковины были сначала приняты за естественныя окаменѣлости,—такъ они были натуральны. Также были найдены рельефы и другихъ морскихъ животныхъ. Былъ найденъ передвижной каминъ изъ алебастра, и на немъ оказался волнистый микенскій

узоръ. Это показываетъ, что микенское искусство произошло изъ миносскаго. Тоже нашли богиню змѣй и мраморный крестъ. Изслѣдователи даже нашли на глубинѣ 25 футовъ корридоръ изъ до дворцоваго періода, но были принуждены на время остановить работы. Въ общемъ они изслѣдовали 3000 кв. ярдовъ.

Какъ все это подтверждаетъ греческіе миѳы, къ которымъ историки относились такъ легкомысленно! Въ отдаленности временъ варварская эпоха все болѣе и болѣе отодвигается,—и скорѣе видно подобіе золотаго вѣка, чѣмъ дикости троглодитовъ.

Сокрытыя рукописи. Одна газета содержитъ слѣдующую замѣтку:

«Въ Фецѣ есть богатѣйшая библіотека рукописей. Между этими драгоцѣнными документами находятся неизданныя рукописи Тацита. Какимъ образомъ могли они попасть въ центръ Марокко? Не во время ли грабежа Рима? Это покрыто тайною.

Во всякомъ случаѣ будетъ интересно, какъ только въ Марокко возстановится порядокъ, провѣрить фактъ и допустить ученыхъ сдѣлать богатую жатву любопытныхъ документовъ».

Авторъ не приводитъ источника, откуда онъ узналъ о существованіи этой библіотеки въ Фецѣ, Марокко, и о рукописяхъ Тацита. Но это не важно; нѣтъ сомнѣнія, что существуютъ секретныя хранилища рукописей во многихъ мѣстахъ, включая Марокко. Многіе путешественники подтверждаютъ это. «Великія Души Состраданія» берегутъ цѣнную литературу міра, включая болѣе драгоцѣнныя рукописи, чѣмъ лѣтопись Тацита, и сохраняютъ ихъ черезъ періоды невѣжества къ тому времени, когда человѣчество будетъ въ состояніи понять ихъ. Этотъ родъ литературы содержитъ ученіе «Древней Мудрости», спрятанное въ теченіе періодовъ времени, когда такія Мистеріи могли бы подвергнуться искаженію, или даже уничтоженію какимъ нибудь фанатикомъ. Эти рукописи скрыты въ подземельяхъ уединенныхъ монастырей, и извѣстны только давшимъ слово сохранять ихъ и можетъ быть недогадывающимся объ ихъ настоящемъ значеніи.

Что была необходимость ихъ прятать, мы можемъ легко догадаться, читая «Послѣдніе дни Помпеи», гдѣ, можетъ быть грубо и неправильно, но все таки дается нѣкоторое понятіе объ интенсивной чувственности и разрушительномъ насиліи, царившихъ въ это время въ центрахъ цивилизаціи, когда обряды древняго Египта, Греціи и Азіи выродились въ развратъ. Также фанатики древней церкви уничтожили все, чего не могли понять, считая, что священная наука не была предназначена для такого міра. Но также вѣрно, что эти записи были спасены отъ погибели и сохранены для того времени, когда міръ пріобрѣтетъ право получить ихъ и силу пользоваться ими.

Между этими рукописями находятся многія, которыя содержатъ цѣнныя и удивительныя данныя о происхожденіи христіанства, и которыя будутъ на пользу теософіи. У насъ тоже есть въ исторіи пробѣлы даже объ имперіяхъ, процвѣтавшихъ въ Азіи на теперешнихъ песчаныхъ пустыняхъ. Этотъ вопросъ когда нибудь выяснится.

Женщины пробуждаются. Въ Англіи четыре съ половиной милліона женщинъ живутъ своимъ трудомъ. Какъ и въ Америкѣ, почти въ каждой области труда, можно встрѣтить представительницъ «прекраснаго» пола. Больше всего мѣстъ занято учительницами, но есть и женщины доктора, адвокаты, проповѣдницы, издательницы, типографы, переплетчики, чиновники и т. д. въ непрестанно возрастающемъ числѣ.

Встрѣчаются даже женщины кузнецы,—ихъ насчитывается 400.

Въ Египтѣ существуетъ семь правительственныхъ школъ для дѣвушекъ, откуда онѣ выходятъ опытными преподавательницами. Можетъ быть со време-

немъ Египетъ вспомнитъ Ипатію, передъ мудростью которой преклонялись высочайшіе умы, (см. Ипатія, романъ Чарльса Кингсли, переведенный по русски),—и еще раньше тѣ дни, когда положеніе женщинъ въ странѣ было очень высоко, и когда она была жрицей и правительницей, докторомъ и адвокатомъ, равная мужчинѣ во всѣхъ отношеніяхъ, облеченная сіяніемъ настоящей женственности, уважаемая и чтимая всей страною.

На филиппинскихъ островахъ должность «телефонныхъ барышень» занимаютъ представительницы высшаго свѣта, съ прекраснымъ образованіемъ. Эта должность очень желательна для нихъ и пользуется уваженіемъ. Онѣ изучаютъ испанскій, англійскій и тагальскій языки, а многія знаютъ китайскій, японскій и другіе восточные языки. Ихъ начальница, американка, очень хвалитъ этихъ красивыхъ темнокожихъ женщинъ за ихъ умъ и энергію. Какой контрастъ съ дѣвушками высшаго свѣта въ Европѣ! Чуть только дѣвушка обезпечена, ея легкомысленная голова занята исключительно тряпками и танцами, одинаково вредно дѣйствующими на умъ и душу женщины.

Одна богатая американка шьетъ себѣ туалеты исключительно изъ матерій, вытканныхъ руками. Она сожалѣетъ объ упадкѣ этого домашняго искусства и хочетъ возстановить его. Многія послѣдовали ея примѣру. Извѣстно, что на ручныхъ станкахъ Жаккарда, которые сравнительно не дороги, можно выткать всевозможные узоры.

Самая древняя рукопись по химіи. Самая древняя рукопись по химіи, это Египетскій папирусъ, сохраняющійся въ Лейденскомъ университетѣ. Онъ состоитъ изъ двадцати листовъ. Восемь изъ нихъ, т. е. 16 страницъ, написаны очень четко. Онъ былъ найденъ въ Ѳивахъ въ Верхнемъ Египтѣ, и содержитъ 101 рецептъ,—многіе изъ которыхъ трактуютъ о металлахъ. Онъ былъ переведенъ по латыни Leemans'омъ въ 1885 г. и по французски химикомъ Berthelot.

Языкъ Индѣйцевъ Люизано. Однимъ изъ доказательствъ того, что краснокожіе Индѣйцы Америки не произошли отъ троглодитовъ, но отъ высокообразованнаго народа, служитъ языкъ племени Люизано. Г-нъ Филиппъ С. Спаркманъ, торговецъ въ г. Ринконъ, имѣвшій много торговыхъ дѣлъ съ этимъ племенемъ и пріобрѣвшій ихъ довѣріе посвятилъ, наконецъ, свою жизнь изученію ихъ языка. Туземные старшины даже учили его древнимъ словамъ и объясняли ихъ значенія. Спаркманъ говоритъ, что онъ считаетъ языкъ Люизано самымъ высшимъ образцомъ всѣхъ языковъ вообще. Грамматика его совершенно правильна, такъ что даже ребенокъ можетъ понять ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ самыя тонкія оттѣнки мысли. Относительно корней, Спаркманъ считаетъ самымъ бѣднымъ китайскій языкъ, англійскій занимаетъ среднее мѣсто, испанскій и всѣ романскіе немного выше. Латинскій еще выше,—но богаче всѣхъ языкъ Люизано. Проф. Крёберъ Калифорнійскаго университета тоже занимался индѣйскими нарѣчіями и нашелъ, что языкъ племени Юки своей конструкціей и корнями показываетъ общее происхожденіе съ языкомъ Сибирскихъ Якутовъ.

Молочное Хозяйство въ Новой Зеландіи. Островъ раздѣленъ на участки, и въ первомъ участкѣ жители соорудили фабрики молочныхъ продуктовъ, куда каждый фермеръ посылаетъ ежедневно молоко. Продукты отсылаются въ Англію на пароходѣ. Каждый фермеръ получаетъ чекъ, соотвѣтственно количеству и качеству молока. Правительство продаетъ тоже землю народу малыми участками, но не съ аукціона, такъ какъ это повысило бы цѣну, и земля перешла бы въ руки крупныхъ капиталистовъ, чего правительство не желаетъ,—а по жребію, за заранѣе опредѣленную плату.

Утилизація силъ природы. На югѣ, въ Калифорніи, уже начинаютъ пользоваться прямой теплотой солнца, какъ двигателемъ, но безъ зеркалъ. Берется плоскій ящикъ, или скорѣе два ящика, вложенныхъ одинъ въ другой такъ, что пространство между ними наполнено войлокомъ. Ящики покрыты нѣсколькими листами стекла, и на днѣ ящика находится спиральная, зачерненная сажею, трубка съ эфиромъ внутри. Извѣстно, что лучистая теплота солнца проникаетъ черезъ стекло безъ затрудненій, но будучи поглощена трубкою, она измѣняетъ свой характеръ и не можетъ выйти черезъ нѣсколько листовъ стекла, между которыми находится воздухъ, слоями въ нѣсколько сантиметровъ толщины. Эфиръ нагрѣвается гораздо выше точки кипѣнія и приводитъ въ движеніе машину. Тамъ тоже испытываются теперь машины, приводимыя въ движеніе волнами моря, сила которыхъ громадна и конструкція которыхъ очень простая.

Король Оскаръ о музыкѣ своего народа. Недавно умершій король Оскаръ, лидеръ своего народа въ высокомъ и духовномъ значеніи этого слова, такъ однажды выразился о музыкѣ своего народа: «Наши народныя пѣсни очень богаты разнообразіемъ ритма и большимъ богатствомъ мелодій, но особенно правдивостью и ясностью выраженія чувства. Онѣ родились среди нашей дикой природы, у костровъ или вдали отъ домовъ, среди бѣлыхъ лѣтнихъ ночей Сѣвера. Въ нихъ нѣтъ теплоты лѣтняго солнца, но глубокое и настоящее чувство. Народъ, создавшій ихъ, живетъ трудомъ, часто въ одиночествѣ, вотъ почему пѣсни носятъ полу-меланхолическій, полу-мистическій характеръ. Скандинавскія сердца нѣжны и преданны, но также доказали серьезность ума и благородную храбрость. Вотъ почему всегда ихъ пѣсни будутъ производить глубокое впечатлѣніе».

Первая Тибетская газета. Первая газета на тибетскомъ языкѣ появилась недавно на свѣтъ въ г. Лхассѣ. Великій Лама занятъ реформами, открывая библіотеки и залы для чтенія, гдѣ народъ можетъ научиться географіи, исторіи и изучать промышленныя условія Тибета. Тибетское правительство полагаетъ, что невѣжество народа служитъ препятствіемъ къ проведенію реформъ и реорганизаціи административной дѣятельности.

Международный языкъ Эсперанто и Теософія.

По поводу этого отдѣла просятъ обращаться за разъясненіями (письменно съ оплаченнымъ отвѣтомъ) къ Евгенію Викторовичу *Радванъ-Рыпинскому*, С.-Петербургъ, Заротная ул. 14, кв. 31.

I.

Какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границею, въ настоящее время теософіею интересуются люди всѣхъ классовъ населенія съ высшимъ и низшимъ образованіемъ и самыхъ разнообразныхъ профессій. Личное или по перепискѣ сближеніе русскихъ теософовъ обмѣномъ мыслей и сужденій несомнѣнно много способствовало распространенію теософіи въ Россіи. Объединеніе же теософовъ всего міра въ одну сплоченную братскую семью дало бы возможность людямъ поставить теософію на такую недосягаемую высоту, которая, въ концѣ концовъ, путемъ взаимныхъ соглашеній и уступокъ, привела бы, можетъ быть, человѣчество къ созданію единой общей, высоко-идеальной религіи, а, вслѣдъ за этимъ, какъ неизбѣжный результатъ, необыкновенный подъемъ нравственнаго уровня народонаселенія способствовалъ бы въ свою очередь установленію такого порядка, при которомъ не было бы той ужасающей нищеты и голода, тѣхъ обездоленныхъ и выброшенныхъ за бортъ житейской арены пасынковъ судьбы, а также не было бы и матеріальнаго пресыщенія черствыхъ эгоистовъ, явленія крайне ненормальнаго и не признаваемаго преступнымъ.

Но для объединенія теософовъ всего міра имъ не только недостаточно знанія своего родного языка ,но и главнѣйшихъ изъ иностранныхъ языковъ: французскій, нѣмецкій и англійскій еще не гарантируютъ возможности общенія со всѣмъ міромъ; знаніе же всѣхъ иностранныхъ языковъ недоступно даже и феноменальному языковѣду. Если же примемъ во вниманіе, что изученіе и одного изъ вышеприведенныхъ трехъ иностранныхъ языковъ, и притомъ только поверхностное, и то требуетъ неимовѣрныхъ усилій, траты много времени и денегъ, что, конечно, можетъ быть доступно лишь человѣку болѣе или менѣе свободному и, стало быть, сравнительно матеріально обезпеченному, то уже этимъ самымъ бѣдному трудо-

вому классу съ ограниченнымъ образованіемъ положительно отрѣзана всякая возможность непосредственно сноситься съ единомышленниками за границею. Освѣдомленіе же объ успѣхахъ теософіи за границею въ переложеніи на родномъ языкѣ сопряжено съ весьма понятнымъ запозданіемъ и, что въ особенности прискорбно, зачастую, неточность и неполность перевода иногда не только не даетъ того надлежащаго и яснаго представленія о современномъ положеніи и движеніи этой науки за рубежомъ, но и невольно, можетъ быть, упускаетъ изъ виду и замалчиваетъ тѣ нѣкоторые факты изъ теософическаго движенія, которые переводчикамъ почему либо кажутся не имѣющими особаго значенія, а, между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, таковые лицамъ, интересующимся теософіею, какъ разъ напротивъ, являются существеннѣйшими. Поэтому весьма понятно какое громадное значеніе для русскихъ теософовъ имѣетъ ихъ личная и неопсредственная переписка по интересующему ихъ вопросу съ заграницею, не говоря уже о томъ, что опубликованіе интересныхъ выдержекъ изъ таковой корреспонденціи, хотя бы даже и въ переложеніи на русскомъ языкѣ, въ ихъ спеціальномъ органѣ, явилось бы для редакціи послѣдняго значительнымъ подспорьемъ, какъ въ отношеніи свѣжести и богатства матеріала, такъ и въ оживленномъ обмѣнѣ мыслей съ заграницею посредствомъ того же печатнаго органа. И несомнѣнно, что редакція охотно бы пошла навстрѣчу подобнаго раздѣленія труда со своими подписчиками-сотрудниками, горячо ратуя за распространеніе и процвѣтаніе проводимаго въ жизнь ученія.

Слѣдовательно, вся наша задача теперь сводится къ изысканію способа русскимъ теософамъ сноситься непосредственно съ заграницею безъ знанія какихъ бы то ни было иностранныхъ языковъ.

Наиболѣе удачное разрѣшеніе такой проблеммы и представляетъ собою цитируемый мною въ заголовкѣ искусственный, но необыкновенно легкій для самоизученія, гибкій, богатый и благозвучный международвый языкъ Эсперанто.

Однако, чтобы быть строго послѣдовательнымъ и уже не возвращаться, послѣ описанія языка Эсперанто и изложенія въ видѣ популярнаго курса эсперантской грамматики, къ исторіи возникновенія этого языка, я позволю себѣ теперь же коснуться вообще исторіи зарожденія самой идеи о такомъ языкѣ, вполнѣ надѣясь, что подобный вступительный очеркъ читатели прочтутъ съ должнымъ вниманіемъ и не безъ нѣкотораго интереса.

Идея искусственнаго международнаго языка народилась и развилась за послѣднія столѣтія. Въ древнемъ мірѣ въ роли международныхъ языковъ фигурировали *греческій*—со временъ Александра Македонскаго и *латинскій*—отъ начала христіанской эры, причемъ послѣдній держался около полуторы тысячи лѣтъ послѣ исчезно-

венія говорившаго на немъ народа. Но, съ теченіемъ времени, этотъ языкъ, замкнутый въ тѣсную рамку своей грамматики и, оказавшись непримѣнимымъ къ современной жизни, пересталъ удовлетворять требованіямъ международнаго языка, и на смѣну ему выступили: *французскій*, какъ дипломатическій и аристократическій, *нѣмецкій*—языкъ науки, *англійскій*—языкъ торговли и *итальянскій*—музыки и пѣнія. Такимъ образомъ вмѣсто одного международнаго появилось ихъ нѣсколько, изъ коихъ каждый претендовалъ на званіе всемірнаго языка, но ни одинъ изъ нихъ, вслѣдствіе трудности изученія и невозможности обоюднаго соглашенія между соперничающими народами, не могъ сдѣлаться всемірнымъ, и тогда сама собою, появилась идея о созданіи искусственнаго всемірнаго языка. Мысль о немъ впервые зародилась въ XVII столѣтіи. Вопросомъ этимъ занялся въ 1629 г. ученый Descartes. Въ 1652 г. шотландецъ Tohmas Urguhart de Cromarty опубликовалъ въ Лондонѣ свою систему «Ligopandecteision, or an introduction to the Universal Language. Въ 1661 г. д-ръ Ioh. Ioach Becker предложилъ замѣнить слова цифрами. Это была, такъ называемая, пазиграфія. Потому же пути шли въ 1665 г. Dalgarno и Anastasius Kirchner. Въ 1666 г. великій философъ W. Leibnitz въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, Dissertatio de arte combinations (Lipsiae, 1666) выразилъ свою идею и возможность созданія пазиграфіи. Спустя два года англійскій епископъ Iohn. Wilkins опубликоватъ свою систему пазиграфіи въ сочиненіи: „An Essay towards a seal Character and philosophical language“ (1668). За нимъ слѣдовали Peter Porele (1667), Upperdorf (1670—80), Andreas Muller (1681), въ систему котораго вошелъ уже языкъ фонетическій, имѣвшій основаніемъ языкъ китайскій, іезуитъ Besnier (1684), Ioch. Caramuel von Lobkowitz (1687). David Solbrig (1725), венгерецъ Kalmar de Taboltzafo (1772), система котораго отличалась ужасною трудностью; Berger (1779), Delormel (1795), Vater (1795), Maimieux (1797), M. Budet и M. Chambry; но этимъ еще не закончились попытки создать пазиграфію. Въ 1796 появилась система Sicard, въ 1797—система профессора С.-Петербургскаго Университета Wolke; системы пазиграфіи были предложены также и гг. Fry, Buch, Grotenfeld и I. S. Vater (1799); въ 1805 г. появилась система г. Nather, въ 1840—Renzi и Sunderwall; въ 1863—идеографія Don Sinibaldo de Mas, въ которую вошло около 2600 знаковъ, имѣющихъ форму музыкальныхъ нотъ. Въ 1874 г. система неизвѣстнаго автора на англійскомъ языкѣ. Новѣйшія системы пазиграфіи принадлежали барону Gablenz, Moses Paiz, Anton Bachmaier и Albert Walter.

Эти многія попытки служатъ лучшимъ доказательствомъ потребности существованія международнаго языка, но пазиграфія, какъ языкъ исключительно для письма, а потому невыговариваe-

мый, не могла имѣть успѣха и уже въ 1818 году Niethammer указалъ на необходимость перейти къ языку фонетическому, т. е. разговорному. Таковой переходъ и сдѣланъ былъ католическимъ священникомъ Schleyer, авторомъ языка Volapük (1878).

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Воляпюкъ пріобрѣлъ тысячи приверженцевъ. Между прочимъ I. Lott писалъ, что въ Австріи одинъ онъ познакомилъ съ Воляпюкомъ почти 10.000 человѣкъ. Нѣкоторые нѣмецкіе журналы печатали упражненія на Воляпюкѣ. Были основаны кафедры воляпюка въ Парижѣ (Ecole de hautes études commerciales), въ Вѣнѣ четыре (изъ нихъ одна при университетѣ), въ Мадридѣ (Филологическое Общество), въ Бордо, въ Италіи, въ Сѣверной и Южной Америкѣ, а также преподавался въ Мюнхенской гимназіи и въ испанскихъ школахъ.

На воляпюкѣ выходили газеты и журналы въ Констанцѣ, Бреславлѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Мадридѣ, Миланѣ, Стокгольмѣ, Мюнхенѣ, Порто-Рико и, даже, въ Китаѣ („Interpretor", въ 1889 г.). Послѣднею газетою на этомъ языкѣ была „Volapukabeed zenodik". Въ 1895 г. былъ созванъ второй конгрессъ воляпюкистовъ въ Мюнхенѣ и основалась академія воляпюка, предсѣдателемъ коей былъ избранъ A. Kerckhoffs въ Парижѣ. Эта академія и обнаружила впервые недостатки воляпюка, а именно трудность его изученія, такъ какъ почти всѣ слова *были произвольно выдуманы* авторомъ, частью же видоизмѣнены до неузнаваемости, а не взяты прямо изъ живыхъ языковъ, словарь былъ слишкомъ великъ и, ко всему этому, самый языкъ слишкомъ грубъ, тяжелъ въ произношеніи и неблагозвученъ. И съ этого уже времени воляпюкъ съ поражающею быстротою сталъ повсемѣстно терять своихъ приверженцевъ, часть которыхъ благоразумно сдѣлалась эсперантистами, какъ напримѣръ 1 сентября 1889 г. воляпюкскій клубъ въ Нюренбергѣ въ полномъ составѣ примкнулъ къ яз. эсперанто,—большинство же было настолько поражены паденіемъ воляпюка, что совсѣмъ уже не пожелали примкнуть ни къ какой системѣ искусственнаго языка, не вѣря болѣе въ ихъ возможность и будущность. Колоссальный же временный успѣхъ воляпюка объясняется, какъ назрѣвшей потребностью международнаго языка и, сравнительной еще тогда, новизною идеи фонетическаго, притомъ вполнѣ законченнаго, языка—тогда какъ другія системы въ этомъ направленіи не представляли пока собою ничего цѣлаго,—такъ и тѣми громадными матеріальными средствами, которыми располагали воляпюкисты для широкаго рекламированія и пропаганды проводимаго ими въ жизнь языка.

Въ 1885 г. появилась система Pasilingva—г. Steiner'а и еще двѣ системы въ 1887 г.: Spelin-Bauer'а и Lingvo Tutmonda неизвѣстнаго нѣмецкаго автора. Но всѣ эти системы были слишкомъ слабы, чтобы конкурировать съ гремѣвшимъ на весь міръ воляпюкомъ.

Въ это же самое время появилась и система русскаго окулиста Л. М. Заменгофа-Эсперанто (Esperanto).

Если же мы теперь примемъ во вниманіе, что послѣ опубликованія яз. эсперанто (1887 г.) появилось еще болѣе 15 разныхъ системъ, въ томъ числѣ: Kosmos,—Eugenio Lauda, Lingua, Nov Latin, Hellenique, Lingvo Franca Nuova, Franca-Angla lingvo—Lentz, Lingvo—Nilson, Lingvo Catolica—Albert Liptay, Myrana, Mondolingue, Universala, Communicationssprache, Nal-bino, Kosmopolit—Lott (1891 г.), Chabe и, за послѣднее время, Françaisin, Idiom Neutral, La Langue bleue (Bolak), Thal, Exelsior (видоизмѣненіе эсперанто) и др.,—то будетъ очень ясно, при какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ появилась и боролась система д-ра Л. Заменгофа.

Въ 1811 году Копенгагенская Академія Наукъ назначила премію за изобрѣтеніе легчайшаго и наиболѣе практичнаго способа для международныхъ сношеній. Затѣмъ, въ 1887 году, Американское Философское Общество въ Филадельфіи поручило комитету, состоящему изъ трехъ лицъ, обсудить вопросъ о созданіи международнаго языка. Комитету было предложено обсудить и разрѣшить вопросъ: нуженъ ли международный языкъ, можно ли создать его, и какой онъ долженъ быть. Ничего не зная еще о работѣ д-ра Заменгофа, это Общество пришло къ тѣмъ же выводамъ объ искусственномъ языкѣ, къ какимъ пришелъ самъ Заменгофъ. Принципы, которые Общество выработало для языка теоретически, авторъ Эсперанто осуществилъ практически. Когда труды Комитета подходили къ концу, изъ Варшавы была получена брошюра Заменгофа о международномъ языкѣ Эсперанто. Докладъ о немъ былъ сдѣланъ однимъ изъ членовъ Комитета, секретаремъ Общества г. Henry Phillips, который нашелъ, что разрѣшеніе вопроса о международномъ языкѣ, предложенное д-ромъ Заменгофомъ, есть наиболѣе раціональное. Самъ онъ сдѣлался горячимъ сторонникомъ системы Эсперанто, написалъ англійско-эсперантскій словарь и объ этой своей работѣ объявилъ въ № 7 журнала „La Esperantisto“ за 1890 г.

О языкѣ Эсперанто великіе мыслители, филологи и профессора дали слѣдующіе свои компетентные и лестные отзывы:

Графъ Л. Н. Толстой.

27 апрѣля 1894 г.

Милостивый Государь!

Я получилъ Ваши письма и постараюсь, какъ съумѣю, исполнить Ваше желаніе, т. е. высказать свое мнѣніе о мысли вообще международнаго языка и о томъ, насколько языкъ эсперанто соотвѣтствуетъ этой мысли.

Въ томъ, что люди идутъ къ тому, чтобы составить одно стадо съ однимъ пастыремъ разума и любви, и что одной изъ бли-

жайшихъ предшествующихъ ступеней этого должно быть взаимное пониманіе людьми другъ друга,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Для того-же, чтобы люди понимали другъ друга, нужно или то, чтобы всѣ языки сами собой слились въ одинъ (что если и случится когда либо, то только черезъ большое время) или то, чтобы знаніе всѣхъ языковъ такъ распространилось, чтобы не только всѣ сочиненія были переведены на всѣ языки, но и всѣ бы люди знали такъ много языковъ, чтобы всѣ имѣли возможность на томъ или другомъ языкѣ сообщаться другъ съ другомъ, или то, чтобы былъ избранъ всѣми одинъ языкъ, которому обязательно обучились бы всѣ народы, или, наконецъ, то (какъ это предполагается воляпюкистами и эсперантистами), чтобы всѣ люди разныхъ народностей составили бы себѣ одинъ международный облегченный языкъ и всѣ обучились ему. Въ этомъ состоитъ мысль эсперантистовъ. Мнѣ кажется, что это послѣднее предположеніе самое разумное и, главное, скорѣе всего осуществимое.

Такъ я отвѣчаю на первый вопросъ. На второй вопросъ,—насколько языкъ эсперанто удовлетворяетъ требованіямъ международнаго языка,—я не могу отвѣтить рѣшительно. Я не компетентный судья въ этомъ. Одно, что я знаю, это то, что воляпюкъ показался мнѣ очень сложнымъ, эсперанто же, напротивъ, очень легкимъ, какимъ онъ долженъ показаться всякому европейскому человѣку. (Я думаю, что для всемірности въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. для того, чтобы соединить китайцевъ, африканскихъ народовъ и пр., понадобится другой языкъ, но для европейскаго человѣка эсперанто чрезвычайно легокъ*). Легкость обученія его такова, что, получивъ лѣтъ шесть тому назадъ эсперантскую грамматику, словарь и статьи, написанныя на этомъ языкѣ, я послѣ не болѣе двухъ часовъ занятій былъ въ состояніи, если не писать, то свободно читать на этомъ языкѣ.

Во всякомъ случаѣ, жертвы, которыя принесетъ всякій человѣкъ нашего европейскаго міра, посвятивъ нѣсколько времени на изученіе этого языка, такъ незначительны, а послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ усвоенія всѣми,—хотя бы только европейцами и американцами—всѣми христіанами,—этого языка, такъ огромны, что нельзя не сдѣлать этой попытки. Я всегда думалъ, *что нѣтъ болѣе христіанской науки, какъ знаніе языковъ, то знаніе, которое даетъ возможность общенія и единенія съ наибольшимъ количествомъ людей*. Я не разъ видалъ, какъ люди становились во враждебныя отношенія другъ къ другу только отъ механическаго препятствія ко взаимному пониманію. И потому

*) Однако это предположеніе Л. Н. Толстого не оправдалось, т. к. яз. Эсперанто на практикѣ оказался также легко изучимымъ и для этихъ народностей, почему и вправѣ считаться всемірнымъ. *Прим. автора.*

изученіе эсперанто и распространеніе его есть несомнѣнно христіанское дѣло, способствующее установленію Царства Божія, того дѣла, которое составляетъ главное и единственное назначеніе жизни человѣческой.

Левъ Толстой.

Проф. Ф. Максъ-Мюллеръ.

Оксфордъ, 16 августа 1894 г.

Милостивые Государи!

Мнѣ часто приходилось высказывать свое мнѣніе относительно достоинствъ различныхъ попытокъ создать всемірный языкъ. Каждая изъ такихъ попытокъ имѣетъ свои достоинства и недостатки, но, конечно, *я долженъ поставить языкъ эсперанто на самое высокое мѣсто между его соперниками.*

Преданный Вамъ

Ф. Максъ-Мюллеръ.

Генри Филлипсъ.

Филадельфія, 12 сентября 1894 г.

Для меня будетъ большимъ удовольствіемъ *оказать услугу дѣлу распространенія языка, изобрѣтеннаго д-ромъ Заменгофомъ.* По моему мнѣнію онъ дѣлаетъ честь своей странѣ, уже полной великихъ людей и девятнадцатому вѣку.

Съ полнымъ къ Вамъ уваженіемъ

Генри Филлипсъ.

Проф. Импер. СПБ. Университета *И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ,* обсуждая различныя системы искусственнаго языка, между прочимъ, объ эсперанто далъ слѣдующее заключеніе:

... „но всѣ эти языки *превосходитъ, какъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, такъ и по медленно, но прочно ростущему числу своихъ знатоковъ, приверженцевъ и послѣдователей, языкъ „Эсперанто“* д-ра Л. Заменгофа, живущаго въ Варшавѣ“.

Не менѣе лестные отзывы о языкѣ Эсперанто дали также членъ Шведской Королевской Академіи Наукъ Cl. Adelskold (написавшій музыку для эспер. гимна „Espero“), W. Ostwald, Grimm, H. Schuchard, Buchard, Tard, Ch. Richet, Duclaux, Roux, Lambert, D'Arsonval, Sebert, Ch. Meray, E. Naville, C. Bourlet, Discailles, O. Vogt, Boirac, Calmette, G. Moch, Stead, Lamansky, Zarnowiecky, Godlewski, P. Toskvig и мн. др. Языкъ эсперанто, по докладѣ о немъ генерала Sebert, одобренъ 9 апрѣля 1901 г. Парижскою Академіей Наукъ, о чемъ и занесено въ Comptes Rendus de l'Académie des Sciences. Въ 1905 г., на всемірной выставкѣ въ С. Луи, между-

народное жюри присудило Парижской эсперантской выставкѣ серебряную медаль. За свое, по истинѣ геніальное твореніе, авторъ яз. эсперанто награжденъ французскимъ правительствомъ орденомъ Почетнаго Легіона, а также очередные за послѣдніе три года конгрессы эсперантистовъ въ Булони, Женевѣ и Кембриджѣ въ 1905, 1906 и 1907 гг., прошедшіе съ шумнымъ успѣхомъ, лишній разъ свидѣтельствуютъ и рѣзко подчеркиваютъ неоспоримыя достоинства и практичность международнаго языка эсперанто. Къ числу его послѣдователей принадлежатъ представители такихъ различныхъ классовъ народонаселенія и профессій, какъ англійскій король Эдуардъ VII, наслѣдный Принцъ Норвежскаго престола Олафъ, Папа римскій Пій X, индійскія раджи, ученые, мыслители, генералы, офицеры, нижніе чины, духовенство, чиновники, служители, рабочіе и др., а также различныя профессіональныя и политическія организаціи. Во многихъ городахъ Россіи и, почти повсемѣстно, заграницею функціонируютъ общества, клубы, группы и кружки для пропаганды эсперанто. Въ С.-Петербургѣ, съ утвержденія Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ 1892 года существуетъ Общество Эсперантистовъ „Эсперо" (Espero), Б. Подъяческая, 24, кв. 12. Печатаются списки и адреса эсперантистовъ; издаются на эсперанто журналы въ Австріи, Алжирѣ, Англіи, Бельгіи, Болгаріи, Бразиліи, Венгріи, Германіи, Даніи, Индіи, Испаніи, Италіи, Мексикѣ, Новой Зеландіи, Перу, Россіи („Ruslanda Esperantisto", СПБургъ, Б. Подъяческая, 24, кв. 12), Филиппинахъ, Франціи, Швейцаріи, Швеціи и Японіи и, почти всѣ, лучшіе заграничные газеты и журналы (Daily News, Die Weltwarte, Revista de Menorca и мн. др.) вмѣщаютъ эспер. отдѣлы и корреспонденціи отъ иностранныхъ эсперантистовъ. На эсперанто уже имѣется богатая оригинальная и переводная литература и вокальныя произведенія. Эсперантисты имѣютъ свой особый гимнъ „Espero", свое знамя и спеціальные значки съ изображеніемъ на таковыхъ зеленой пятиконечной звѣзды—символа надежды. Помимо предоставленія возможности свободнаго обмѣна мыслей со всѣмъ міромъ, будетъ ли то лично, въ разговорѣ, или по перепискѣ, языкъ эсперанто много способствуетъ расширенію торговыхъ сношеній, собиранію цѣнныхъ, коллекцій облегченію путешествій по чужимъ краямъ, миссіонерству и эмиграціи.

—„Простой, гибкій, благозвучный, поистинѣ международный въ своихъ элементахъ, языкъ Эсперанто представляетъ собою цивилизованному міру единственно вѣрное разрѣшеніе международнаго языка. Тысяча фактовъ свидѣтельствуютъ о практической его заслугѣ".

Вотъ краткое, но весьма содержательное и точное опредѣленіе сущности яз. эсперанто, сдѣланное ервымъ его апостоломъ во Франціи, г. L. de Beaufront.

По выговору языкъ эсперанто очень напоминаетъ собою мелодичный итальянскій. Вся грамматика его состоитъ изъ 16 коротенькихъ правилъ, свободно запоминаемыхъ въ полчаса времени. Словарь вмѣщаетъ 2400 корней, изъ которыхъ при помощи 32 вставокъ и приставокъ можно образовать безчисленное множество новыхъ словъ, не имѣя надобности изучать ихъ. Эсперанто богаче всѣхъ существующихъ живыхъ языковъ и на немъ можно выражать даже мельчайшіе оттѣнки рѣчи. Кромѣ всего этого, будучи строго-логично построеннымъ, онъ даетъ возможность быстро и въ совершенствѣ усвоить его какъ въ письмѣ, такъ и въ разговорной рѣчи. Благодаря членораздѣльному строю, а также и тому, что словарь языка эсперанто состоитъ преимущественно изъ общеупотребительныхъ словъ, взятыхъ изъ иностранныхъ языковъ, все написанное на этомъ языкѣ можетъ переводить совершенно свободно, съ помощью словаря, каждый. даже и не изучившій языка эсперанто.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ настоящее время эсперанто такъ необыкновенно широко разнеслось по всему міру, установило прочную и продуктивную связь между всѣми народностями и уже насчитываетъ за границею милліоны приверженцевъ, съ громаднымъ успѣхомъ и несомнѣнною пользою примѣняющихъ этотъ языкъ для своихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей. И, право, затрудняешься и не знаешь, положительно, чему именно приписать то непонятное и ничѣмъ неоправдываемое равнодушіе къ языку эсперанто у насъ, въ Россіи, въ колыбели этого геніальнѣйшаго творенія. И, сама собою, невольно напрашивается мысль, не является ли подобный упорный индифферентизмъ показателемъ сравнительной нашей еще дикости и некультурности, нашей традиціонной спячки, благодаря которой мы, какъ это ни печально, почти во всемъ, такъ далеко отстали отъ просвѣщеннаго запада, точно у насъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ духовныхъ потребностей. никакихъ задачъ въ жизни, цѣлей. стремленій и общности интересовъ.

Однако, будемъ все же надѣяться, что именно теперь, когда надъ Россіею загорается заря новой жизни, когда всестороннее общеобразовательное стремленіе съ неудержимою силою и поспѣшностью охватываетъ болѣе и болѣе всѣ, почти, безъ исключенія классы пробуждающагося русскаго общества, и жажда знанія, не находя уже себѣ удовлетворенія, хотя и въ обширныхъ, но замкнутыхъ рамкахъ нашего отечества, мало по малу стремится почерпнуть еще очень многое и за рубежомъ,—языкъ эсперанто, съ его почти невѣроятною легкостью усвоенія, несомнѣнно сыграетъ для русскаго общества довольно видную роль въ качествѣ незамѣнимаго посредника при сношеніяхъ съ заграницею и на международныхъ съѣздахъ и конгрессахъ. Такимъ образомъ, до сихъ поръ неразумно

и шаблонно третируемый, наконецъ и у насъ, въ Россіи, этотъ языкъ вполнѣ заслуженно, наряду съ другими необходимыми науками, займетъ то же высокое и видное мѣсто, какъ и заграницею.

На Парижской всемірной выставкѣ 1900 года, по инціативѣ профессоровъ L. Couturat и L. Leau, основана Делегація для введенія международнаго вспомогательнаго языка, къ которой уже присоединилось и сейчасъ примыкаетъ безпрерывно много ученыхъ обществъ и профессоровъ изъ различныхъ странъ свѣта, имѣющихъ каждое прислать отъ себя делегата ко дню спеціальнаго съѣзда, который и санкціонируетъ лучшую изъ системъ искусственнаго языка для обязательнаго проведенія ея въ жизнь оффиціальнымъ путемъ. Исходя же теперь изъ той точки зрѣнія, что господствующею въ настоящее время системою такого языка является именно языкъ эсперанто, успѣшно изучаемый даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ міра, и отмѣчая при этомъ громадный съ каждымъ годомъ приростъ его приверженцевъ, можно съ полною увѣренностью сказать впередъ, что будущность эсперанто уже обезпечена и никто, какъ именно онъ и будетъ призганъ оффиціально къ роли всемірнаго языка.

Лицамъ, интересующимся болѣе подробною исторіею международнаго языка вообще и эсперанто въ частности, я считаю своимъ долгомъ указать вопервыхъ на капитальный трудъ на французскомъ языкѣ „Histoire de la langue universelle"—par profes. L. Leau et L. Couturat, изд. въ Парижѣ фирмою Гашеттъ и К°. (Hachette et C°, 79, boulevard Saint-Germain, Paris, France). Стоимость этой книги 4 рубля. И на русскомъ яз. слѣдующія сочиненія: О международномъ языкѣ эсперанто,—рѣчь, прочитанная въ Муромскомъ Музыкально-Драматическомъ Обществѣ 10 апрѣля 1891 г. инженеромъ *В. Б.*; *С. Пергаментъ* (членъ 2-й и 3-й Государственной Думы) Очеркъ развитія международнаго языка. Одесса, 1898 г.; Проф. *В. Оствальдъ*. Всемірный языкъ; *Левъ Горскій*. О международномъ языкѣ эсперанто; *Н. П. Евстифѣевъ*. Къ вопросу о международномъ языкѣ (подъ редакціею проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ). СПБ. 1903 г. Въ настоящее время эти русскія изданія представляютъ собою библіографическую рѣдкость и въ продажѣ не имѣются. Затѣмъ,—Международный языкъ эсперанто во французской Палатѣ Депутатовъ,—со вступительной ст. В. И. Лойко. Цѣна 5 коп. и *Л.—де Бофронъ*. Сущность и будущность идеи международнаго языка (замѣчательное сочиненіе). Цѣна 30 коп. Эти два послѣднія можно получить изъ О-ва „Эсперо" (СПБ. Б. Подъяческая, 24, кв. 12).

Заканчивая этимъ свой вступительный очеркъ, въ послѣдующихъ №№ настоящаго журнала я имѣю привести весьма характерное письмо автора яз. эсперанто о возникновеніи у него этой идеи и

какъ онъ ее осуществлялъ, популярно изложить полный курсъ языка эсперанто, дать обзоръ движенія его за двадцать лѣтъ (1887—1907 гг.) у насъ, въ Россіи, всесторонне обрисовать современное положеніе его заграницею, представить въ картинномъ очеркѣ последній III конгрессъ эсперантистовъ въ Кембриджѣ и затѣмъ уже перейти къ послѣдовательной и регулярной хроникѣ движенія эсперанто въ Россіи и по всему свѣту. По мѣрѣ же возможности будутъ также собираться и печататься адреса, какъ зарубежныхъ, такъ и русскихъ, теософовъ для взаимной переписки по интересующему ихъ предмету.

Помимо всего этого лично я предлагаю свои услуги по чтенію въ С.-Петербургѣ рефератовъ о международномъ языкѣ эсперанто, а равно и преподаю таковой съ разрѣшенія Попечителя СПБ. Учебнаго Округа.

Проф. яз. Эсперанто,

Е. В. Радванъ-Рыпинскій.

Редакторъ-Издатель

В. Богушевскій.